

Учредители:

Институт географии РАН
Смоленский государственный университет
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта

Издатель:

Смоленский государственный университет
Журнал зарегистрирован в Министерстве
цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций РФ
Пер. № ПИ № ФС77-75135 от 07.03.2019

Журнал входит в Перечень рецензируемых
научных изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций

Главный редактор:

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва)
д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

Международный редакционный совет:

акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток);
д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н.,
проф. Вишневский А.Г. (Москва); член-корр. РАН,
д.г.н., проф. Добролюбов С.А. (Москва); д.э.н., проф.
Жихаревич Б.С. (Санкт-Петербург); д.г.н., проф. Зу-
баревич Н.В. (Москва); проф. Кришьяне З. (Латвия);
акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); член-
корр. РАН, д.э.н., проф. Кузнецов А.В. (Москва); д.г.н.,
проф. Лаппо Г.М. (Москва); проф. Лентц С. (Герма-
ния); д.г.н., проф. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.э.н.,
проф. Малов В.Ю. (Новосибирск); проф. Мерфи А.
(США); проф. Питт Ж.-Р. (Франция); д.г.н., проф. Чи-
стобаев А.И. (Санкт-Петербург); д.г.н., проф. Шары-
гин М.Д. (Пермь); д.э.н., проф. Швецов А.Н. (Москва);
проф. Шиманьска Д. (Польша)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Алексан-
дрова А.Ю. (Москва); д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Мо-
сква); д.г.н., проф. Бабуринов В.Л. (Москва); д.г.н., проф.
Битюкова В.Р. (Москва); д.э.н., проф. Вардомский
Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Власова Н.Ю. (Екатерин-
бург); к.г.н. Глезер О.Б. (Москва); д.э.н., проф. Клима-
нов В.В. (Москва); д.э.н., проф. Кузнецова О. В. (Мо-
сква); к.г.н., доц. Кузнецова Т.Ю. (Калининград); д.г.н.,
проф. Манаков А.Г. (Псков); к.г.н., доц. Наумов А.С.
(Москва); д.г.н. Нефедова Т.Г. (Москва); д.г.н., проф.
Пилясов А.Н. (Москва); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И.
(Смоленск); к.пед.н., доц. Розанова Н.Н. (Смоленск);
д.г.н., доц. Савоскул М.С. (Москва); д.г.н. Стрелецкий
В.Н. (Москва); д.г.н. Тархов С.А. (Москва); д.г.н. Трей-
виш А.И. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь);
д.г.н., доц. Часовский В.И. (Калининград); д.г.н., проф.
Шупер В.А. (Москва)

Ученый секретарь редколлегии:

к.г.н. Яськова Т.И. (Смоленск)

Адрес редакции:

214000, Смоленск, ул. Пржевальского, д.4
Смоленский государственный университет
E-mail: region_issled@mail.ru

Подписано в печать 28.06.2019

Формат 70x108¹/₁₆, Гарнитура «Times»
Тираж 125 экз.

Отпечатано:

Типография «Белый ветер»
г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Основан в феврале 2001 года

Выходит 4 раза в год

№ 2 (64), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2, 2019¹**МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ***Земцов С.П., Бабурин В.Л.*

Предпринимательские экосистемы в регионах России 4

Кузнецова А.Л., Зверев Ю.М.«Эффект колена» и его использование в региональных исследованиях
(на примере Калининградской области) 15**МЕТОДИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ***Кулаковский Е.С.*Индикаторы устойчивого социально-экономического развития
в принятии управленческих решений на уровне муниципальных районов
(на примере Воронежской области) 25**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ***Жихаревич Б.С., Лебедева Н.А.*

Стратегическое планирование в сельских поселениях России 36

УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ*Махрова А.Г., Бабкин Р.А.*Методические подходы к делимитации границ
Московской агломерации на основе данных сотовых операторов 48*Мизеровская У.В., Рак В.А.*Пространственная динамика численности населения
малых городов Центральной России в постсоветский период 58**ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО***Будяк Ю.И., Гитер Б.А., Гречко Е.А.*Трансграничное сотрудничество
на чешско-австрийских приграничных территориях 68**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ***Демин А.П.*Региональные различия в обеспечении населения России
централизованным водоснабжением и безопасной питьевой водой 80*Гурова О.Н.*Проблемы снижения экологических рисков
в сфере использования охотничье-промысловых ресурсов
в Забайкальском крае (институциональный подход) 92**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА***Голомидова Е.С.*Опыт классификации туристских кластеров
(на примере Псковской области) 102¹ Выпускающие редактора номера – Катровский А.П., Шувалов В.Е.

CONTENTS

№ 2, 2019¹**METHODOLOGY AND THEORY OF REGIONAL STUDIES***Zemtsov S.P., Baburin V.L.*

Entrepreneurial ecosystems in the Russian regions 4

*Kuznetsova A.L., Zverev Yu.M.*The “path dependence effect” and its application for regional studies
(case of Kaliningrad oblast) 15**METHODS OF REGIONAL RESEARCH***Kulakovskiy E.S.*Indicators of sustainable socio-economic development
in local authorities’ decision-making at the municipal level
(case of Voronezh oblast) 25**STRATEGIC AND SPATIAL PLANNING***Zhikharevich B.S., Lebedeva N.A.*

Strategic planning in rural settlements of Russia 36

URBANISATION AND URBAN GEOGRAPHY*Makhrova A.G., Babkin R.A.*Methodological approaches for Moscow urban agglomeration
delimitation based on mobile network operators data 48*Mizerovskaya U.V., Rak V.A.*Spatial changes in population of Central Russia
towns in the post-Soviet period 58**TRANSBOUNDARY PROCESSES
AND CROSS-BORDER COOPERATION***Budiak Yu.I., Giter B.A., Grechko E.A.*Cross-border cooperation
in the Czech-Austrian borderland 68**ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF REGIONAL DEVELOPMENT***Demin A.P.*Regional differences in public access to centralized water supply
and safe drinking water in Russia 80*Gurova O.N.*Challenges of reducing ecological risks
for hunting resources use in Zabaykalsky krai
(an institutional approach) 92**REGIONAL PROBLEMS OF TOURISM DEVELOPMENT***Golomidova E.S.*Practice of classifying tourist clusters
(case of Pskov oblast) 102¹ Issue editors – *Katrovskiy A.P., Shuvalov V.E.*

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 332.1

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ЭКОСИСТЕМЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

© 2019 г. С.П. Земцов^{1,2,*}, В.Л. Бабурин^{3,**}

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия*

² *Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (ВАВТ), Москва, Россия*

³ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия*

*e-mail: zemtsov@ranepa.ru

**e-mail: vbaburin@yandex.ru

В статье обсуждается применение концепции предпринимательской экосистемы для описания неравномерного развития малого и среднего бизнеса в России. Выявлено несколько типов регионов на основе авторской методики, включающей оценку плотности, динамики, разнообразия и связанности предпринимательской деятельности. В регионах первого и второго типа ниже риски для бизнеса и лучше доступ к рынкам и капиталу, и как результат – выше плотность и разнообразие бизнес-агентов. Во многих из этих регионов сформировались крупные агломерации с высокой концентрацией человеческого капитала, высокими доходами населения и диверсифицированной экономикой. В последние годы здесь проводится проактивная политика поддержки предпринимательства. В регионах с производственной специализацией малого бизнеса есть предпосылки для формирования высокотехнологичных кластеров. Во многих южных регионах наблюдаются высокая доля неформальной занятости, высокие коррупционные риски и, как следствие, низкий уровень доверия между агентами, что ограничивает возможности формирования технологически сложного бизнеса. В целом наименее развито предпринимательство на территориях с высокими издержками ведения бизнеса, включая Арктику, Дальний Восток и Северный Кавказ. Более развитые предпринимательские экосистемы могут успешнее противостоять внешним шокам, например, снижению доходов населения, и лучше используют возможности развития, в том числе при проведении Чемпионата мира по футболу. В заключении на основе типологии предложены некоторые дифференцированные меры поддержки предпринимательства.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, предпринимательская экосистема, институты, регионы России, кластеры.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-1

Введение и постановка проблемы. География предпринимательства¹ за рубежом часто изучается как самостоятельный раздел региональных исследований [15, 18, 20, 27, 32], но в России направление незаслуженно обделено вниманием. Предпринимательство – уникальный исследовательский объект, так как многие современные закономерности размещения в России, в первую очередь,

могут быть выявлены на примере малых фирм. Большинство же крупных предприятий созданы в советский период в рамках плановой экономики, к тому же многие из них зарегистрированы в Москве, хотя фактически ведут деятельность в других регионах.

География малого и среднего предпринимательства (МСП) в России формировалась последние 30 лет, за этот период в ряде ре-

¹ Под предпринимательством понимается деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП), то есть индивидуальных предпринимателей, микро-, малых и средних предприятий, численность занятых в которых менее 250 чел. В среднем в одном субъекте МСП занято ≈ 2,68 чел. [6].

гионов сложились устойчивые институциональные, отраслевые и иные отличительные черты [4, 5]. Например, при внедрении федеральных инициатив по упрощению процедур ведения бизнеса («реформы Грефа») в середине 2000-х гг. в регионах с лучшими институтами управления, более открытым правительством, более информированным населением и высокой фискальной автономией либерализация оказала более существенное положительное влияние на рост числа малых предприятий и результаты их деятельности [35]. Поэтому в России сохраняются существенные различия в плотности малого бизнеса [1, 16], в вовлеченности населения в предпринимательство [2, 10, 16]. Фактически речь может идти о разных типах предпринимательских экосистем в регионах.

Хотя поддержка МСП признана одним из приоритетов экономической политики в России [6], на федеральном уровне региональные различия не всегда учитываются, в частности унифицировано законодательство, встречается несоответствие поддержки типу бизнеса и месту его деятельности [10]. Низкая самостоятельность местных властей, низкая доля налогов от сектора МСП, идущая в местные бюджеты, не создает стимулов в регионах и городах для реализации системной политики.

Цель исследования – выявить типы сформировавшихся региональных предпринимательских экосистем в России на основе анализа территориальных, отраслевых и институциональных особенностей развития малого и среднего бизнеса.

Обзор ранее выполненных исследований. Существует несколько подходов к определению предпринимательской экосистемы. В соответствии с принципами системного подхода² выделяют сети бизнес-агентов и среду, в которой они взаимодействуют [30]. Среди бизнес-агентов выделяют фирмы и ключевых «стейкхолдеров», участвующих в их создании и развитии: университеты, на-

учные учреждения, венчурные фонды и т.д. [24]; изучаются цели, функции и связи между бизнес-агентами. Еще один подход предполагает изучение базовых условий и ресурсов развития бизнеса [1, 29, 32].

На наш взгляд, *предпринимательская экосистема* – это сети взаимодействия бизнес-агентов различной специализации, формируемые в определенных территориально ограниченных природно-хозяйственных, институциональных и иных условиях [29, 30, 37].

Следует различать внешние условия деятельности бизнес-агентов и предпринимательскую среду. Развитие МСП детерминировано базовыми условиями [9]: природные ресурсы, экономико-географическое положение (близость к рынкам), инновационный потенциал, инфраструктура, культурные и иные особенности региона, которые не могут быть кардинально изменены в течение нескольких лет. Предпринимательская среда, определяющая доступ предпринимателей к финансам и специализированным услугам, уровень административного давления, сложность регистрации бизнеса и т.д. подвержена краткосрочным изменениям, в том числе в результате политических решений.

Предприниматели³ осваивают некую рыночную нишу, неиспользуемую ранее, обеспечивают новыми товарами и услугами, а соответственно положительно влияют на региональный рост [14, 26, 38]. Регионы, где сформировались развитые предпринимательские экосистемы, в целом лучше адаптируются к внешним шокам, так как в них выше конкуренция бизнес-агентов и диверсификация деятельности⁴ [15]. Отдельные экосистемы предпринимательства стимулируют появление быстрорастущих компаний, так называемых «газелей», которые могут обеспечить до 50% прироста ВВП в развитых странах [38], а также способствуют зарождению высокотехнологичных стартапов⁵ благодаря деятельности предпринимательских университетов [23].

² В статье мы не ставили перед собой цели провести подробный обзор исследований, связанных с описанием системного подхода, наиболее полно представленного в работах Л. фон Бергаланфи, А.Д. Холла, Р.И. Фейджиной, А.А. Богданова, И.В. Блауберга, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина и др. Но концепция предпринимательских экосистем, безусловно, включает элементы подходов указанных авторов.

³ Речь в данном случае о производительных предприятиях. Большая же часть МСП относится к фирмам с низким потенциалом роста, а для своих владельцев – вынужденных предпринимателей [2] – это альтернатива заработной плате [2, 10]. Кроме того, в России распространено непроизводительное и деструктивное предпринимательство [10].

⁴ В секторе МСП формируются новые отрасли, например, инжиниринг в Самарской области (Тольятти), дикоросы в Томской области, вездеходы в Югре, деревянное домостроение в Белгородской области и т.д.

⁵ Крупнейшие компании наукоёмких отраслей России (Яндекс, Caspersky, AVBYU, Вымпелком, Инвитро, 2GIS, QIWI и т.д.) создавались как стартапы [7].

В сложившихся предпринимательских экосистемах наблюдается самоподдерживающийся процесс развития бизнеса. Например, в работе [33] показано, что каждая крупная сделка на рынке слияний и поглощений создает волну новых компаний в ближайшем географическом окружении. Подобные процессы на протяжении столетий зафиксированы в Германии [20], где произошло укоренение предпринимательства: накопление информации, знаний и навыков о бизнесе, формирование сетей взаимодействия и среды доверия с высоким престижем предпринимателей. Укоренение происходит на местном и региональных уровнях, так как важна передача неявных знаний, в частности, от предпринимателя-учителя к предпринимателю-новичку; от венчурного инвестора к основателю новой фирмы и т.д. В России также выявлены регионы с высоким многолетним уровнем предпринимательской активности [5]: Санкт-Петербург, Москва, Калининградская, Новосибирская, Самарская, Ярославская, Свердловская и Белгородская области. В работе [19] показано сохранение предпринимательской активности в районах Калининградской области на протяжении столетия несмотря на драматические изменения в истории региона.

Для измерения уровня развития предпринимательской экосистемы и выявления разных типов в соответствии с системным подходом [31] необходимо оценить следующие характеристики (свойства): плотность, изменчивость, разнообразие и связанность. Для *оценки плотности* могут использоваться отношение числа новых и молодых фирм к численности населения (рабочей силы), доля этих фирм в занятости [7]. В более развитой предпринимательской экосистеме при прочих равных условиях выше плотность бизнес-агентов. *Изменчивость* можно измерить через динамику предпринимательской активности, мобильность рынка труда и долю быстрорастущих фирм. Более развитые экосистемы менее уязвимы к внешним шокам благодаря разнообразию и связанности сетей бизнес-агентов. *Разнообразие* в рамках экосистемы предполагает учет уровня диверсификации сектора МСП, доли технологически сложных отраслей. *Связанность* экосистемы может определяться вовлеченностью фирм в деятельность организаций поддержки [22], плотностью

рыночных институтов, числом «спин-оффов». Малые фирмы часто возникают вокруг крупных предприятий и университетов, которые передают часть своей деятельности на аутсорсинг, а также создают спин-оффы – новые или дочерние фирмы для реализации нового проекта, закрепления на новом рынке и т.д. В США наиболее продуктивные экосистемы Боулдера, Сиэттла, Бостона формировались как сети спин-оффов крупных компаний-«инкубаторов» или вуза [17, 21]. Развитые предпринимательские экосистемы могут включать в себя несколько кластеров – сетей взаимодействия малых фирм в рамках одной специализации на ограниченной территории [36]. Для технологически сложных отраслей важно доверие между контрагентами, развитие институтов и доверие к ним. А в условиях высоких инвестиционных рисков (административное давление, коррупция и т.д.) в ряде регионов России, низкий уровень доверия не позволяет создавать устойчивые горизонтальные связи [13, 28], снижает активность бизнеса, способствует уходу фирм в теневой сектор [12, 25]. При прочих равных условиях связанность выше в регионах с развитыми рыночными институтами.

Концепция предпринимательских экосистем пока недостаточно формализована; в работах представлены списки индикаторов без четкой аргументации причин и следствий [11, 24, 30, 34]. Для подбора соответствующих индикаторов для регионов России мы опирались на выявленные ранее факторы развития предпринимательства [1, 5, 6], среди которых высокие инвестиционные риски, доступность банковских услуг и рыночный потенциал в сочетании с концентрацией человеческого капитала.

Материалы и методы исследования.

В качестве информационной базы в статье использованы официальные данные Росстата, а также Единый реестр субъектов МСП ФНС РФ (<https://ofd.nalog.ru>), Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации АНО АСИ (<http://asi.ru/investclimate/rating/>), отчеты о развитии банковского сектора Банка России (<http://www.cbr.ru/publ/?PrtlId=nadzor>).

Для определения специализации предпринимательской экосистемы мы использовали долю укрупненных видов деятельности в занятости юридических лиц – субъектов МСП (рис. 2), а также применили разрабо-

танный ранее индекс кластеризации [36]. Индекс (IC) получен как среднее арифметическое субиндексов (Ind) от доли отрасли региона ($L_{i,r}$) в общей занятости МСП в регионе (L_r), доли отрасли региона ($L_{i,r}$) в отраслевой занятости МСП в России (L_R) и коэффициента локализации:

$$IC_{i,r} = (Ind(\frac{L_{i,r}}{L_r}) + Ind(\frac{L_{i,r}}{L_{i,R}}) + Ind(\frac{L_{i,r}}{L_r} / \frac{L_i}{L_R})) / 3,$$

где i – отрасль, r – регион, R – Россия, L – численность работников в секторе МСП.

Значения показателей нормировались с помощью метода линейного масштабирования. В целом индекс показывает, насколько субъекты МСП рассматриваемой отрасли сконцентрированы в регионе в сравнении с другими отраслями и регионами, а соответственно позволяет выявить потенциал для образования кластера [36]. В большинстве случаев специализация сектора МСП напрямую связана или дополняет специализацию крупнейших компаний региона.

Для выявления типов регионов России в соответствии с результатами предшествующих исследований [1, 5, 20] был проведен кластерный анализ по 7 показателям (табл. 1). Для оценки плотности использовалось отношение числа малых фирм (ЮЛ) к численности рабочей силы. Изменчивость определена по динамике предпринимательской активности за период 2010–2017 гг. Для измерения степени диверсификации и сложности учитывались роль первичного сектора и обрабатывающей промышленности в секторе МСП. Связанность внутри предпринимательской экосистемы оценивалась косвенно с помощью индекса обеспеченности банковскими услугами⁶, учитывающего плотность банковской инфраструктуры, а также объем вкладов населения. Для оценки базовых условий учитывались экономика-географическое положение региона как прокси доступа фирм к рынкам товаров и услуг [1], а также доля неформальной занято-

сти как оценка институциональных рисков. Уход в теневой сектор может быть обусловлен высоким административным давлением, коррупцией [25], отсутствием доверия к формальным институтам, или быть следствием низкой эффективности государственного управления, высоких налоговых ставок.

Полученные результаты и их обсуждение.

География и динамика предпринимательства. Всего в России в октябре 2018 г. насчитывалось около 5,9 млн субъектов МСП, из них более 45% сосредоточены в крупнейших агломерациях: Москва, Санкт-Петербург, Московская, Свердловская, Ростовская, Челябинская, Нижегородская, Новосибирская области, Краснодарский край и Татарстан (рис. 1). При этом сектор МСП менее сконцентрирован, чем население, так как в этих же регионах сосредоточено 53% жителей. На территориях с особыми условиями ведения бизнеса МСП развито слабее: на Северном Кавказе (СКФО) – 3,3% субъектов МСП (при 6,7% населения), в Арктической зоне (АЗРФ)⁷ – 2,1% (при 2,4%), на Дальнем Востоке (ДВФО) – 4,2% (при 4,2%).

Отношение числа субъектов МСП к рабочей силе может служить индикатором плотности предпринимательской экосистемы. Наибольшая плотность наблюдается в крупнейших агломерациях: Санкт-Петербурге, Москве, Новосибирске и портовых регионах: Калининградской области и Краснодарском крае. Крупные агломерации⁸ обладают большими потребительскими рынками и развитой инфраструктурой. В приморских регионах выше возможности для трансграничной торговли, развития МСП в сфере транспорта, туризма и иных услуг.

Благоприятный инвестиционный климат в регионах-лидерах по рейтингу АСИ – Калужская, Тюменская, Ивановская, Ростовская области, Краснодарский край, Москва и Санкт-Петербург – также способствует высокой плотности малого бизнеса. Севастополь и Республика Крым в числе лидеров

⁶ Индекс выше в достаточно развитых регионах с высоким уровнем доверия к рыночным институтам: Москва, Санкт-Петербург, Свердловская, Самарская, Московская, Калининградская, Ярославская, Новосибирская области. Индекс ниже в регионах, где рыночные институты развиты слабее, права собственности плохо защищены, ниже доверие и связи между банками, населением и бизнесом, поэтому население не увеличивает свои вклады, а банки реже предоставляют кредиты малому бизнесу (республики Северного Кавказа, Тыва, Калмыкия и др.). Кроме того, в современной системе поддержки МСП банки создают Центры «Мой бизнес», в которых предоставляют льготные кредиты совместно с гарантиями Корпораций МСП и консалтинговыми услугами; таким образом, в регионах с более развитой банковской системой может быть выстроена более разветвленная сеть поддержки [1, 6].

⁷ В нашем исследовании мы придерживаемся подхода из статьи [7] и ведем расчеты по АЗРФ для Мурманской, Архангельской области, Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Чукотского АО и Республики Саха.

⁸ За рубежом показано, что в регионах с высокой плотностью населения благодаря большей интенсивности связей, накопленному социальному капиталу ниже страх неудачи [15], что значимо для создания нового бизнеса.

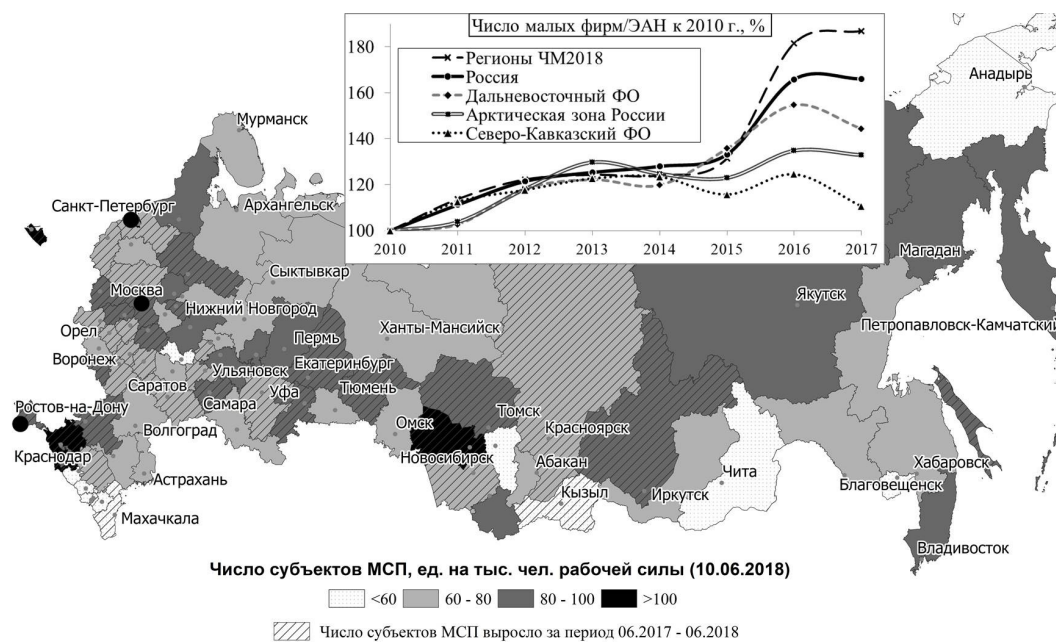

Рис. 1. Плотность предпринимательской деятельности и ее динамика в регионах России

благодаря большому числу гостевых домов и туристических сервисов, в регионах действует режим особой экономической зоны. Наименьшие значения характерны для слабо развитых регионов СКФО и моносырьевых, узкоспециализированных регионов ДВФО.

Динамика развития предпринимательства в России по данным Росстата после завершения кризиса 2008–2009 гг. в целом была положительной, но в условиях падения доходов населения в 2014–2015 гг. темпы роста замедлились, а в регионах с наименее развитыми и уязвимыми предпринимательскими экосистемами (СКФО, АЗРФ, ДВФО) наступил спад (врезка на рис. 1). В первой половине 2018 г. по сравнению с первым полугодием 2017 г. число субъектов МСП выросло на 1,4%, или 85 тыс. ед. преимущественно за счет микрофирм [6]. Более чем на 3% сектор МСП рос в ряде крупных регионов, где проводился Чемпионат мира по футболу: Москва, Санкт-Петербург, Самарская, Ленинградская, Московская области. Это произошло за счет развития сервисов, обслуживающих болельщиков: торговля, питание, аренда жилья, развлечения; доля этих отраслей выросла в обороте малых фирм [6]. В то же время предпринимательские экосистемы большинства регионов СКФО теряли малый

бизнес, что связано с уходом фирм в теневой сектор при падении доходов населения.

Отраслевая специфика. В России в занятости всего сектора МСП, включая ИП, преобладают: торговля (42,7%), операции с недвижимым имуществом, аренда и бизнес-услуги, включая инжиниринг, НИОКР, геологоразведку и др. (18,3%), транспорт и связь (9,9%), строительство (8,1%) и обрабатывающие производства (7,1%). В структуре средних фирм ниже доля торговли и выше доля производств, а в микрофирмах ситуация обратная, что связано с эффективным масштабом фирм: для торговой точки достаточно одного занятого (продавца), а для промпредприятия необходим целый набор специалистов.

В среднем в *сельском и лесном хозяйстве* занято около 5% работников малого и среднего бизнеса (рассматриваются только юридические лица) (рис. 2). В СКФО эта доля превышает 13% в условиях относительно примитивной структуры экономики. Индекс кластеризации максимален в южных регионах, где развито наиболее рентабельное для фермеров зерновое хозяйство: Курская, Саратовская и Оренбургская области, Алтайский, Ставропольский и Краснодарский края.

Рис. 2. Специализация предпринимательских экосистем в 2015 г. Структура занятости малых и средних фирм – юридических лиц.

В *обрабатывающей промышленности* занято около 17,3% работников малых и средних фирм. Максимальна доля в 19 традиционных центрах машиностроения вблизи крупных агломераций, а минимальна – в наиболее удаленных регионах ДВФО и АЗРФ. В Ульяновской, Калининградской, Нижегородской, Челябинской областях и Татарстане вблизи крупнейших автозаводов возникли малые фирмы-смежники по производству автокомпонентов и ремонту транспортных средств, в Севастополе – судоремонтные. Рядом с крупными нефтеперерабатывающими заводами в Адыгее, Рязанской, Самарской, Ростовской, Томской областях, Башкортостане возникли малые фирмы, производящие топливо (в т.ч. для частных АЗС), смазочные масла, различные нефтехимические продукты. Во Владимирской, Калужской, Пензенской, Тверской, Тульской и Ярославской областях, крупные компании которых имеют машиностроительную специализацию, наибольший потенциал создания кластеров малых фирм наблюдается

в легкой промышленности, ориентированной на столичный рынок⁹.

Предпринимательские экосистемы крупных агломераций имеют довольно диверсифицированную структуру с преобладанием сервисов. В традиционных машиностроительных центрах вокруг крупных агломераций сложился значимый обрабатывающий сектор МСП. В слаборазвитых регионах наблюдается завышенная специализация на отраслях первичного сектора, ЖКХ и строительстве.

Типы региональных предпринимательских экосистем. Были определены 7 типов (рис. 3, табл. 1). Большинство регионов *первого и второго типа* характеризуются устойчиво высокой плотностью предпринимательской деятельности на протяжении двух последних десятилетий [5]. *Москва и Санкт-Петербург* – крупнейшие потребительские рынки России с высочайшей плотностью бизнеса, диверсифицированным сервисным сектором МСП, хорошим доступом

⁹ Историческое объяснение может быть связано с политикой Госплана СССР, когда рядом с крупными заводами машиностроения (часто ВПК) строились фабрики легкой промышленности (кожевенная, текстильная, обувная подотрасли) для баланса мужской и женской занятости.

к капиталу (максимальной обеспеченностью банковскими услугами) и минимальной долей неформальной занятости. Отраслевая структура субъектов МСП в крупнейших центрах предпринимательства довольно сложная и отличается наличием ряда наукоемких отраслей: деятельность рекламных агентств (10%); консалтинг (8%), разработка программного обеспечения (8%), юридические услуги (8%). Регионы хорошо обеспечены инфраструктурой поддержки МСП [8]. В 7 регионах проводился Чемпионат мира по футболу, наблюдается высокая положительная динамика развития сектора МСП.

Во *втором типе* представлены преимущественно крупногородские регионы с высокой плотностью диверсифицированного сектора МСП с благоприятным предпринимательским климатом, хорошим доступом к рынкам товаров, услуг и капитала: Самарская, Воронежская, Новосибирская, Тюменская, Свердловская, Челябинская области, Татарстан. В большинстве регионов проводится активная предпринимательская политика, направленная на создание инфраструктуры, упрощение аренды помещений, доступ к госзакупкам и т.д. Успехи Белгородской области, привлекавшей большое число мигрантов из стран бывшего СССР, частично связан с развитием малоэтажного домостроения и соответствующих бизнесов. Пригородная система расселения требует развития нестационарной торговли ($\approx 15\%$ субъектов МСП), способствует развитию семейных ферм (действовала специальная программа поддержки). Выгодное экономико-географическое положение способствовало развитию грузоперевозок ($\approx 17\%$ субъектов МСП). В Калининградской области, расположенной вблизи крупного европейского рынка, долгие годы действует режим особой экономической зоны: развиваются связанные с внешней торговлей фирмы и производственные предприятия, развит малый бизнес в транспортной сфере и туризме. Полученные типы в большей степени характеризуют центральный город региона, в сельских же местностях могут сохраняться менее благоприятные условия. Например, Республика Карелия очень неоднородна, но высокая концентрация и разнообразие фирм, банковских институтов в Петрозаводске, ее близость к рынкам Финляндии и Санкт-Петербурга позволяют не относить регион к пятому

типу. В Карелии представлено большое разнообразие малого бизнеса в сфере услуг, в т.ч. туризме, лесопереработке. Большую роль играет Петрозаводский университет.

Предпринимательские экосистемы с высокой ролью малых производственных фирм расположены вблизи крупнейших агломераций (*тип 3*). Часто они имеют дополненную специализацию к унаследованной с советских времен. В *Калужской области* на основе накопленного научного потенциала и компетенций развивается кластер малых фирм, обеспечивающих крупные автосборочные заводы резиновыми и пластмассовыми изделиями, металлозаготовками и различным оборудованием; формируется кластер фармацевтики и биотехнологий в Обнинске [36]. Малые фирмы *Тульской области* специализируются на производстве машин и оборудования благодаря развитому оборонно-промышленному комплексу [36]. В *Рязанской области* есть предпосылки для развития радиоэлектронного кластера [36]: несколько крупных заводов, специализированный вуз, около трети занятых в МСП. В *Томской области* сложился уникальный кластер информационных технологий, радиоэлектроники и фармацевтики благодаря наличию предпринимательских университетов, но ограниченный доступ к рынкам, слабое развитие банковской сферы не позволяют отнести регион ко второму типу.

В четвертом типе представлены преимущественно регионы южной части основной зоны расселения со среднеразвитым диверсифицированным сектором МСП, повышенной ролью аграрного бизнеса и неформального сектора. Институциональные особенности южных регионов (*типы 4 и 7*) с высокой ролью сельского хозяйства негативно влияют на весь сектор МСП. Высокая доля неформальной занятости (она высока в сельском хозяйстве и строительстве) может быть следствием, но и причиной распространения коррупции, снижения качества госуправления. В ряде случаев руководящие должности в административных структурах занимают приближенные «люди от сохи» с недостаточной квалификацией, использующие устаревшие методы управления. К четвертому типу отнесены *Волгоградская, Ростовская, Курганская, Оренбургская области, Краснодарский и Ставропольский края* с развитым сектором обрабатывающей про-

Таблица 1. Средние значения основных характеристик выделенных типов предпринимательских экосистем в России в 2016 г.

Характеристики	Тип экосистемы						
	1	2	3	4	5	6	7
Плотность экосистемы: отношение числа малых фирм к численности рабочей силы, ед. на 10 тыс. чел.	74,5	40,6	29,6	24,5	25,5	23	<i>13,4</i>
Изменчивость экосистемы: динамика отношения числа малых фирм к численности рабочей силы (2017/2010), %	203	169	146	131	133	140	<i>127</i>
Разнообразие экосистемы: доля предприятий обрабатывающей промышленности в обороте сектора МСП (ЮЛ), %	8,3	11,4	18,7	13,8	6,2	8,4	13,4
Разнообразие экосистемы: доля сельского и лесного хозяйства в занятости субъектов МСП, %	<i>0,5</i>	3,9	4,3	7,4	2,7	8,4	24,2
Связанность экосистемы: индекс обеспеченности банковскими услугами	1,48	0,88	0,84	0,74	0,79	0,74	<i>0,44</i>
Базовые условия региона: объем доступных рынков, млрд руб. ¹⁰	299	279	285	284	268	266	280
Базовые условия региона: доля неформальной занятости, %	7,9	19,1	20,8	26,9	13,2	24,2	42

Примечание: составлено авторами. Полужирным шрифтом выделены максимальные значения, курсивом – минимальные.

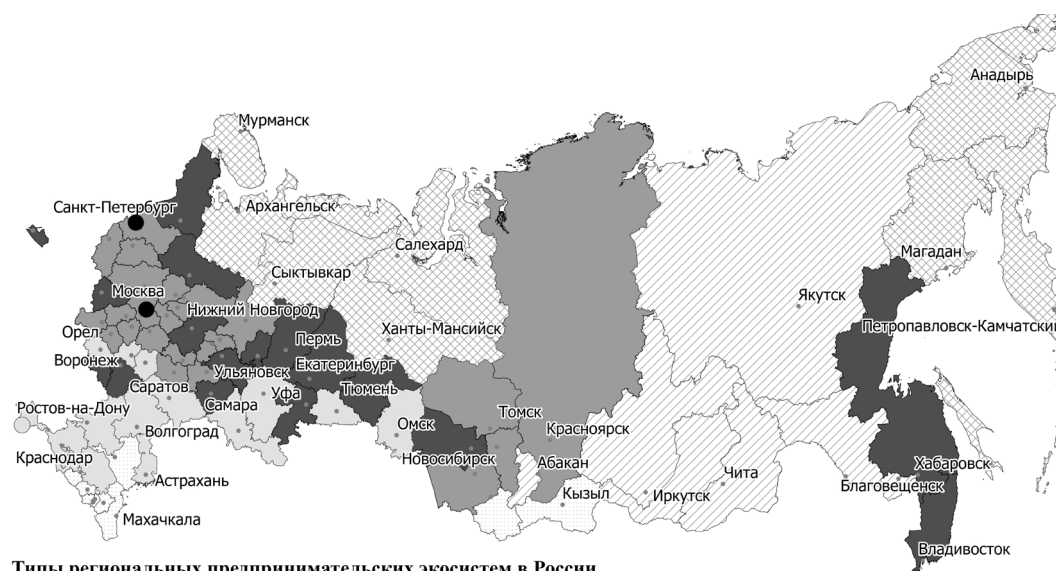

Рис. 3. Типы предпринимательских экосистем в регионах России

мышленности, но с высокой долей аграрного сектора и неформальной занятости. В *Липецкой области* активно формируется кластер машиностроения и металлообработки, но пока малое число субъектов МСП, слабое

развитие банковской сферы и повышенная доля неформальной занятости отличают регион от третьего типа.

Большинство регионов Арктики относится к *пятому типу*: слабо диверсифи-

¹⁰ Учитывает ВРП региона, сумму ВРП других регионов и ВВП стран, деленное на расстояние до них. Подробнее о расчете показателя см. [1].

цированные северные регионы со средней плотностью предпринимательской деятельности, усложненным доступом к рынкам товаров и услуг, средним доступом к капиталу. В ДВФО многие регионы отнесены к *шестому типу*: удаленные от рынков регионы с низкой активностью бизнеса, высокой долей неформальной занятости. В СКФО большинство регионов отнесены к *типу 7*: слабо развитые горные регионы с низкой плотностью предпринимательства¹¹, высокой неформальной занятостью и худшими условиями доступа к капиталу. Впрочем, экосистемы СКФО весьма разнообразны, например, *Кабардино-Балкария* и *Северная Осетия* отличаются высокой долей производственного малого бизнеса, что роднит их с типом 3, а предпринимательская экосистема *Дагестана* близка к типу 4.

Выводы. География предпринимательства в России в последнее десятилетие в целом имеет устойчивую структуру [5] с более высокой плотностью субъектов МСП вблизи крупнейших агломераций в южной и юго-западной части страны. В крупных агломерациях выше отраслевое разнообразие, выше доля сервисных компаний, в том числе наукоемких отраслей [7]; сформированы наиболее развитые экосистемы предпринимательства. Фактически динамика развития сектора МСП определяется агломерациями, в которых сосредоточено большинство субъектов МСП и основные инструменты их поддержки: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Самара, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск, Тюмень, Пермь, Челябинск, Воронеж, Хабаровск, Владивосток.

Вблизи агломераций и соседних к ним регионах развивается малый производственный бизнес благодаря накопленному человеческому и техническому капиталу, сохраняя черты унаследованной отраслевой структуры производств советского периода. В ряде регионов (*Калужская, Тульская, Рязанская, Тверская, Томская, Ульяновская области, Башкортостан, Удмуртия, Алтайский край*) сложились условия для развития высокотехнологичных кластеров малых фирм [36]. Но зачастую крупные предприятия отрасли специализации регионов относятся к разным холдингам (ГК «Ростех», АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей»» и т.д.), которые характе-

ризуются замкнутой структурой с моделью управления не предполагающей возможности горизонтального взаимодействия. Поэтому потенциальные кластеры находятся в зачаточном состоянии, несмотря на усилия региональных властей.

В Арктике, на Дальнем Востоке и в горных условиях существенно выше издержки ведения бизнеса (зачастую их могут преодолеть лишь крупные компании), а потому здесь сектор МСП наименее развит. Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа рассматриваются как особые территории в Стратегии развития МСП в России, с полным правом сюда следует относить и Арктическую зону.

На динамику сектора МСП благоприятное влияние оказал прошедший Чемпионат мира по футболу – 2018 в регионах проведения турнира благодаря появлению фирм в сфере обслуживания болельщиков. В то же время в наименее развитых предпринимательских экосистемах из-за снижения доходов населения число субъектов МСП сокращается.

Политика в сфере МСП должна быть направлена на дифференцированное развитие региональных предпринимательских экосистем [17, 24, 30] с учетом местных особенностей [10, 30]. Это потребует перевода всех налогов от сектора МСП в муниципальные и региональные бюджеты с возможностью регулирования ставок, что позволит повысить ответственность и заинтересованность местных властей. В регионах первого и второго типа необходима концентрация усилий на поддержке средних быстрорастущих компаний [28], особенно в технологичных секторах экономики [7, 10]. Обосновано применение различных форм венчурного финансирования, востребован инструмент инновационных ваучеров [7], связанных грантов [17, 23]. В регионах третьего типа необходима поддержка кластерных инициатив по формированию сетей взаимодействия с ТНК и государственными корпорациями [36]. В регионах с менее развитыми предпринимательскими экосистемами и ухудшающейся динамикой (СКФО, ДВФО, АЗРФ) необходимы меры по выводу предприятий из теневого сектора, в частности возможна ликвидация налоговых сборов для самозанятых в сель-

¹¹ Плотность фирм на Северном Кавказе несколько занижена в связи с высокой долей предприятий в теневом секторе.

ской местности. Необходимы дополнительные меры социальной политики: бесплатное обучение предпринимательству и бесплатные консультации по развитию МСП, в т.ч. снижению издержек [22].

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (14-37-0038-П).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранова В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В.* Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 92–116.
2. *Верховская О.Р., Джелпова, М.В., Александрова Е.А., Богатырева К.А., Шмелева Э.В.* Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016/2017». СПб.: ВШМ СПбГУ, 2017. 64 с.
3. *Виленский А.В.* Взаимодействие федеральных и региональных органов власти в поддержке малого и среднего предпринимательства России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2013. № 2. С. 55–69.
4. *Заздравных Е.А.* Исторические эффекты региональной предпринимательской активности // Российский журнал менеджмента. 2019. Т. 17. № 1. С. 97–120.
5. *Земцов С.П., Царева Ю.В.* Предпринимательская активность в регионах России: насколько пространственные и временные эффекты детерминируют развитие малого бизнеса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1 (37). С. 145–165.
6. *Земцов С.П., Баранова В.А., Царева Ю.В.* Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в России // Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 40). М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. С. 579–600.
7. Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России». Вып. 2 / Под ред. С.П. Земцова. М.: РАНХиГС, АИРР, 2019. 108 с.
8. *Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю.* Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // Арктика: экология и экономика. 2016. № 4. С. 4–15.
9. Предпринимательский климат регионов России. География России для инвесторов и предпринимателей / Под ред. А.М. Лаврова и В.Е. Шувалова. М.: Начала-пресс, 1997. 297 с.
10. *Челуренко А.Ю.* Что такое предпринимательство, и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 2. С. 102–124.
11. *Alvedalen J., Boschma R.* A critical review of entrepreneurial ecosystems research: towards a future research agenda // European Planning Studies. 2017. № 6 (25). P. 887–903.
12. *Anokhin S., Schulze W.* Entrepreneurship, innovation, and corruption // Journal of business venturing. 2009. № 5 (24). P. 465–476.
13. *Aidis R., Estrin S., Mickiewicz T.* Institutions and entrepreneurship development in Russia: A comparative perspective // Journal of Business Venturing. 2008. № 6 (23). P. 656–672.
14. *Audretsch D., Keilbach M.* Entrepreneurship and regional growth: An evolutionary interpretation // Journal of Evolutionary Economics. 2004. № 5. P. 605–616.
15. *Bosma N., Schutjens V.* Understanding regional variation in entrepreneurial activity and entrepreneurial attitude in Europe // The Annals of Regional Science. 2011. № 3 (47). P. 711–742.
16. *Chepurens A., Popovskaya E.V., Obratsova O.* Cross-regional variations in the motivation of early-stage entrepreneurial activity in Russia: determining factors / Entrepreneurship in Transition Economies. NY: Springer, 2017. P. 315–342.
17. *Feld B.* Startup communities: Building an entrepreneurial ecosystem in your city. John Wiley & Sons, 2012. 224 p.
18. *Feldman M.* The entrepreneurial event revisited: firm formation in a regional context // Industrial and corporate change. 2001. № 4(10). P. 861–891.
19. *Fritsch M., Sorgner A., Wyrwich M., Zazdravnykh E.* Historical shocks and persistence of economic activity: evidence on self-employment from a unique natural experiment // Regional Studies. 2019. Vol. 53. № 6. P. 790–802.
20. *Fritsch M., Storey D.* Entrepreneurship in a Regional Context: Historical Roots, Recent Developments and Future Challenges // Regional Studies. 2014. № 6 (48). P. 939–954.
21. *Gompers P., Lerner J., Scharfstein D.* Entrepreneurial spawning: Public corporations and the genesis of new ventures, 1986 to 1999 // The Journal of Finance. 2005. № 2 (60). P. 577–614.
22. *Harrington K.* Entrepreneurial ecosystem momentum and maturity the important role of entrepreneur development organizations and their activities. Kauffman Foundation. 2017. 33 p.
23. *Hayter C.* A trajectory of early-stage spinoff success: the role of knowledge intermediaries within an entrepreneurial university ecosystem // Small Business Economics. 2016. № 3(47). P. 633–656.
24. *Isenberg D.* The entrepreneurship ecosystem strategy as a new paradigm for economic policy: Principles for cultivating entrepreneurship // Presentation at the Institute of International and European Affairs, 2011
25. *Johnson S., Kaufmann D., McMillan J., Woodruff C.* Why do firms hide? Bribes and unofficial activity after communism // Journal of Public Economics. 2000. № 3(76). P. 495–520.
26. *Karlsson C., Dahlberg R.* Entrepreneurship, firm growth and regional development in the new economic geography: Introduction // Small Business Economics. 2003. № 2 (21). P. 73–76.
27. *Mack E. A., Qian H.* (ed.). Geographies of entrepreneurship. Routledge, 2016. 180 p.
28. *Mason C., Brown R.* Entrepreneurial ecosystems and growth oriented entrepreneurship. Paris: OECD, 2014. 38 p.
29. *O'Connor A., Stam E., Sussan F., Audretsch D.* Entrepreneurial Ecosystems. Place-Based Transformations and Transitions. NY: Springer, 2018. 197 p.
30. *Stam E.* Entrepreneurial ecosystems and regional policy: a sympathetic critique // European Planning Studies. 2015. № 9 (23). P. 1759–1769.

31. *Stangler D., Bell-Masterson J.* Measuring an entrepreneurial ecosystems. Kaufmann Foundation, 2015.
32. *Sternberg R.* Regional dimensions of entrepreneurship // *Foundations and Trends in Entrepreneurship*. 2009. № 4. P. 211–340.
33. *Stuart T. E., Sorenson O.* Liquidity events and the geographic distribution of entrepreneurial activity // *Administrative Science Quarterly*. 2003. № 2 (48). P. 175–201.
34. *Szerb L., Acs Z.J., Autio E., Ortega-Argiles R., Komlosi E.* REDI: the regional entrepreneurship and development index—measuring regional entrepreneurship. REGIO DG, 2013.
35. *Yakovlev E., Zhuravskaya E.* The unequal enforcement of liberalization: Evidence from Russia's reform of business regulation // *Journal of the European Economic Association*. 2011. № 4. P. 808–838.
36. *Zemtsov S., Barinova V., Pankratov A., Kutsenko E.* Potential High-Tech Clusters in Russian Regions: From Current Policy to New Growth Areas // *Foresight and STI Governance*. 2016. № 3. P. 34–52.
37. *Wagner J., Sternberg R.* Start-up activities, individual characteristics, and the regional milieu: Lessons for entrepreneurship support policies from German micro data // *The Annals of regional science*. 2004. № 2 (38). P. 219–240.
38. *Wong P., Ho Y., Autio E.* Entrepreneurship, innovation and economic growth: Evidence from GEM data // *Small business economics*. 2005. № 3 (24). P. 335–350.

Об авторах

Земцов Степан Петрович – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исследований проблем предпринимательства Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); заведующий лабораторией статистики малого и среднего предпринимательства Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва.

Бабурин Вячеслав Леонидович – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Земцов С.П., Бабурин В.Л. Предпринимательские экосистемы в регионах России // *Региональные исследования*. 2019. № 2. С. 4–14.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-1

Entrepreneurial ecosystems in the Russian regions

S. P. Zemtsov^{1,2,*}, V. L. Baburin^{3,}**

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia*

² *Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia*

³ *Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia*

* e-mail: zemtsov@ranepa.ru

** e-mail: vbaburin@yandex.ru

The article explains the uneven development of small and medium enterprises in Russia within the framework of the 'entrepreneurial ecosystems' concept. A corresponding typology of the Russian regions was carried out according to the proposed model. The most developed ecosystems with high density and sectoral diversity of SMEs are formed in regions with access to large consumer markets, capital, and low risks for investors. The least developed SMEs sector is in areas with high costs of doing business: the North Caucasus, the Far East and the Arctic zone, which requires special measures of state policy. The level of development of ecosystems determines their ability to withstand external shocks. The effect of the FIFA World Cup is positive in the hosting regions and in its neighbors. Based on the typology, we proposed differentiated support measures.

Keywords: small and medium-sized enterprises, entrepreneurial ecosystem, institutions, Russian regions, clusters.

«ЭФФЕКТ КОЛЕИ» И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2019 г. Кузнецова А.Л.* , Зверев Ю.М.**

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

**e-mail: anastazija@yandex.ru*

***e-mail: YZverev@kantiana.ru*

Один из главных вопросов, который изучает экономическая география – это причины неоднородности размещения экономических процессов в пространстве. Для исследований такого рода крайне важно используемое исследователем представление об экономическом процессе как таковом, природе его динамики и факторах, влияющих на его развитие. Данная работа посвящается концепции «эффекта колеи», строящейся на представлениях о «зависимости от предшествующего развития» («path dependence»). Это понятие носит отчетливо междисциплинарный характер и может быть использовано и уже используется в экономико-географических исследованиях. Данная работа посвящена уточнению экономико-географического содержания понятия «эффект колеи» и показу проявления этого эффекта в социально-экономическом и пространственном развитии конкретного региона (на примере Калининградской области). В работе представлен обзор современного состояния изученности проблемы «эффекта колеи», в том числе основные направления исследований по указанной проблематике. На примере развития Калининградской области в период с 1945 г. по настоящее время продемонстрированы как механизм действия «эффекта колеи», так и механизмы смены «колеи»; действие факторов «эффекта колеи» и их влияние на экономическое развитие региона. Отдельно охарактеризованы особенности современного развития Калининградской области с точки зрения преодоления сложившейся траектории развития.

Ключевые слова: «эффект колеи», эволюционная экономика, эволюционная экономическая география, регион, Калининградская область.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-2

Введение и постановка проблемы. Понятие «эффект колеи» в экономической науке возникло в рамках эволюционного подхода, который развивается с 1970-х гг. в противовес господствовавшей прежде неоклассической парадигме. Самое общее понятие «эффекта колеи» применительно к истории экономики дал один из основоположников этой концепции П. Дэвид: «Зависимость от предшествующего развития – это такая последовательность экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат могут оказать отдаленные события прошлого, причем скорее случайные события, чем систематические закономерности» [14, с. 332].

Вслед за экономистами эволюционные подходы стали использоваться и в экономической географии, которая рассматривает, помимо прочего, распределение экономической активности в пространстве. Вопросы исследования как причин становления определенной траектории развития территории, так и преодоления зависимости от

предшествующего развития становятся все более актуальными на фоне экономических кризисов конца XX – начала XXI вв. и глобализационных процессов. Тем не менее, концепция «эффекта колеи» применяется в отечественных экономико-географических исследованиях весьма ограниченно и в основном применительно к России в целом, а не ее отдельным регионам. В данной работе мы хотим показать, как эта концепция может быть применена для анализа реструктуризации региональной экономической системы (на примере Калининградской области).

Калининградская область представляет собой компактную территорию, которая за свою историю пережила несколько масштабных реструктуризаций экономики, при каждой из которых так или иначе проявлялся «эффект колеи». В настоящее время эксклавный регион России переживает очередную смену экономической модели, связанную с отменой в 2016 г. таможенных льгот, установленных Федеральным законом об Особой экономической зоне 1996 г. Пренятия

импортозамещающая экономика сохраняется, прежде всего, за счет государственных субсидий, выступая как раз в качестве «колеи», которая объективно затрудняет становление новых типов хозяйствований. В этой ситуации исследование проявлений «эффектов колеи» в социально-экономическом развитии Калининградской области безусловно необходимо для разработки региональной политики по отношению к области и формирования программ реструктуризации ее экономики.

Современное состояние изученности проблемы. Первые основания для постановки научной проблемы «эффекта колеи» дали работы в области многолетней статистики (Мэдиссон, 2007) и распространения технологических стандартов – известный пример феномена QWERTY (Дэвид, 1985) [14]. В дальнейшем в более строгой математической форме идею зависимости от предшествующего развития описал Б. Артур (1989).

Формирование теоретической базы для анализа восходит к Д. Норту, который получил за эту работу Нобелевскую премию по экономике в 1993 г. [1]. Гипотеза Норта – Дэвида создала новые рамки понимания того, как и почему различаются траектории экономического развития, в чем причины «залипания» в «колее», как можно осуществить переход из одной траектории развития в другую.

К настоящему времени накопилось много исследований, анализирующих зависимость от предшествующего развития таких явлений как: золотой стандарт, система общего и гражданского права, центральный банк, технологические стандарты и т. д. В основном практические исследования в области «эффекта колеи» описывали два типа эмпирических феноменов: 1) объясняли субоптимальный результат в экономике (субоптимальный по сравнению с тем, который должен был бы реализоваться в условиях идеального рынка) или «провалы рынка» (market failures) [15]; 2) либо объясняли, почему траектория развития идет именно в таком направлении, о нарастании сложностей в смене траектории с течением времени, вплоть до идей об «окнах возможностей для определения местоположения» (windows of locational opportunity) [13].

Важным направлением развития теории «эффекта колеи» является концепция «создания пути развития» (path creation). Здесь

основной акцент делается не на признании и описании «эффекта колеи» и «эффекта блокировки» (lock in), а на противостоянии сложившейся траектории развития инновациям и созданию новой траектории развития [19].

Под влиянием новых подходов в экономической теории с 1980-х гг. экономическая география также стала отходить от традиционного экономического анализа и превращаться в более междисциплинарный подход, использующий концепции и инструменты социальных, культурологических и политических наук. Эти изменения получили название «культурного поворота» (Барнс) или «институционального поворота» (Мартин) в экономической географии [12].

Возрастающее использование эволюционных аргументов, их вклад в понимание процессов, влияющих на рост и изменения региональной экономики, новые аналитические возможности, привели к формированию альтернативных подходов в экономической географии. Одними из первых в зарубежной экономической географии теоретические рамки приобрели «Институциональная экономическая география» (Institutional Economic Geography) в 1980-х гг. и «Новая экономическая география» (New Economic Geography) в 1990-х гг.

Вместе с тем, общий эволюционный подход к экономической географии, воплощающий абстрактные принципы «генерализованного дарвинизма», самоорганизации или «эффекта колеи», все еще находится в стадии формирования, хотя понятие «Эволюционной экономической географии» с середины 2000-х гг. стало устойчивым в зарубежной экономической географии [20].

Основную часть работ в области региональных исследований зависимости от предшествующего развития можно сгруппировать по следующим основным направлениям [18]:

1) *Региональный «эффект колеи» и «блокировка» траектории развития.*

Эта группа исследований, направлена на выделение и фиксацию устойчивого поведения экономических агентов, несмотря на драматическое изменение экономических условий, которое в частности выливается в настойчивом сохранении региональной промышленной или институциональной структуры (Грабер, Мейер-Стамер, Батлет и Богге, Хассинк). Многие из этих исследований определяют региональные «эффекты

Таблица 1. Роль преемственности промышленного развития и внешних шоков в создании региональных траекторий развития

		Преемственность промышленного развития	
		Высокая	Низкая
Влияние внешних шоков	Да	Изменение траектории регионального развития за счет внешнего шокового события	Нейтральность пространства. Изменение траектории регионального развития за счет реализации «окна возможностей по определению местоположения»
	Нет	Изменение траектории регионального развития за счет процесса диверсификации	Случайность как причина изменения траектории регионального развития

колеи» посредством эмпирических наблюдений региональных эффектов «блокировки» траектории развития. Этот тип эмпирических исследований регионального «эффекта колеи» связывает недостаток изменений в эффектах «блокировки» на разных уровнях региональных экономических структур (фирм, отрасли, институтов). Это означает, что фирмы, сталкивающиеся с необходимостью изменений вслед за изменением конкурентной среды, остаются лояльными своим старым технологиям и организационным рутинам, скорее защищая свои позиции за счет улучшения старой технологии, чем капитализируя возможности, предлагаемые новыми технологиями.

2) *Шоковые явления и региональный «эффект колеи».*

Много исследований посвящено вопросу, как и когда устойчивое «заблокированное» состояние может быть «разблокировано» (Хассинк, Мартин и Санли, Кастальди и Доси) [4]. Эти работы изучают ситуации регионального развития, анализируя экзогенные эпизодические или шоковые обновления; описывая создание новой траектории развития как следствие случайных или внешних событий. Эти исследования показывают, что появление новых секторов не всегда связано с существующей региональной экономической базой.

Это направление исследований частично связано с концепцией «окна возможностей для определения местоположения». По большому счету, ученые обсуждают экономический эффект такого рода драматических изменений в фундаментальных основах экономического роста в терминах, например, смены технологических парадигм. Такие переходы меняют предпосылки для траекторий регионального развития, становятся потенциальной новой стартовой точкой для

развития. Вместе с тем, несмотря на интерес к роли такого рода изменений в экономике, количество эмпирических исследований на указанную тему достаточно мало.

3) *Региональный технологический «эффект колеи» как разветвляющийся процесс.*

Применительно к эволюционным интерпретациям технологических изменений, региональный «эффект колеи» также может рассматриваться как разветвляющийся процесс (Френкен и Босма) [16], особенно в форме региональной диверсификации от старой к новой промышленности. Исследования этой группы скорее объясняют переход на новую траекторию развития как развитие, базирующееся на старой смежной технологии. Новые отрасли, таким образом, заимствуют часть технологий и умений рабочей силы из прежних отраслей (Неффке). Эволюционная интерпретация регионального «эффекта колеи» тесно связана с исследованием региональных структурных изменений. Когда зависимость от предшествующего развития рассматривается как разветвляющийся процесс промышленного или технологического развития, аналитические усилия концентрируются на том, почему определенные траектории регионального развития появились поверх ранее существовавших. Хеннинг, Стэм и Вентинг предлагают выделить четыре типа регионального развития в зависимости от степени непрерывности промышленно развития и степени влияния внешних шоков на изменение траектории этого развития [18] (табл. 1).

В российской экономической и географической науках эволюционный подход начал более или менее артикулировано применяться в последние десять лет.

Среди экономистов выделяются работы представителей Российской академии наук (В.М. Полтерович), МГУ имени М.В. Ло-

моносова (А.А. Аузан [1]) и Государственного университета Высшая школа экономики (Р.М. Нуреев [8]).

Экономические исследования по теме «эффекта колеи» в основном сосредоточены на вопросах «институциональных ловушек» российской экономики и социально-культурных аспектах трансформации экономической структуры России.

В области российской экономической географии эволюционные подходы до сих пор не нашли своего широкого применения. С начала 2010-х гг. соответствующие взгляды, в том числе относительно концепции «эффекта колеи», стали появляться в работах ученых МГУ имени М.В. Ломоносова (А.С. Фетисов [11]) под общим наименованием «эволюционное страноведение». В отличие от российской экономической науки они все еще не нашли на данный момент распространения в эмпирических экономико-географических исследованиях.

Полученные результаты и их обсуждение. Калининградская область хорошо подходит для изучения «эффекта колеи» как из-за особенностей своего географического положения, так и потому, что она за свою историю пережила три коренных реструктуризации экономики [2, 3].

Первая из них произошла в 1945 г. и в первые послевоенные годы. Тогда почти вся вещественная часть прежней экономики была разрушена в ходе военных действий, а прежние капиталистические рыночные (хотя и искаженные в годы нацизма) институты сменились на нерыночные административно-командные (социалистические). «Эффект колеи» в то время действовал избирательно и проявлялся в использовании оставшейся инфраструктуры (транспортной, энергетической и мелиоративной), а также ряда крупных предприятий (прежде всего, целлюлозно-бумажной промышленности и металлоемкого машиностроения), которые были сохранены и восстановлены из-за наличия дорогостоящих основных производственных фондов.

Второй перелом случился на рубеже 1991–1992 гг., когда область превратилась в эксклав, отделенный от основной территорией России иностранными государствами.

После этого из-за кризиса переходного периода и проблем, связанных с эксклавным положением региона, промышленное производство в области в 1999 г. составило только 16% от уровня 1990 г. (во всей России – 48%). Минимум сельхозпроизводства пришелся на 1998 г. – 46% (во всей России – 55%) (рис. 1, 2).

После выхода экономики региона из кризиса благодаря действию режима Особой экономической зоны (ОЭЗ), установленного в 1996 г.¹, в области сформировалась новая импортозамещающая экономика, основанная на беспошлинном импорте сырья и полуфабрикатов для доработки, получения готовой продукции (с небольшой нормой добавленной стоимости) и последующего ее вывоза преимущественно в другие регионы России. Начиная с 1999 г. объемы промышленного производства (в сопоставимых ценах) возросли к 2007 г. в четыре раза, превысив уровень 1990 г. В промышленности области сформировалось следующее соотношение поставок товаров для внутреннего потребления, в другие российские регионы и на экспорт – 1 : 3 : 1 [10]. Появились новые отрасли промышленности, прежде всего производство бытовой электроники и бытовой техники, автомобилестроение. Существенно расширилась мебельная промышленность. В то же время некоторые отрасли (например, целлюлозно-бумажная промышленность) практически прекратили свое существование.

Третий перелом, связан с принятием в 2006 г. нового Федерального закона об ОЭЗ и, особенно, с важными для региона изменениями в механизме ОЭЗ, начавшимися в 2016 г. Закон 2006 г. изначально был ориентирован на привлечение достаточно крупных инвестиций и предполагал налоговые льготы для инвесторов. В то же время, согласно ему, в течение десятилетнего переходного периода сохранялись и таможенные льготы, установленные законом 1996 г. Принятие данного закона ознаменовало начало новой реструктуризации региональной экономики. Но «эффект колеи», связанный с временным сохранением таможенных льгот, способствовал сохранению импортозамещающей экономики региона, возникшей на базе использования

¹ Свободная экономическая зона (СЭЗ) «Янтарь» была создана в Калининградской области еще в сентябре 1991 г., но до принятия Федерального закона об ОЭЗ в январе 1996 г. режим СЭЗ постоянно прерывался из-за противоречий, возникавших с федеральным (прежде всего таможенным) законодательством.

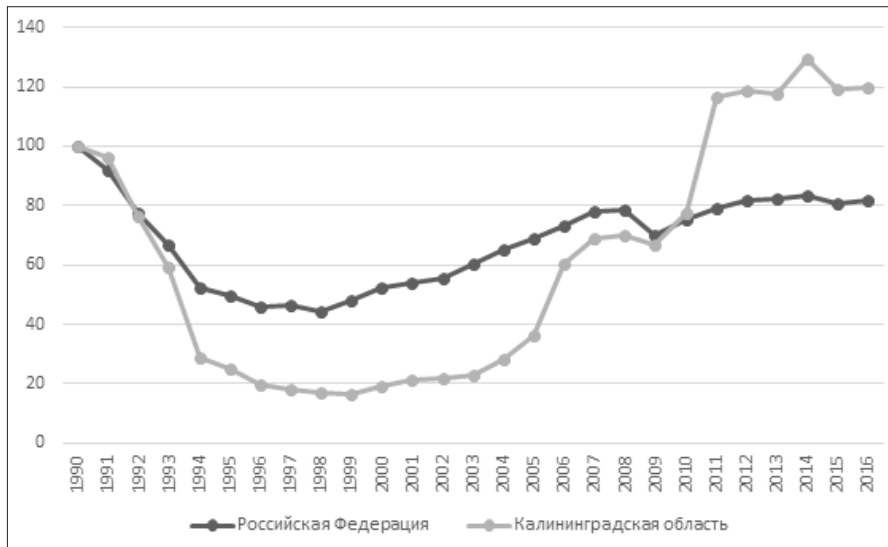

Рис. 1. Изменение объема промышленного производства в РФ и Калининградской области, 1990–2016 гг., в процентах от уровня 1990 г.
Источник: составлено Ю.М. Зверевым на основе данных: [9].

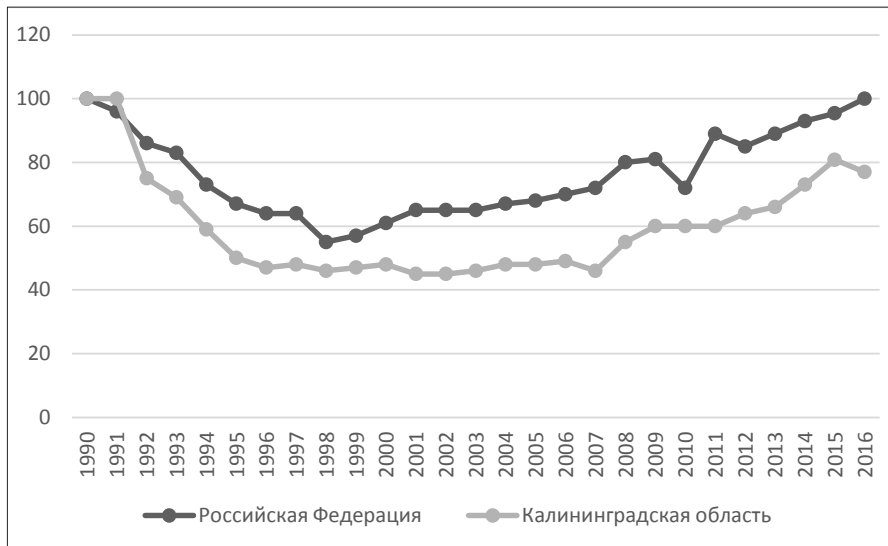

Рис. 2. Изменение объема сельскохозяйственного производства в РФ и Калининградской области, 1990–2016 гг., в процентах от уровня 1990 г.
Источник: составлено Зверевым Ю.М. на основе данных: [9].

льгот закона об ОЭЗ 1996 г. Чтобы не допустить одномоментного обвала в связи с прекращением льготного таможенного режима с 1 апреля 2016 г. федеральное правительство вынуждено было выделить межбюджетные трансферты в размере более 40 млрд руб. в год на поддержку предприятий Калининградской области, работающих в режиме частичного импортозамещения. Для поддержки развития новых производств и пре-

одоления «эффекта колеи» в декабре 2017 г. принят закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития Калининградской области». Он, в частности, снизил нижний порог инвестиций при предоставлении налоговых льгот инвесторам, расширил отраслевой состав льготуемых видов деятельности и продлил до 1 января 2031 г. государственную

Таблица 2. Факторы «эффекта колени» и исследовано их влияние на экономическое развитие Калининградской области

Фактор	Характеристика	Наличие/отсутствие влияния фактора на траекторию развития Калининградской области	
		1945–1991 гг.	1992–2015 гг.
Природно-ресурсная база	Траектория регионального развития сформирована зависимостью от определенного сырья (например, газ, нефть, древесина и т.п.) и соответствующими техническими возможностями, формирующими сопутствующие и смежные отрасли	+	+
Невозвратные издержки по созданию локальных активов и инфраструктуры	Долговечность (квази-необратимость) капитальных вложений региона, особенно в тяжелой промышленности и физической инфраструктуре, таких как формы городской строительства, транспортная система и т.п., которые используются долгое время и формируют возможности экономического развития в силу того, что фиксированные исходные издержки уже осуществлены, а переменные издержки ниже, чем общие расходы по замене этой инфраструктуры	+	–
Локальный эффект масштаба от отраслевой специализации	Локальные промышленные районы и кластеры специализированной экономической деятельности, характеризующиеся экстерналиями маршалианского типа и неторгуемыми взаимосвязями – общий резерв обученной рабочей силы, специализированные поставщики и посредники, локальные эффекты распространения знаний и локальные эффекты координации в контексте бизнес механизмов (например, кооперация и профессиональные сети, обычаи бизнес практики и т.п.) – все, что формирует высокий уровень локальной экономической взаимозависимости	–	+
Региональное «закрепление» технологий	Развитие характерного специализированного регионального технологического режима или инновационной системы посредством процессов коллективного обучения, подражающего и изоморфного поведения, сопутствующих технологических и исследовательских организаций, межфирменного разделения труда и других форм технологической взаимозависимости	–	+
Эффект агломерации	Обобщенное самоусиливающееся развитие, основанное на различных эффектах агломерации, таких как: разнообразный трудовой ресурс, большой рынок, устойчивые сети отношений «затрат-выпуска», поставщики, обслуживание, информация, широкий спектр видов деятельности и специализированных функций	–	–
Региональные особенности институтов, социальные формы и культурные традиции	Формирование локально обусловленных экономических и регуляторных институтов, социального капитала, социальной инфраструктуры и традиций – всего, что встраивает экономическую активность в локальную траекторию развития	–	+
Межрегиональные связи и взаимозависимости	Траектория развития региона может быть сформирована траекторией развития другой территории, например, посредством межотраслевых и внутриотраслевых связей и зависимостей, зависимости от финансовых институтов, расположенных на другой территории, влияния экономической и регуляторной политики, осуществляемой в других регионах или на национальном уровне (или даже за его пределами)	+	+

Источник: [6].

поддержку резидентов ОЭЗ (при выполнении ими ряда условий). Новый закон улучшает институциональные условия развития экономики региона, а Федеральная целевая программа развития Калининградской области на период до 2020 г. предоставляет финансовые ресурсы для ее реструктуризации. Но, в то же время, Калининградская область продолжает остро нуждаться в преодолении негативных эффектов «залипания» в предшествующей «колее», усугубляющимися геополитическими изменениями, связанными с ухудшением отношений между Россией и ЕС, и в создании новой «колеи», новой траектории экономического развития региона, которая позволит достичь ускоренных темпов роста, а значит, и обеспечить современные стандарты и качество жизни граждан.

Принимая во внимание существующие экономические и экономико-географические исследования, были выделены факторы «эффекта колеи» и исследовано их влияние на экономическое развитие Калининградской области (табл. 2):

Региональный «эффект колеи», сформированный институциональными особенностями и зависимостью от регуляторной политики демонстрируют география и от-

раслевой состав крупнейших предприятий региона в 1985 г. и 2017 г.: некоторые отрасли практически полностью исчезли с карты области, например, целлюлозно-бумажное производство, другие существенно расширили свою географию, как, например, пищевые производства.

То есть основой функционирования экономики являются не специфические региональные факторы, способствующие ее устойчивости к внешним воздействиям, а искусственно созданные институциональные факторы, изменение которых предопределяет нежизнеспособность многих промышленных производств.

Три ключевых характеристики экономики региона, на наш взгляд, можно привести для оценки возможностей/ограничений ее дальнейшего развития [7].

1) Зависимость от импорта в силу самого содержания режима ОЭЗ-96, где главным механизмом выступал режим таможенных льгот. Все основные виды обрабатывающих производств региона характеризуются высокой либо средней степенью зависимости от импортных сырья и комплектующих. При этом в структуре производственных затрат доля сырья превышает две трети, а в пищевой промышленности – четыре пятых.

Таблица 3. Оценка объемов добавленной стоимости в расчете на одного занятого, 2016 г., в процентах (РФ = 100%)

Вид экономической деятельности	Объем валовой добавленной стоимости в расчете на одного занятого	
	Калининградская область	РФ
Валовая добавленная стоимость, всего	63,8	100,0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	79,1	60,8
Добыча полезных ископаемых	427,4	611,3
Обрабатывающие производства	115,7	93,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	83,0	122,0
Строительство	34,1	73,5
Торговля	43,7	77,0
Гостиницы и рестораны	22,1	39,3
Транспорт и связь	60,1	111,6
Финансовая деятельность	12,9	212,4
Операции с недвижимостью, аренда и услуги	92,2	176,3
Госуправление, обязательное соцобеспечение	68,3	156,4
Образование	35,9	33,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	52,1	57,0
Предоставление прочих услуг	24,5	32,1

Источник: [6].

Таблица 4. Возможности преодоления регионального «эффекта колеи»

Источник новой траектории развития	Характеристика	Возможная реализация
Появление новой технологической парадигмы внутри региона	Возникновение новой технологии и отрасли внутри региона при отсутствии предшественников за счет использования рыночных возможностей крупных фирм, переобучения рабочей силы, желания сохранить место проживания по неэкономическим причинам, воспроизводящегося процесса самообновления (теория региональных компетенций) и т.п.	Автомобильный кластер IT - кластер Янтарный кластер Экологический агропродовольственный сектор Авиахаб Участок «Великого шелкового пути» Медицинский туризм
Разнообразие экономических субъектов, технологий и институтов в регионе	Разнообразие местных отраслей, технологий и организаций способствует постоянному инновационному процессу и переконфигурации экономики, позволяя избежать полной адаптации и «блокировки» фиксированной промышленной структуры	Формирование «индустриального дистрикта» в составе малых предприятий инновационных производств
Перенос с другой территории	Первичный механизм состоит в импорте новой отрасли или технологии с другой территории, что в последующем формирует основу для новой траектории регионального роста	Автомобильный кластер Технополис «Дженерал Сателайт» Фармацевтический кластер
Диверсификация в технологически смежных отраслях	Переход к новой структуре экономики, когда существующая промышленность сокращается, но ее ключевая технология расширяется и формирует основу для новых предприятий в смежных отраслях	Янтарный кластер
Модернизация существующей промышленности	Обновление региональной промышленной базы за счет внедрения новых технологий или новых продуктов и сервисов	Автомобильный кластер

Источник: составлено А.Л. Кузнецовой.

2) Низкая производительность труда и доля добавленной стоимости в силу особенностей условий режима ОЭЗ-96 (табл. 3).

3) Высокая зависимость экономики региона от конъюнктуры российского и внешнего рынка и курса.

К 2016 г., к моменту отмены «переходного периода» режима ОЭЗ, регион подошел со структурой экономики, привыкшей работать со значительными ценовыми конкурентными преимуществами – неуплата пошлины и НДС давала выигрыш от 25 до 51% себестоимости товара по сравнению с производством на территории России. Это и есть современный «эффект колеи» для хозяйства Калининградской области.

Выводы. Калининградской области для обеспечения качественного скачка и выхода хозяйственного комплекса и социальной среды региона на новый уровень, соответствующий представлениям о современных развитых странах, требуется комплексная модернизация всех сфер жизни. В то же время, прежде всего в силу

ограниченности собственных ресурсов, революционный вариант развития региона, который мог бы быть обеспечен только за счет значительных расходов федерального бюджета, в нынешних социально-экономических и геополитических условиях выглядит нереализуемым. Наиболее реальной траекторией регионального развития представляется не революционная, а эволюционная. Она должна быть эклектичной, многовекторной, сочетающей в себе элементы разных сценариев преодоления «эффекта колеи».

Эволюционный вариант развития региона, по нашему мнению, должен включать в себя четыре основных компонента [5, 6, 17]:

1. Сохранение на определенный период, который даст экономике региона дополнительное время для ее перестройки, поддержки через упомянутые выше межбюджетные трансферты предприятий, действовавших ранее в режиме ОЭЗ 1996 г. (при всех негативных «эффектах колеи» удельный вес «эконо-

- мики таможенных льгот» в хозяйстве региона достаточно велик и от нее нельзя отказаться одномоментно).
2. Формирование новой структуры экономики.
 3. Преобразование институциональной и административной среды, а также инфраструктуры для ведения бизнеса и проживания.
 4. Сохранение приоритетного развития Калининградской области как стратегического направления региональной политики Российской Федерации.
- Возможности преодоления региональных «эффектов колеи» представлены в таблице 4.
- Благодарности.** Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. И. Канта при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.
2. Волошенко К.Ю., Гимбицкий К.К., Кузнецова А.Л., Федоров Г.М. (ред.). Моделирование региональной системы долгосрочной устойчивости Калининградской области. Калининград: Изд-во БФУ им. И.Канта, 2015. 138 с.
3. Гимбицкий К.К., Кузнецова А.Л., Федоров Г.М. Развитие экономики Калининградской области: этапы реструктуризации // Балтийский регион. 2014. № 1 (19). С. 56–71.
4. Кастальди К., Доси Дж. Тиски истории и возможности для новизны: некоторые результаты и открытые вопросы, связанные с зависимостью от предшествующей траектории развития в экономических процессах // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3, № 2. С. 18–48.
5. Кузнецова А.Л. О направлениях создания устойчивой и динамичной экономики в Калининградской области // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 108–125.
6. Кузнецова А.Л. Роль «эффекта колеи» в реструктуризации экономики Калининградской области на современном этапе: дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Калининград, 2018. 143 с.
7. Кузнецова А.Л. Эффект колеи и новый путь развития Калининградской области // Российская Балтика и Балтийский регион. Монография / под научн. ред. В.М. Разумовского. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 200–226.
8. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 530 с.
9. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 30.09.2018).
10. Федоров Г.М., Зверев Ю.М. Социально-экономическое и геополитическое развитие Калининградской области. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 308 с.
11. Фетисов А.С. От историко-географического очерка в экономико-географической характеристике страны к эволюционному страноведению. // Общественная география: многообразие и единство / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 19. Под ред. А.С. Фетисова, И.С. Ивановой, И.М. Кузиной. М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 83–94.
12. Boschma R.A., Frenken K. Why is economic geography not an evolutionary science? Towards an evolutionary economic geography // Journal of Economic Geography. 2006. № 6. P. 273–302.
13. Boschma R. Path creation, path dependence and regional development // Path Dependence and the Evolution of City Regional Economies / J. Simmie and J. Carpenter (eds.). Working Paper Series, № 197. Oxford: Oxford Brookes University, 2007. P. 40–55.
14. David P.A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75, № 2. P. 332–337.
15. David P.A. Path Dependence, its Critics, and the Quest for 'Historical Economics' // Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present / eds. P. Garrouste and S. Ioannides. Cheltenham, Glos., UK: Edward Elgar. 2001. 22 p.
16. Frenken K., Boschma R.A. A theoretical framework for economic geography: industrial dynamics and urban growth as a branching process // Journal of Economic Geography. 2007. № 7 (5). P. 635–649.
17. Gimbitsky K.K., Kuznetsova A.L., Fedorov G.M. The development of Kaliningrad regional economy: A new stage of restructuring // Baltic region. 2014. № 1 (19). P. 41–53.
18. Henning M., Stam E., Wenting R. Path Dependence Research in Regional Economic Development: Cacophony or Knowledge Accumulation? // Regional Studies. 2013. № 47(8). P. 1348–1362.
19. Stack M., Gartland M.P. Path creation, Path dependency and Alternative Theories of the Firm // Journal of Economic Issues. 2003. Vol. 37, № 2. С. 487–494.
20. The Handbook of Evolutionary Economic Geography. Ed. by Ron Boschma and Ron Martin. Chichester: Edward Elgar, 2012. 576 p.

Об авторах

Кузнецова Анастасия Леонидовна – кандидат географических наук, доцент Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград.

Зверев Юрий Михайлович – кандидат географических наук, доцент Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград.

Для цитирования:

Кузнецова А.Л., Зверев Ю.М. «Эффект колеи» и его использование в региональных исследованиях (на примере Калининградской области) // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 15–24.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-2

**The “path dependence effect” and its application for regional studies
(case of Kaliningrad oblast)**

A. L. Kuznetsova*, Yu. M. Zverev**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

**e-mail: anastazija@yandex.ru*

***e-mail: YZverev@kantiana.ru*

One of the main questions studying by the economic geography is the reasons for the heterogeneity of the distribution of economic processes in space. For research of this kind, it is extremely important that the researcher uses the idea of the economic process as such, the nature of its dynamics and the factors influencing its development. This paper is devoted to the concept of the “path dependence”, based on the ideas of “dependence on previous development”. The notion is clearly interdisciplinary in nature and can be used and is already used in economic and geographical research. This work is devoted to clarifying the economic and geographical content of the concept of “path dependence” and to show the demonstration of this effect in the socio-economic and spatial development of a particular region (for example, the Kaliningrad region). The paper gives review of the modern state of researches on the “path dependence” problem including main research areas. From the example of the Kaliningrad region development starting from 1945 to date the work shows both mechanism of action of the “path dependence” and mechanism of development path shift. It also describes action of “path dependence” factors and its influence on regional economic development. Apart particularities of the current development of the Kaliningrad region are characterized from the path overlocking perspective.

Keywords: the “path dependence”, evolutionary economics, evolutionary economic geography, region, the Kaliningrad region.

МЕТОДИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 911.9

ИНДИКАТОРЫ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА УРОВНЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2019 г. Е. С. Кулаковский

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: evgeny.kyl@yandex.ru*

В статье анализируются вопросы совершенствования системы принимаемых управленческих решений в ключевых направлениях региональной политики на уровне муниципальных районов. На примере Воронежской области выявляются проблемы управления в экономике, социальной сфере, природопользовании, деятельности органов местного самоуправления. Раскрываются социально-экономические ограничения в управлении развитием муниципальных районов: несовершенство финансово-бюджетной сферы, противоречивость нормативно-правовых документов, демографическая напряженность, выраженная депопуляцией, длительным миграционным оттоком, снижение качества жизни и др. В целях повышения эффективности управления развитием территории предлагается использовать индикаторы устойчивого экономического, социального и экологического развития муниципальных образований, позволяющие установить и оценить тенденции в функционировании субъектов местного самоуправления. Преимуществом использования индикаторов устойчивого развития становится индивидуальный подход к выявлению конкурентных преимуществ и недостатков муниципальных районов. Исходя из этого, автором проведена типология муниципальных районов Воронежской области, в которой нашло отражение центр-периферийная модель и значительная деструктивность в социально-экономической сфере. Именно эти обстоятельства необходимо учитывать при разработке региональной политике на муниципальном уровне.

Ключевые слова: территория, регион, экономика, сфера услуг, экология, управленческие решения, местное самоуправление.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-3

Введение и постановка проблемы. Территориальная организация и функционирование муниципальных образований часто сталкиваются с противоречиями, которые не позволяют на данном уровне управления исполнять в полном объеме возложенные на него функции [21]. Среди этих противоречий выделяются: различия между объектами местного самоуправления по природно-ресурсному, социально-экономическому и демографическому потенциалам; правовое и финансово-бюджетное несовершенство местного самоуправления; выстраивание вертикали власти и одновременно отсут-

ствие гражданского общества как своеобразной системы сдержек для местной власти. Выделенные особенности в деятельности муниципальных образований обуславливают ограничения в их социально-экономическом развитии, что в условиях ограниченности ресурсов является важным фактором для принятия решений по развитию территории. В этом контексте особую актуальность приобретает задача достижения наилучшего результата от совершаемых действий при минимальных издержках (с учетом природных и социально-экономических факторов развития регионов).

Использование индикаторов устойчивого развития в управлении позволяет отразить тенденции в ключевых сферах общества, обеспечить коммуникации между властью и населением, в том числе при разработке ключевых направлений социально-экономической политики на муниципальном уровне, стимулировать повышение конкурентных преимуществ субъектов управления [26]. Поэтому основной задачей данного исследования является выявление ограничений и приоритетов экономических агентов в управлении.

В управлении развитием территории выделяются два принципа в приоритетах принимаемых управленческих решений: «сверху – вниз» (учет интересов федерального центра) и «снизу – вверх» (исходящие от населения и местного самоуправления). В российской практике преобладает первый принцип, что вызывает оторванность высших эшелонов власти от муниципального уровня управления и возникновение проблемных ситуаций. Названные особенности в управлении создают условия для оценки эффективности принимаемых решений, в том числе использование индикаторов устойчивого развития, что позволяет с помощью небольшого числа показателей оценить возможности в развитии территории.

Обзор ранее выполненных исследований. Концепция устойчивого развития позволяет определить возможности развития территории, дает представления лицам, принимающим решения, о преимуществах и недостатках субъектов управления. Большая часть исследований [2, 19, 26] концентрируется на уровне стран и регионов, тогда как на локальном уровне, за исключением городов [4], еще не выявлены механизмы сбалансированного развития территорий.

Большинство исследований по данной проблематике проводится в трех ключевых направлениях.

Первое направление связано с интерпретацией цели устойчивого развития к специфическим социально-экономическим условиям регионов и стран, а именно: доступом к медицинским услугам и образованию, расширению партнерства в области развития технологий и экологических проектов, борьбе с нищетой и др. [25]. Целевые функции охватывают разные уровни – от государ-

ственного до муниципального, представляют собой инструментарий оценки управленческих решений.

Смысл второго направления заключается в обосновании индикаторов, отражающих основные тенденции в ключевых сферах общества [1, 20, 26].

Третье направление связано с совершенствованием системы управления развитием территории, что находит отражение в изменениях принципов и механизмов, которые заложены в документах стратегического пространственного планирования [27].

Такое триединое сочетание направлений в области устойчивого развития позволяет перейти от общих целей к практической области управления развитием территории, обеспечивает возможность индивидуального подхода к каждому региону.

Активное изучение данной проблематики проводилось в последние десятилетия. Одной из ключевых задач стала разработка и совершенствование методологических подходов к выявлению взаимовлияния человека и окружающей средой (А.И. Чистобаев [20], С.Н. Бобылев [2, 7], Н.В. Зубаревич [6], С.А. Куролап [10, 15]). Однако механизмы индикативного подхода в системе принятия управленческих решений на уровне муниципальных образований и их взаимодействие с другими уровнями власти до сих пор остаются неразрешенной проблемой.

Постановка проблемы и методика исследования. Ошибки в практике принимаемых управленческих решений во многом объясняются пренебрежением теорией и практикой общественно-географической науки, а также некомпетентностью экспертов, привлекаемых к формированию ответственных решений. Избежать многих отрицательных эффектов в данной сфере возможно с помощью анализа конкурентных преимуществ территорий и выявлением их миссии в управленческих решениях [22]. Для оценки возможностей субъектов управления необходимо обратить внимание на направления, которые представлены в управленческих документах, сравнить текущие показатели с заложенными критериями в этих документах.

При изучении объектов управления понятие «территория» рассматривается, во-первых, как пространственный базис деятельности; во-вторых, как место размещения

ресурсов; в-третьих, как особая социально-экономическая реальность [3, 11]. Подобная трактовка этого термина находит отражение в системе стратегического пространственного планирования [1, 23] и направлена на снижение деструктивных процессов в природе и обществе [17, 20].

При проведении оценки системы принятия управленческих решений с привлечением индикативного подхода возникают вопросы: «Зачем нужны индикаторы?», «Какие критерии использовать?», «Как выделенные показатели относятся к концепции устойчивого развития», «Как использовать выделенные индикаторы?». Далее автор дает ответы на представленные вопросы.

«Зачем нужны индикаторы?» – ответ на этот вопрос отражает целевую установку исследования. Цель исследования – определение приоритетов в управлении развитием территорий и их соответствия социально-экономическим возможностям регионов.

«Какие критерии использовать?». Оценка эффективности территориального управления является ключом к пониманию перспектив социально-экономического развития. Построение системы индикаторов устойчивого развития происходит с учетом имеющихся правил [2, 7, 8, 12, 13, 14, 19, 20, 24].

На начальном этапе исследования необходимо определить суть аспектов, участвующих в развитии регионов – экономического, социального и экологического [18–20]. Построение системы индикаторов осуществляется двумя способами [8]. Первый способ нацелен на выделение показателей, отражающих отдельные аспекты устойчивого развития, второй – на определение интегрального показателя. Методологические проблемы и сложности расчета индикаторов привели к тому, что до сих пор так и не сложилось общепризнанного агрегированного индикатора [2, 4]. Наши исследования свидетельствуют о том, что в изучении муниципальных районов из-за проблем со статистикой, отсутствия целого блока экологических данных сложно выделить агрегированный индикатор. Такой индикатор может быть обоснован после того, как будут проведены исследования по каждой составляющей системы функционирования муниципального района.

По отношению к местному самоуправлению в управленческих кругах бытуют «индикаторы» в виде критериев оценки эф-

фективности деятельности и технико-экономических показателей документов стратегического пространственного планирования. Существенный недостаток этих оценок – большое число показателей, что в сочетании с недостаточностью муниципальной статистики осложняет анализ принимаемых решений, приводит к искажению оценок ключевых тенденций. В этих условиях важно опираться на индикаторы устойчивого социально-экономического развития (табл. 1).

Для достижения репрезентативности полученных результатов автором использованы средние значения за период 2014–2016 гг., что позволяет избежать конъюнктурных влияний. Автор в исследовании опирался на материалы официальной статистики и управленческие документы. Полученные данные позволили использовать стандартизированные показатели для оценки сложившейся ситуации, обеспечила возможность сделать исследование более конструктивным и доступным для оценки принимаемых решений в управлении.

«Как выделенные показатели относятся к концепции устойчивого развития». Это выражается с одной стороны, разным пониманием устойчивого развития [16], причем «устойчивость» территориальной социально-экономической системы автором рассматривается по отношению к каждой из сфер с выделением тех аспектов, которые в наибольшей мере находят отражения в триаде «природа – общество – хозяйство». С другой стороны, концепция устойчивого развития использует полученные результаты для проектирования природно-хозяйственных систем, что отвечает необходимости рационального использования имеющихся ресурсов [9]. Исходя из сказанного, устойчивое развитие служит ориентиром, для чего автор использует сравнение текущей социально-экономической ситуации с технико-экономическими показателями документов стратегического пространственного планирования, что позволяет определить наиболее проблемные «точки» в развитии регионов.

Ответ на вопрос «Как использовать выделенные индикаторы» связан с использованием научных разработок при принятии управленческих решений и оценки эффективности местного самоуправления, в том числе с выявлением территорий роста и проблемных ареалов [24].

Таблица 1. Индикаторы устойчивого развития применительно к условиям Воронежской области

Показатели	Особенности вычисления и использования
I. Экономические индикаторы	
Объем отгруженной продукции собственного производства на душу населения (тыс. руб./чел.) ¹	Отражает число фактически отгруженной продукции потребителю с определенной территории
Финансово-бюджетный процесс: а) профицит / дефицит; б) процент собственных доходов (%)	Выявляют особенности формирования бюджета и финансовых отношений муниципального района, что позволяет оценить возможности для развития территории (процент собственных доходов) и выявить потребности муниципальных образований в финансах (профицит/ дефицит)
Инвестиции в обновление основных фондов (%)	Инвестиции показывают отраслевые (отрасли, привлекающие капитал) и территориальные (регионы и муниципалитеты, которые привлекают инвесторов) приоритеты экономических агентов. Инвестиции в обновление основных фондов отражает отношение объема инвестиций в основной капитал к стоимости основных фондов
Среднемесячная заработная плата (тыс. руб.)	Отражает покупательную способность занятого населения
II. Социальные и демографические индикаторы	
Коэффициент миграционного прироста (убыли) (‰)	Миграции указывают на приоритеты населения в выборе территорий с лучшими условиями жизни
Коэффициент депопуляции	Воспроизводство населения демонстрирует устойчивую тенденцию к убыли населения, данный коэффициент показывает долю смертей в общей рождаемости
Демографическая нагрузка – число иждивенцев на 1000 чел. трудоспособного населения (‰)	Отражает характер демографического воспроизводства, в частности, долю лиц нетрудоспособного возраста
Коэффициент младенческой смертности (‰)	Показывает уровень развития медицины, условия жизни населения
Уровень безработицы (%)	Отражает возможности населения для реализации права на труд
III. Экологические индикаторы ²	
Уровень загрязнения воздушного бассейна (среднегодовые объемы в т)	Характеризует техногенное воздействие на атмосферу
Сбросы сточных вод, (млн м.)	Отражает техногенное воздействие на поверхностные и подземные воды
Загрязнения почвы тяжелыми металлами (СПЗ)	Характеризует техногенное воздействие на почвенный покров
Медико-экологическая напряженность (интегральный ранг)	Рассчитывается на основе интегральных и частных критериев (техногенная нагрузка, качество окружающей среды, общая заболеваемость); отражает медико-экологическое состояние муниципальных образований
Коэффициент ландшафтно-экологического благополучия и доля земель, подверженных эрозии [5]	Характеризует возможности рациональной хозяйственной деятельности. Определяется соотношением плакорного и склонового типа местности

Источник: составлено автором.

¹ Заметим, что в научной литературе встречаются предложения использовать показатель валового продукта, в данном случае – валового муниципального продукта [14, 16].

² Надо отметить значительное влияние автотранспорта в современной экологической ситуации, о чем свидетельствуют современные исследования [10, 18], однако автор не обособляет его отдельно, а рассматривает в представленных показателях.

Таблица 2. Ранжирование муниципальных районов Воронежской области по объему отгруженной продукции (среднее значение за период 2014–2016 гг.)

Виды экономической деятельности	Уровень объема отгруженной продукции, тыс. руб./чел.		
	низкий (до 100)	средний (100–300)	высокий (свыше 300)
Промышленность – Сфера обслуживания	–	Подгоренский, Рамонский	Новоусманский, Поворинский
Промышленность – Сельское хозяйство	Верхнехавский, Лискинский, Россошанский	Грибановский, Новохоперский, Острогожский, Хохольский	Бутурлиновский, Кантемировский, Семилукский
Сельское хозяйство – Промышленность	Бобровский, Эртильский	Аннинский, Калачеевский, Павловский	–
Сельское хозяйство – Сфера обслуживания	–	–	Богучарский, Верхнемамонский,
Сельское хозяйство	Каширский,	Каменский, Нижнедевицкий, Ольховатский,	Воробьевский, Панинский, Петропавловский, Репьевский, Таловский, Терновский

Источник: составлено автором.

Результаты исследования и их обсуждение. Индикаторы в экономической сфере. Функционирование экономики выступает основой для развития регионов и включает в себя разнообразные процессы: реализацию социально-экономического потенциала; финансово-бюджетные и инвестиционные процессы; покупательную способность населения. Данные процессы в той или иной мере участвуют в выборе стратегических направлений развития регионов, поэтому они и нашли свое представление в выбранной системе показателей.

В общих чертах для характеристики экономических процессов муниципальных образований использован показатель объема отгруженной продукции на душу населения, дополненный анализом видами экономической деятельности (промышленность, сельское хозяйство, сфера обслуживания), которые формируют основу экономики муниципального образования.

Большинство районов области не отличаются сложностью структуры экономики (табл. 2), хотя диверсификация экономической деятельности муниципальных районов позволяет быстрее адаптироваться в периоды экономических кризисов.

Несовершенство финансово-бюджетных вопросов выражается низкой долей собственных доходов; устойчивым превышением расходов над доходами; перераспределением налогов в пользу вышестоящих бюджетов.

Наиболее существенным недостатком является *дефицитность и низкая доля собственных доходов*. Так, около 1/3 бюджетов муниципальных районов дефицитны, еще столько же имеют низкую долю собственных доходов (до 40%) (рис. 1). Основным источником доходов муниципальных районов области является безвозмездное поступление из регионального и федерального бюджетов. На долю этих доходов приходится от 40% до 60%, что показывает зависимость муниципальных образований от регионального и федерального центров. Следствием этого явления является отсутствие стимулов для изменения социально-экономической ситуации.

Нехватка собственных средств побуждает государственные и муниципальные органы власти прибегать к заимствованиям, что приводит к *росту внутреннего долга области и ее муниципальных образований*. Помимо роста долговых обязательств, крупным недостатком недофинансирования муниципальных образований является внесение постоянных правок в стратегии социально-экономического развития, в результате чего теряется суть разработанных предложений.

Подавляющая часть собранных налогов направляется в бюджеты региона и федерального центра, а та часть налогов, которая остается на местах, собирается крайне сложно. Это связано со значительным распространением преференций для отдельных категорий населения, что соответствует принципам социальной политики, но сни-

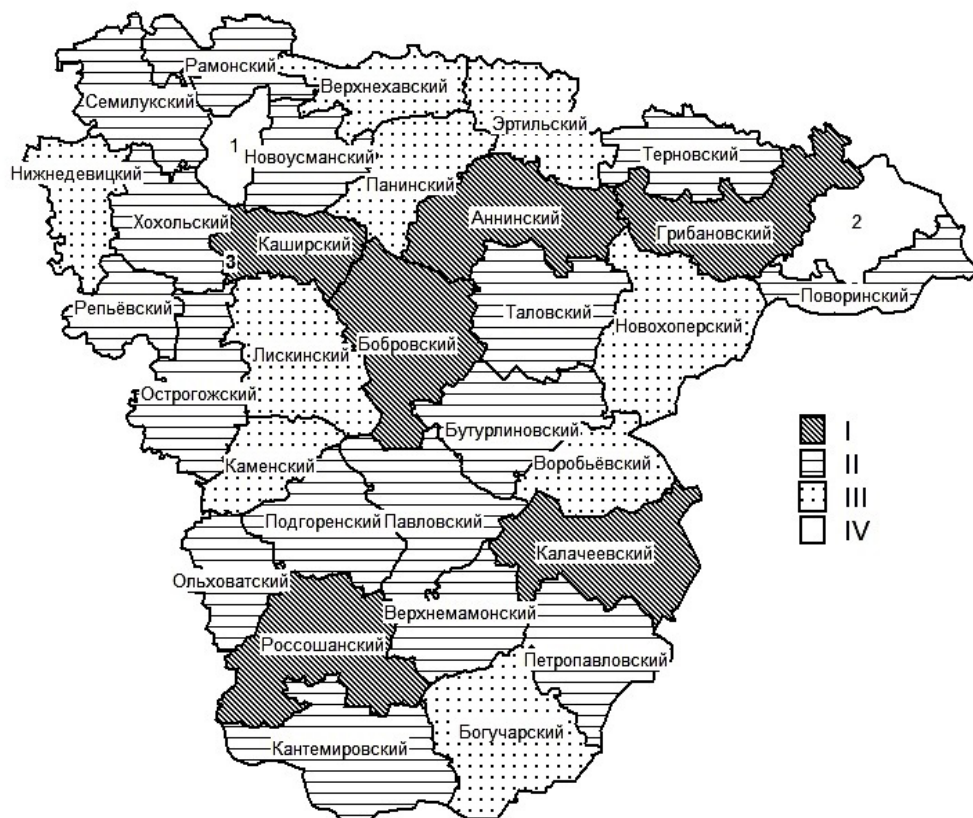

Рис. 1. Доля собственных доходов в бюджетах муниципальных районов Воронежской области. Условные обозначения. Процент собственных доходов (%): I – свыше 60; II – 40–60; III – до 40; IV – Городские округа: 1. Воронеж; 2. Борисоглебский; 3. Нововоронеж. Источник: составлено автором.

жает наполняемость бюджетов. Выходом из данной ситуации могут служить инвестиции. Но и тут не все просто, поскольку инвестиционная привлекательность муниципальных районов остается различной (рис. 2).

Низкое число инвестиций в обновление фондов характерно для большинства районов, причем как слаборазвитых периферийных (Петропавловский, Верхнемамонский), так и районов с высокой стоимостью этих фондов, которые нуждаются, однако, в значительном их обновлении (Россошанский, Лискинский). Высокие значения данного критерия определяются несколькими факторами: реализацией крупных проектов (строительство железной дороги в обход Украины); развитием агропромышленного комплекса; реализацией транспортно-логистических проектов и объектов торгового обслуживания.

Заработная плата является главным источником доходов занятого населения. Уровень ее в области колеблется от 19 до 28 тыс. руб. Доходы населения большинства муниципальных районов оказываются ниже среднеобластного уровня. При этом в последние годы рост заработной платы значительно замедлился, что нашло отражение в падении покупательной способности населения.

Обзор экономических индикаторов показывает усиление деструктивных процессов. Среди них – усиление экономических диспропорций между муниципальными образованиями; финансово-бюджетная зависимость муниципальных образований от вышестоящих органов власти; падение покупательной способности населения. Эти несовершенства приводят к неполноценному функционированию местного самоуправления, отсутствию стимулов для развития.

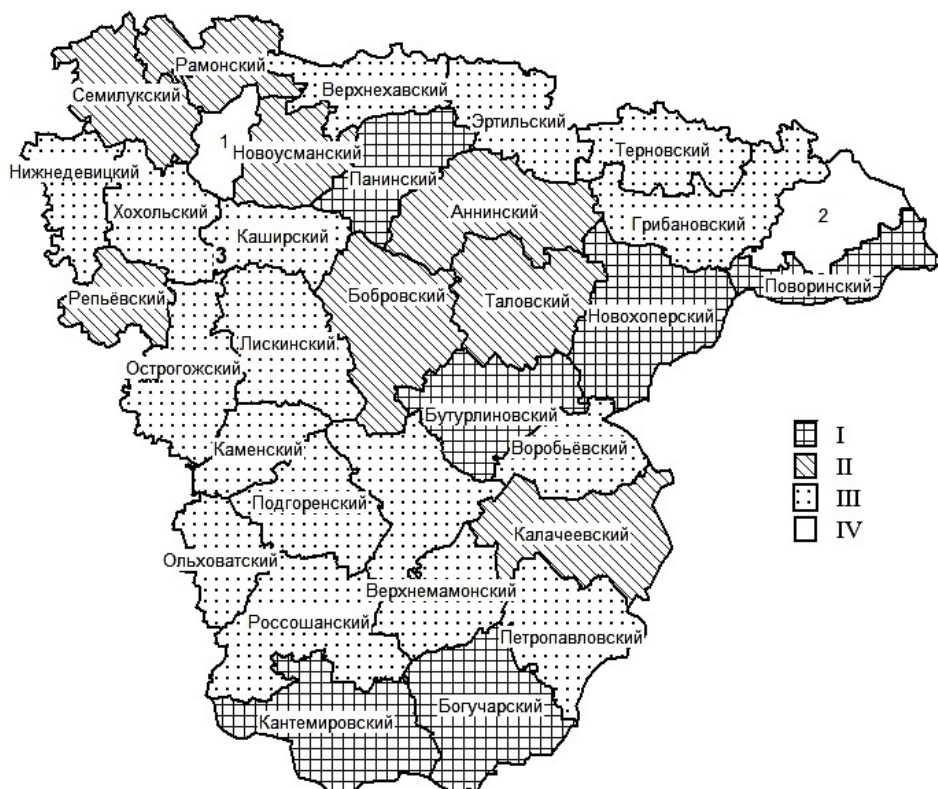

Рис. 2. Инвестиции в обновление основных фондов муниципальных районов Воронежской области.

Условные обозначения. Уровни инвестиций в обновление фондов (%): I – высокий (более 50); II – средний (25–50); III – низкий (до 25); IV – городские округа: 1. Воронеж; 2. Борисоглебский; 3. Нововоронеж.

Источник: составлено автором.

Индикаторы в социальной и демографической сферах. Человеческие ресурсы в развитии территорий определяют возможности региона через воспроизводство населения, состояние рынка труда и уровень развития здравоохранения.

В большинстве муниципальных районов естественное воспроизводство населения стало лимитирующим фактором для развития. Это связано, с одной стороны, с сокращением населения, а с другой, – с подушевым финансированием бюджетных учреждений; как следствие, наступает деградация территории. Естественное воспроизводство характеризуется устойчивой тенденцией превышения смертности над рождаемостью. Коэффициент депопуляции колеблется в диапазоне от 1,28 до 3,14. Депопуляционные процессы определяются трансформацией возрастной структуры. Так,

1/3 населения области составляют пенсионеры, что усиливает нагрузку на трудоспособное население.

Одним из показателей, отражающих уровень развития здравоохранения и качество жизни населения, является младенческая смертность. Замечено, что снижение уровня младенческой смертности стимулирует повышение ожидаемой продолжительности жизни. Показатели по младенческой смертности в области значительно улучшились за последние десятилетия, за исключением лишь нескольких муниципальных районов.

В целом, естественное воспроизводство населения Воронежской области не отличается положительными значениями. Даже в небольших ареалах с более благоприятной геодемографической ситуацией наблюдается тенденция вымирания. За последние десять лет показатели миграционной ситуации

снижаются. Положительный миграционный прирост характерен лишь для некоторых муниципальных районов, которые совпадают с территориями, привлекающими инвестиции.

Большое значение для общества имеет оценка состояния рынка труда. Уровень зарегистрированной безработицы не превышает 3%, хотя с регистрацией безработных возникают вопросы. Ярким примером в этом отношении является сельская местность, где к занятому населению относят тех, кто занят в личных подсобных хозяйствах. Однако данная категория не несет налоговых отчислений по линии работодателя и, соответственно, не имеет постоянного заработка.

Представленная картина развития в социальной и демографической сферах показывает неразрешенность многих проблем, которые ограничивают возможности для развития территории: депопуляция; миграционный отток; неустойчивость на рынке труда.

Индикаторы в экологической сфере. Внимание к экологической ситуации связано, с одной стороны, с осознанием больших проблем в связи с растущим давлением на природу, а с другой стороны, – косвенным воздействием на здоровье человека. Последнее обстоятельство определяет не только рост общей заболеваемости населения, но и повышение заболеваемости по отдельным видам (аллергия, бронхит, астма, онкология и др.). Анализ техногенного воздействия на природные объекты и людей свидетельствует о том, что последствия антропогенного воздействия имеют значительную степень локализации, усиливаясь в районах концентрации производства и местах интенсивного сельского хозяйства [15]. Среди них выделяются муниципальные районы, прилегающие к Воронежу (Хохольский, Семилукский, Верхнехавский), районы центральной и восточной частей Воронежской области (Аннинский, Таловский, Новохоперский).

В хозяйственной деятельности большого внимания заслуживает рациональное землепользование, которое находит отражение в показателях ландшафтно-экологического благополучия [5]. Данный показатель следует учитывать при размещении ресурсных отраслей (сельское хозяйство, горнодобывающие производства и др.). Угрозой для муниципальных районов области являются эрозионные процессы, приуроченные к склоновому типу местности, что накладывает

ограничения на развитие сельского хозяйства и строительства. На этот тип местности приходится около 1/3 площадей.

Индикаторы и система управленческих решений. Индикаторы устойчивого развития, выступая в качестве критериев экспертной оценки управленческих решений по развитию территорий, дают представления о «коридоре» возможностей, которые зависят от конкурентных преимуществ и недостатков, а также использования имеющихся ресурсов. К сожалению, возможности муниципальных образований сильно ограничены, что показывает анализ каждой из сфер. Для этого лучше всего провести градацию муниципальных районов по социально-экономической и экологической ситуации. В исследуемом регионе получается следующая картина (рис. 3). Нетрудно заметить, что она соответствует центрально-периферийной модели социально-экономических процессов.

I тип – «пригородные» муниципальные районы с диверсифицированной структурой экономики, относительно высокой инвестиционной и миграционной привлекательностью, высоким антропогенным воздействием. Ключевыми направлениями в развитии районов этого типа являются: жилищное строительство, транспортная инфраструктура и логистика, джентрификация (перенос предприятий в зону влияния агломерации) и пригородное сельское хозяйство. В документах территориального планирования названные направления находят отражение частично, причем лишь в отношении развития сельского хозяйства и транспортной инфраструктуры. Существенным недостатком решений по развитию муниципальных образований данного типа является отсутствие взаимосвязанности предлагаемых мероприятий с планами развития агломерации.

II тип – «центральные» районы с высокой долей промышленности и крайне противоречивыми тенденциями в привлечении инвестиций и миграций с высокой антропогенной нагрузкой. Среди тенденций развития территорий выделяется сельское хозяйство, а также химическая промышленность и промышленность стройматериалов. Эти направления нашли отражение в принимаемых управленческих решениях, чего не скажешь, к сожалению, о транспортной инфраструктуре.

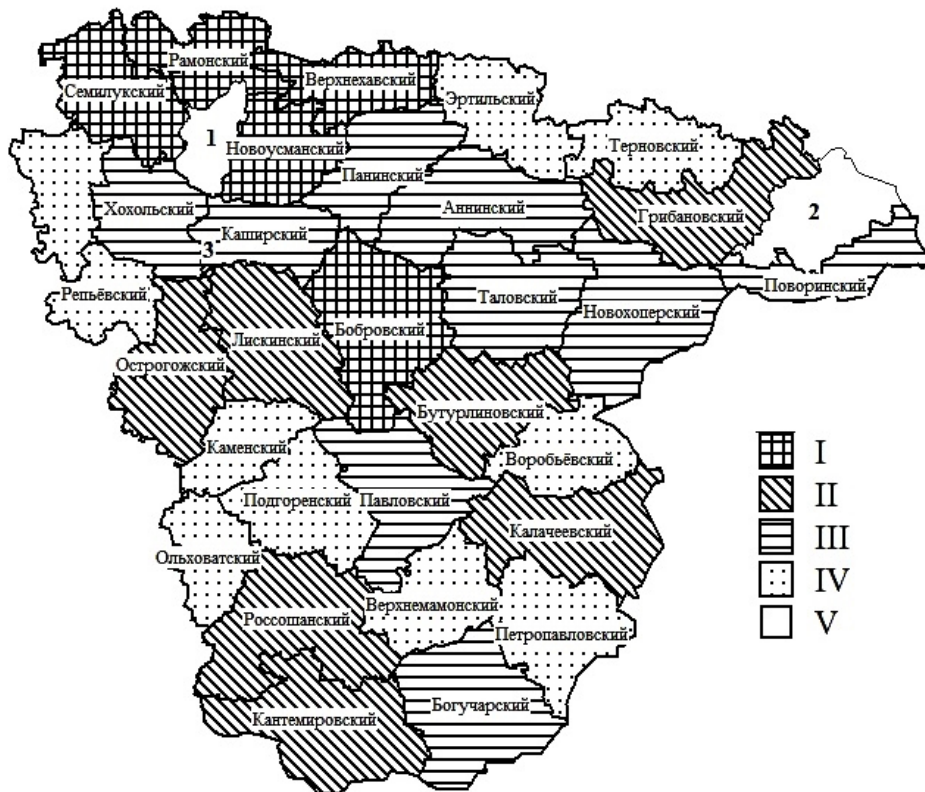

Рис. 3. Типология муниципальных районов Воронежской области по системе управленческих решений
Условные обозначения: I–IV – типы муниципальных районов; V – городские округа:
1. Воронеж; 2. Борисоглебский; 3. Нововоронеж.
Источник: составлено автором.

III mun – «полупериферийные» муниципальные районы с аграрно-индустриальной спецификой, высокой долей производства первичной сельхозпродукции, относительно высокой инвестиционной привлекательностью. Для этого типа характерна низкая миграция (кроме Бобровского района). Ключевым направлением территориального развития выступает сельское хозяйство.

IV mun – «периферийные» районы с аграрной специализацией, которые подвержены высокой степени деградации, проявляющейся в депопуляционных процессах, усилении депрессивности экономики, низкой инвестиционной привлекательности, значительном миграционном оттоке. Ключевой проблемой в развитии этого типа районов является недоиспользование социально-экономического потенциала.

Представленная автором градация муниципальных районов отражает общую

закономерность усиления деструктивных процессов в обществе от первого к последнему типу. В экологической ситуации, напротив, именно первые типы испытывают наибольший антропогенный прессинг. Стоит заметить, что устойчивое развитие районов Воронежской области отличается разнонаправленностью слагающих его процессов в экономике, обществе и природе. Именно на это необходимо обращать внимания при разработке направлений региональной политики.

Наиболее выгодные условия для привлечения инвестиций созданы в районах первых трех типов. Предпринимаются попытки привлечения инвестиций через создание индустриальных парков, технопарков, территорий опережающего развития (Павловск). Намечился успех в создании особой экономической зоны (ОЭЗ) промышленно-производственного типа. Основной специализацией

становятся металлургическое производство, химическая промышленность, производство строительных материалов. О заинтересованности в данном проекте уже объявила компания «Ламплекс композит» (электротехническая промышленность). Правительство Воронежской области заявило о семи компаниях, которые выразили готовность работать в ОЭЗ. Большим «плюсом» в ее создании является расположение вблизи существующего индустриального парка «Масловский», что в значительной мере сокращает затраты на развитие инфраструктуры. В выделенных типах районов происходит снижение возможностей финансово-бюджетной сферы, активности экономических агентов, использования конкурентных преимуществ территорий.

Заключение. Использование концепции устойчивого развития нацелено на выявление приоритетов общества по развитию территорий. Особая роль отводится индивидуальному подходу к определению стратегических целей регионов исходя из свойственных им конкурентных преимуществ и недостатков. Индикаторы устойчивого развития на муниципальном уровне позволяют установить

ограничения в принятии управленческих решений: финансовое несовершенство, барьеры в работе бизнеса, демографическую напряженность, снижение качества жизни населения. Принятие решений в заданных параметрах обеспечивает объективность и экономический эффект.

Типология муниципальных районов в соответствии с центрально-периферийной моделью также способствует повышению эффективности принимаемых управленческих решений, особенно на локальном уровне.

В выделенных автором типах муниципальных районов Воронежской области происходит нарастание деструктивных элементов в экономике, социальной сфере и экологии, что обуславливает их низкую инвестиционную привлекательность. При этом острота проблем нарастает в направлении от первого к последнему выделенным типам районов.

К перспективному направлению в управлении развитием территории относится обоснование агрегированного индикатора устойчивого развития на муниципальном уровне. Решению этой задачи автор намерен посвятить свои дальнейшие исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин А.А. Актуальные прикладные проблемы экономической и социальной географии России // Известия РГО. 2013. Т. 145. № 1. С. 20–30.
2. Бобылев С.Н. Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение. Пособие по региональной экологической политике. М.: Акрополь, ЦЭПР. 2007. 60 с.
3. Бобылев С.Н., Минаков В.С., Соловьева С.В. Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели для расчета. М., 2012. 132 с.
4. Бобылев С.Н., Кудряцева О.В., Соловьева С.В., Ситкина К.С. Индикаторы экологически устойчивого развития: региональное измерение // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика. 2018. № 2. С. 21–33.
5. Горбунов А.С., Бевз В.Н., Михно В.Б., Быковская О.П. Ландшафтно-экологическая оценка муниципальных районов Воронежской области. Воронеж: Истоки, 2017. 167 с.
6. Зубаревич Н.В. Социально-экономическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания // SPERO. 2008. № 9. С. 7–22.
7. Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) / Под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Макеенко. М.: ЦПРП, 2001. 220 с.
8. Казакова Т.Л. Разработка системы индикаторов устойчивого развития для Центрального Черноземья // Региональные исследования. 2008. № 1 (16). С. 20–23.
9. Крупко А.Э., Михно В.Б. Факторы, проблемы и основные направления устойчивого развития Центрально-черноземного района // Вестник ВГУ. Сер.: География. Геоэкология. 2019. № 1. С. 55–73.
10. Куролап С.А., Клепиков О.В. Интегральная оценка и типизация территории Воронежской области по уровням экологических рисков для населения // Проблемы природопользования и экологическая ситуация в Европейской России и на сопредельных территориях: Мат-лы VII Междунар. научн. конф. (памяти проф. А.Н. Петина). Белгород, 2017. С. 173–175.
11. Лаженцев В.Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития. Екатеринбург–Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2014. 236 с.
12. Пономарева З.В. Территориальная организация регионального развития: постановка проблемы // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Смоленск: Универсум, 2011. С. 260–262.
13. Рогозина Р.Е. Географические особенности процессов территориальной организации российского общества на рубеже XX–XXI веков: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Воронеж, 2002. 18 с.
14. Соромотин А.М. Нефтегазовые ресурсы как фактор социально-экономического развития Ленского района республики Саха (Якутия): Дисс. ... канд. геогр. наук. СПб, 2015. 166 с.

15. Умывакин В.М., Куропат С.А., Матвиец Д.А., Швец А.В. Агрегированная оценка медико-экологического риска в системе социально-гигиенического мониторинга // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2017. № 3. С. 105–112.
16. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
17. Федулова С.И. Пространственное планирование в странах Европейского союза и в Российской Федерации (географические особенности, лучшие практики): Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. СПб., 2017. 18 с.
18. Чистобаев А.И., Алимов А.Ф., Дмитриев В.В., Флоринская Т.М., Хованов Н.В. Интегральная оценка экологического состояния и качества среды городских территорий. СПб.: СПбНЦ РАН, 1999. 253 с.
19. Чистобаев А.И., Рафигов С.А., Худoley В.В., Флоринская Т.М. Концепция устойчивого развития и местная повестка дня на XXI век: Методическое пособие / Под ред. Д.А. Голубева, Н.Д. Сорокина. СПб.: Изд-во «Союз художников», 2003. 480 с.
20. Чистобаев А.И. Управление регионом на основе индикаторов устойчивого развития // География на рубеже тысячелетий: Тр. XII съезда РГО. Т. 1. СПб.: РГО, 2005. С. 42–47.
21. Чистобаев А.И. Территориальная организация местного самоуправления в России // География в школе. 2014. № 7. С. 10–17.
22. Чистобаев А.И. Сюжеты из практики управления развитием территорий в СССР и современной России // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2018. № 7. С. 13–24.
23. Чистобаев А.И. Пространственное планирование в России: состояние, проблемы, задачи географов // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2013. № 1 (2). С. 15–24.
24. Bański J., Degórski M., Komornicki T., Śleszyński P. The delimitation of areas of strategic intervention in Poland: A methodological trial and its results // Moravian Geographical Reports. 2018. № 26 (2). P. 84–94.
25. Liverman D.M. Geographic perspectives on development goals: Constructive engagements and critical perspectives on the MDGs and the SDGs // Dialogues in Human Geography. 2018. Vol. 8 (2). P. 168–185.
26. Kumar R. S., Murty H.R., Gupta S.K., Dikshit A.K. An overview of sustainability assessment methodologies // Ecological Indicators. 2012. Vol. 9, Is. 2. P. 189–212.
27. Wong C., Baker M., Kidd S. Monitoring spatial strategies: the case of local development documents in England // Environment and Planning C: Government and Policy. 2006. Vol. 24. P. 533–552.

Об авторе

Кулаковский Евгений Сергеевич – аспирант кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.

Для цитирования:

Кулаковский Е.С. Индикаторы устойчивого социально-экономического развития в принятии управленческих решений на уровне муниципальных районов (на примере Воронежской области) // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 25–35.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-3

Indicators of sustainable socio-economic development in local authorities' decision-making at the municipal level (case of Voronezh oblast)

E. S. Kulakovskiy

Saint-Petersburg University, St. Petersburg, Russia

e-mail: evgeny.kyl@yandex.ru

The article analyzes the issues of improving the system of management decisions in key areas of regional policy at the level of municipal districts. On the example of the Voronezh region, management problems are identified in the economy, the social sphere, environmental management, and the activities of local governments. Social and economic restrictions in the management of the development of municipal areas are revealed: imperfection of the financial and budgetary sphere, contradictory legal documents, demographic tension expressed by depopulation, long migration outflow, reduced quality of life, etc. In order to improve the management of the development of the territory, it is proposed to use indicators of sustainable economic, social and environmental development of municipalities, allowing establishing and evaluating trends in the functioning of local government entities. The advantage of using indicators of sustainable development is an individual approach to identifying competitive advantages and disadvantages of municipal districts. Based on this, the author carried out a typology of municipal districts of the Voronezh region, which reflected the central-peripheral model and significant destructiveness in the socio-economic sphere. It is these circumstances that must be considered when developing regional policy at the municipal level.

Keywords: territory, region, economy, services, ecology, management decisions, local government.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

УДК 332.1

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ РОССИИ

© 2019 г. Б. С. Жихаревич^{1*}, Н. А. Лебедева^{2**}

¹ *Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»*

² *Ассоциация специалистов по экономическому развитию территорий (АССЭТ),*

Санкт-Петербург, Россия

**e-mail: zhikh@leontief.ru*

***e-mail: mail@asset-rus.com*

Рассмотрены результаты исследования, проведенного в 2019 г. в Леонтьевском центре, направленного на изучение состояния стратегического планирования на уровне сельских поселений России. Составлена база данных из 437 стратегий социально-экономического развития сельских поселений, зарегистрированных в Государственной автоматизированной системе «Управление» на 06.08.2019. Показан процесс распространения практики стратегического планирования на уровне сельских поселений в период 2007–2019 гг., проанализировано распределение всех сельских поселений, имеющих стратегии, по 17 регионам. Выявлено, что подавляющее большинство стратегий сельских поселений (84,2%) разработаны в трех областях – Липецкой, Иркутской и Воронежской. Обнаружено, что в массовом порядке сельские поселения занимаются разработкой стратегий только тогда, когда на них оказывается давление с уровня субъекта Федерации и муниципального района. Изучение текстов нескольких десятков сельских стратегий показало, что в результате таких кампаний большинство стратегий оказываются однотипными, шаблонными, слабо учитывающими специфику поселения. Полезность от таких разработок сомнительна. У сел, где есть реальные успехи в развитии, нет официальных стратегий. А села имеющие стратегии, в массе почти не отличаются в смысле успешности от не имеющих. Тем не менее, разработка стратегий может быть полезна, если она ведется творчески, с реальным участием местного сообщества.

Ключевые слова: сельские поселения, стратегическое планирование, стратегия, оценка, социально-экономическое развитие.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-4

Введение и постановка проблемы, обзор литературы. Территориальное стратегическое планирование в России существует с 1997 г. Первые стратегии были разработаны в крупнейших городах, но и малые города подключились быстро – в рамках программы «Малые города России», реализованной в 1999–2003 гг. стратегии разработали 112 малых муниципальных образований из 38 субъектов Российской Федерации [1].

В 2014 г. в России был принят Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом плани-

ровании в Российской Федерации» (далее 172-ФЗ), который сделал обязательным разработку и реализацию документов стратегического планирования на федеральном и региональном уровнях, а также определил возможность заниматься стратегическим планированием относительно крупным муниципальным образованиям – городским округам и муниципальным районам при соответствующем решении органов местного самоуправления (МСУ).

Про уровень городских и сельских поселений в исходной редакции 172-ФЗ прямо не

было сказано. Под давлением «муниципального лобби» 30 октября 2017 г. приняты поправки в федеральный закон, которые уравнивали все типы муниципальных образований в праве на разработку собственных стратегий¹.

Вопрос о необходимости наличия стратегии для сельского поселения остается открытым. Сторонники вертикали планирования убеждены, что стратегии нужны каждому муниципальному образованию. На практике формальные стратегии в России имеют не более 700 сельских поселений (около 4% от их общего числа²). Убедительных доказательств эффекта от разработки этих стратегий нет.

В научных публикациях стратегическое планирование на уровне сельских поселений изучено очень слабо. Есть несколько публикаций, рассматривающих случаи разработки стратегии сельского поселения научными работниками [2, 9, 15], есть несколько методических работ, ориентированных именно на сельские поселения [3, 10, 22], есть статьи, посвященные разработке стратегий устойчивого развития сельских территорий как особых частей того или иного региона (но не отдельных поселений) [4, 8, 14, 17, 21]. При этом, конечно, есть глубокие исследования по изучению сельской местности [12, 13], но вне связи со стратегическим планированием.

Стратегическое планирование на уровне поселений (городских и сельских) было предметом исследования, проведенного Леонтьевским центром в 2016 г. По его результатам опубликованы брошюра [16] и статья [6].

О том, что происходит в России со стратегиями сельских поселений в научных публикациях информации не найдено, что и предопределило тематику нашей статьи, восполняющей данный пробел.

Материалы и методика исследования. В 2019 г. в Леонтьевском центре проведено исследование, направленное на изучение состояния стратегического планирования на уровне сельских поселений как с точки зрения количественных характеристик и описания истории появления сельских стратегий, так и с точки зрения качества имеющихся стратегий.

Под стратегией сельского поселения (сельской стратегией) будем понимать документ стратегического планирования, со-

державший в названии слова «стратегия социально-экономического развития», утвержденный органом власти муниципального образования статуса «сельское поселение», имеющий горизонт планирования, как правило, не менее 5 лет. Будем далее называть сельское поселение, имеющее такой документ «селом-стратегом».

Первым шагом исследования было формирование базы данных. Основным источником информации выбрана государственная автоматизированная информационная система «Управление» (далее – ГАС «Управление»)³, в которой, согласно требованиям 172-ФЗ, регистрируются все официальные документы стратегического планирования.

Из ГАС «Управление» были выгружены сведения о всех стратегических документах сельских поселений. Полученная база была вручную верифицирована, удалены документы, не являющиеся стратегиями и добавлены данные необходимые для проверки исследовательских гипотез: численность населения на 2010 и 2018 гг. и расстояния до районного и областного центров.

По состоянию на 6 августа 2019 г. в ГАС «Управление» зарегистрировано 437 стратегий сельских поселений. Система не гарантирует полноты информации, поскольку заполняется в меру добросовестности специалистов органов власти муниципальных образований. Например, на сайте Чистопольского района Татарстана размещены стратегии всех 23 сельских поселений, разработанные в 2017 г. Но их правовой статус не ясен, возможно поэтому их нет в ГАС «Управление». Мы исходим из предположения, что большинство органов власти, придающих значение стратегическому планированию, зарегистрировало свои документы. Соответственно, выборка из 437 документов, относительно которой ведется все дальнейшее исследование, является близкой к генеральной совокупности и, как минимум, представительной.

Доля сел-стратегов среди всех сельских поселений России ничтожно мала. Тем интереснее понять, что побудило данные сельские поселения к разработке стратегий. Анализ базы выявил две группы стратегий сельских поселений. Первая – стратегии,

¹ Федеральный закон от 30 октября 2017 г. № 299-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² По данным Росстата на 01.01.2019 в России 17461 сельское поселение. На 01.01.2012 их было 18831.

³ Сайт государственной автоматизированной информационной системы «Управление». URL: <http://gasu.gov.ru/>

разработанные в рамках кампаний, организованных с уровня субъекта Федерации в трех областях – Липецкой, Иркутской и Воронежской. И группа стратегий, разработанных, предположительно, вне массовых региональных кампаний, по инициативе властей района или самого поселения.

Выявление различий между этими группами на основе детального изучения региональных кампаний по разработке сельских стратегий и изучения самих стратегий стало содержанием следующих этапов работы. Для описания содержания стратегий использовалась схема, разработанная на основе упрощения классификатора, предложенного в [18]. При анализе содержания стратегии характеризовались и оценивались следующие характеристики: логичность структуры стратегии; качество анализа социально-экономической ситуации; качество сценариев социально-экономического развития; миссия, цели, задачи и приоритеты развития; степень открытости процесса стратегического планирования на стадии разработки стратегии; условия реализации (инструменты и ресурсы), флагманские проекты. Одним из важнейших критериев качества было наличие оригинальных нестандартных решений и формулировок, указывающее на самостоятельность сообщества в разработке.

На завершающем этапе проведено сравнение стратегий разных групп, выявлены характерные примеры, сделаны обобщения и рекомендации.

В данной статье приводятся некоторые результаты этого исследования.

Результаты и их обсуждение.

Сельские стратегии разрабатываются в рамках региональных кампаний. Первое, что бросается в глаза при изучении распределения сел-стратегов по регионам, это то, что подавляющее большинство (84,2%) сосредоточено в трех субъектах Федерации – в Липецкой (42,6%), Иркутской (29,5%) и Воронежской (12,1%) областях (табл. 1). В первой части таблицы выделены регионы, в которых оказалось 10 и более сел-стратегов. Таких регионов всего семь, причем Курская область попала в это число только за счет регистрации всех 11 документов летом 2019 г. (при том, что зарегистрированные документы приняты еще в 2017–2018 гг.). Еще в десяти субъектах Федерации от одного до семи сел-стратегов.

Естественно предположить, что в Липецкой, Иркутской и Воронежской областях разработка стратегий сельскими поселениями была организована региональными органами власти. И эти кампании были количественно вполне успешными: в Липецкой области охват сельских поселений стратегиями составил 65%, в Иркутской – 35%, и в Воронежской – 13%. В других субъектах доля сел-стратегов не более 5%.

Если обратить внимание на период принятия стратегий (табл. 2), то нетрудно увидеть, что в Липецкой и Воронежской областях села начали стратегировать еще до принятия 172-ФЗ в 2014 г., а Иркутская область проводит кампанию в 2018–2019 гг.

Собственно, эти три субъекта определяют общероссийскую динамику. В период до 2014 г. было принято 38% стратегий и главным образом за счет Липецкой области. Четыре года (2014–2017) были периодом затишья – 20% стратегий, причем в этот период была активна Воронежская область и другие субъекты Федерации. А за неполных два года – 2018–2019 гг. (по 06.08.2019) – принято 42% стратегий, в основном за счет нового игрока – Иркутской области и вновь активизировавшейся Липецкой области.

Более детальный взгляд на распределение стратегий сельских поселений по году начала действия (табл. 3) позволяет увидеть уникальность Липецкой области – здесь ни года не проходило без принятия хотя бы одной сельской стратегии. Первые стратегии появились здесь еще в 2007 г., а самым урожайным был 2010 г. (78 стратегий). После некоторого затишья в 2013–2017 гг., начался новый период активности – в 2018–2019 гг. начали действовать 34 стратегии. Но в этот период самой активной была уже Иркутская область – все 129 сельских стратегий начали действовать именно в эти годы, а до этого не было ни одной сельской стратегии. В Воронежской области пик активности был в 2014–2015 гг., а после 2016 г. сельское стратегирование остановилось (продолжалась только регистрация старых стратегий в ГАС «Управление»).

Сельские стратеги мало отличаются от нестратегов. Для проверки гипотез о связи наличия стратегии с размером поселения, его местоположением относительно райцентра и успешностью (в смысле

Таблица 1. Распределение сел-стратегов по регионам

Субъект Федерации	Количество сел-стратегов
Липецкая область	186
Иркутская область	129
Воронежская область	53
Ростовская область	14
Тамбовская область	11
Курская область	11
Краснодарский край	10
Другие субъекты Федерации, в том числе	34
Омская область	7
Владимирская область	4
Республика Хакасия	4
Кировская область	2
Волгоградская область	1
Ивановская область	1
Ленинградская область	1
Новосибирская область	1
Самарская область	1
ЯНАО	1
Итого	437

Таблица 2. Распределение стратегий сельских поселений по периоду принятия

Территория	Период принятия стратегии			Всего
	до 2014 г.	2014–2017 гг.	2018–2019 гг.	
Россия	168	86	183	437
в том числе:				
Липецкая область	145	7	34	186
Иркутская область			129	129
Воронежская область	10	43		53
Другие 14 субъектов Федерации	13	36	20	69

Таблица 3. Распределение стратегий сельских поселений по году начала действия

Территория	Год начала действия												
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	8	13	26	83	9	26	3	23	32	19	8	77	93
в том числе:													
Липецкая область	8	6	26	78	3	22	2	3	1	1	2	23	11
Иркутская область												49	80
Воронежская область				4	5	1		11	26	6			
Другие 14 субъектов Федерации		7		1	1	3	1	10	5	12	14	8	7

потери или прироста населения) мы сделали несколько группировок.

Очевидно, что в Липецкой, Иркутской и Воронежской областях были кампании по принятию стратегий всеми сельскими поселениями, в них искать дифференциацию

между поселениями со стратегиями и поселениями без стратегий смысла нет. Более интересны уникальные случаи – почему и где появляются сельские стратегии без начатой сверху кампании. Соответственно выделена группа сел-стратегов Липецкой, Иркутской

Таблица 4. Распределение сел-стратегов по численности населения и ее динамике

Группа по численности населения в 2018 г., чел.	Динамика численности населения за период 2010–2018 гг., убыль (-), прирост (+), %						Всего	Доля в группе сел-стратегов	Доля размерной группы в России
	- 15 и более	-14,9--10	-10 – 0	0	До +10	+ 10 и более			
До 150	3						3	0,7	16,6
150–500	29	8	24		2		63	14,4	
501–1000	31	46	48	1	13	5	144	33,0	29,2
1001–3000	16	27	81		23	14	161	36,8	39,2
3001–10000		4	29		21	10	64	14,6	13,2
Более 10000			2				2	0,5	1,7
Всего	79	85	184	1	59	29	437		

и Воронежской областей – будем называть села-стратеги из этой группы «системными», и группа сел-стратегов вне этих областей – назовем их «внесистемными».

Вариация численности российских сел-стратегов практически совпадает с вариацией численности всех сельских поселений. Самый маленький стратег – село Ключинское Иркутской области, в нем живут 94 чел. А самый крупный – сельское поселение Кушевское Краснодарского края (30 734 чел.).

Распределение сел-стратегов по группам численности близко к распределению всех сельских поселений России (табл. 4).

Среди внесистемных сел-стратегов самое маленькое – Новоивановский сельсовет Курской области (413 чел.), а самое большое – то же Кушевское. В этой группе доля более крупных поселений (свыше 1 000 чел.) заметно больше – 77% (табл. 5), чем среди всей совокупности сел-стратегов – 52% и среди системных сел-стратегов (47%). То есть склонность к стратегированию возрастает с ростом размера сельского поселения.

Прирост населения наблюдался у 20% сел-стратегов и у 33% внесистемных сел-стратегов.

Среди российских сел-стратегов большая часть находится вблизи райцентров или других центров расселения (59% – на расстоянии до 25 км), но есть стратеги и на периферии – 62 села (14%) удалены на 50 и более км (табл. 6). Среди внесистемных сел-стратегов доля ближних выше – 74%; и среди них выше доля поселений, не терявших население (табл. 7).

На основе сравнения групп сел-стратегов и внесистемных сел-стратегов можно предположить, что самостоятельная инициатива

к стратегированию чаще проявляется у более крупных и ближе расположенных к центрам сельских поселений, и чаще связана с ростом населения. Является ли при этом рост населения следствием наличия стратегии или других факторов (той же близости к центрам) однозначно утверждать нельзя.

Липецкая область – пионер сельского стратегирования. Первые стратегии сельских поселений Липецкой области появились в 2007 г., что, очевидно, связано с разработкой Стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 г., которая началась в 2005 г. Руководство Липецкой области, в первую очередь губернатор О.П. Королев, занимавший пост около 20 лет (1998–2018 гг.), продвигало идею вертикальной интегрированности стратегического планирования вплоть до поселений. Направляло процесс управление экономики администрации Липецкой области, которое выпустило методические рекомендации, за каждым сельсоветом был закреплен куратор, с главами поселений была организована индивидуальная работа по формированию стратегий, проводились конкурсы стратегий муниципальных районов и поселений.

Массовость имела обычные последствия – сельские стратегии получились однотипные, а иногда просто одинаковые, отличающиеся только названием поселения.

Мы изучили стратегии сельских поселений Добровского района, поскольку и сам район, и сельские поселения района отмечались в качестве примеров лучшей практики в области. В 2007–2009 гг. были утверждены стратегии всех 17-ти сельских поселений района. Из них 13 разработаны

Таблица 5. Распределение внесистемных сел-стратегов по численности населения и ее динамике

Группа по численности населения в 2018 г., чел.	Динамика численности населения за период 2010–2018 гг., убыль (-), прирост (+), %						Всего
	-15 и более	-14,9 – -10	-10 – 0	0	До +10	+10 и более	
До 1000	3	1	8		4		16
1001–3000	1	9	8		4	4	26
3001–15000		2	12		7	4	25
Более 15000			2				2
Всего	4	12	30		15	8	69

Таблица 6. Распределение сел-стратегов по расположению относительно крупных центров и динамике численности населения

Группа по расстоянию от районного центра, км	Динамика численности населения за период 2010–2018 гг., убыль (-), прирост (+), %						Всего
	-15 и более	-14,9 – -10	-10 – 0	0	До +10	+10 и более	
До 10	4	12	46		20	7	89
11–25	31	26	73	1	24	13	168
26–50	25	32	43		10	8	118
51–100	7	9	18		2	1	37
Более 100	12	5	5		3		25
Всего	79	84	185	1	59	29	437

Таблица 7. Распределение внесистемных сел-стратегов по расположению относительно крупных центров и динамике численности населения

Группа по расстоянию от районного центра, км	Динамика численности населения за период 2010–2018 гг., убыль (-), прирост (+), %						Всего
	-15 и более	-14,9 – -10	-10 – 0	0	До +10	+10 и более	
До 10		2	7		4	5	18
11–25	3	3	17		8	2	33
26–50		5	6		2	1	14
51–100	1	1			1		3
Более 100		1					1
Всего	4	12	30		15	8	69

ООО «Центр региональных правовых технологий». Все стратегии, выполненные этой организацией сделаны по единому шаблону и трудноотличимы. В стратегиях одинаковое оглавление, практически идентичные миссии и цели развития поселений. Конкретных мероприятий, сроков и ответственных за их реализацию нет. Во всех стратегиях нет терминологической четкости. Все документы озаглавлены как стратегии, но в тексте часто употребляется словосочетание «стратегический план». Источник этой ошибки – использование без должной адаптации методических наработок Леонтьевско-го центра периода 2002–2003 гг. [18, 19, 20].

Преображенский сельсовет Добровского района – ветеран сельского стратегического планирования России. Его первая стратегия принята 30.10.2007. В декабре 2012 г. утверждена новая редакция стратегии. Она подготовлена на более высоком уровне, и существенно отличается от стратегий других сельских поселений Добровского муниципального района. У стратегии есть индивидуальность – обозначена задача «Создание «серебряной экономики» – вовлечение людей старшего возраста в экономическую деятельность через занятия посильным трудом. Обозначены и вполне конкретные проекты: организация природного парка «Липецкий»,

создание «Леса чудес», «озера лотосов», мини-санатория на базе спортивного комплекса. Однако о реализации стратегии и ее дальнейшей судьбе известно немного: на сайте поселения и на сайте муниципального района стратегия не размещена и упоминания о ней нет. Поэтому невозможно оценить результативность стратегии и интерес к ней у новых властей сельского поселения.

Эта судьба характерна для всех стратегий – никаких упоминаний в доступных источниках после завершения разработки. Ни на сайтах поселений, ни на сайте муниципального района. Что вызывает серьезные сомнения в том, что стратегии сыграли хоть какую-то роль в реальном развитии.

Новый виток кампании по разработке сельских стратегий в Липецкой области начался в 2018–2019 гг. в связи с разработкой новой областной стратегии. Стратегии этого периода мало изменились. Из стратегий прошлого десятилетия без изменений переписаны миссия и стратегические цели. Все поселения стараются стать привлекательными для населения, «включая как проживающего в настоящее время, так и новых переселенцев». Эти слова (с ошибкой согласования) использованы более, чем в ста стратегиях поселений Липецкой области.

Количественный охват стратегиями не способствует высокому качеству – юридически стратегия у сельского поселения есть, но чаще всего это только иллюстрация формализма и кампанейщины.

Воронежская область – стратегий меньше, но не лучше. Воронежская область – второй после Липецкой области регион по времени начала появления сельских стратегий. Первые 4 стратегии появились в 2010 г. Пик активности был в 2014–2015 гг., а после 2016 г. сельское стратегирование в Воронежской области остановилось (продолжалась только регистрация старых стратегий в ГАС «Управление»). По массовости Воронежская область стоит на третьем месте с гораздо меньшим процентом охвата сельских поселений стратегиями – 13% от общего числа сельских поселений.

Региональные власти (Департамент экономического развития и Департамент по развитию муниципальных образований) старались направлять муниципальное стратегирование. Ими выпущены методические рекомендации как для муниципальных районов

и городских округов, так и для поселений. Ошибки и неточности, заложенные в методических рекомендациях, затем повторяются во всех стратегиях поселений. Стратегии получаются одинаковыми – с одинаковыми миссиями, целями и задачами, переписанными из рекомендаций.

Например, стратегия Дьяченковского сельского поселения практически полностью совпадает по тексту со стратегией Залиманского сельского поселения, различаются только цифры в одинаковых таблицах. Повторы в стратегиях дословные, дословно совпадают и цели обеих стратегий: повышение качества жизни населения на основе устойчивого сбалансированного развития экономики и отраслей социальной сферы, развития местного самоуправления. В целом опыт разработки сельских стратегий в Воронежской области в 2010 г. был не очень удачный. Поселениям не была оказана должная методическая поддержка, стратегии оказались шаблонными, содержащими бессмысленно воспроизводимые общие слова.

Со стратегиями периода 2015–2016 гг. ситуация не лучше. Так, в стратегии Вихляевского сельского поселения раздел 10 «Основные этапы реализации Стратегического плана» (наверное, все же имеется в виду стратегия) явно скопирован из другого документа, поскольку реализация стратегии, рассчитанной на шесть лет, «условно разбивается на два пятилетних этапа: I этап «Масштабное инвестирование» (2011–2015 гг.). II этап «Ускоренное развитие человеческого капитала, повышение качества жизни» (2015–2020 гг.)». Ни составители стратегии, ни глава Вихляевского сельского поселения, ни районные власти не обратили внимания, что этот стратегический документ утвержден решением 25.08.2015 г., а, следовательно, первый этап никак не может быть запланирован на пять лет назад.

Любопытный образец – Стратегия социально-экономического развития Коленовского сельского поселения Новохоперского муниципального района Воронежской области до 2020 г. (утверждена в 16.12.2015). Это документ в жанре и форме НИР. Из подстрочных примечаний можно сделать вывод, что разработкой документа занимались сотрудники кафедры государственного и муниципального управления Воронежского филиала РАНХиГС.

Стратегия производит впечатление текста, составленного из отчетов о НИР одного или нескольких исполнителей, но по разным темам. Оглавления стратегии нет. Объем – 100 с., но к собственно целям и задачам авторы добиваются только на 79 с. Миссия и цели применимы к любому поселению. Поражает банальностью и вывод относительно приоритетных направлений развития экономики, к которым отнесены: формирование условий для развития предприятий, перерабатывающих продукцию сельского хозяйства; формирование условий для развития предприятий сельского хозяйства; формирование условий для создания и развития предприятий малого и среднего бизнеса.

На сайте поселения опубликованы отчеты главы Коленовского сельского поселения за 2013–2018 гг. Ни одного упоминания стратегии в них нет, ни в год ее разработки, ни позже о ее результатах. Хотя глава администрации поселения с момента разработки Стратегии не менялся. Похоже о стратегии забыли сразу после принятия.

Иркутская область – лидер сельского стратегирования 2018–2019 гг. Иркутская область – третий регион по времени массового появления сельских стратегий и второй по численности сельских стратегий. Здесь 124 сельских стратегии, все они появились совсем недавно: 50 – в 2018 г. и 74 – в первой половине 2019 г.

Хотя все стратегии разработаны по одному макету, есть отличия в сроках действия. Большая часть рассчитана до 2030 г. (то есть на 12–13 лет), две – до 2023 г., одна – до 2024 г., одна – до 2025 г., три – до 2032 г. одна – до 2035 г.

Минэкономразвития Иркутской области в 2017 г. (после внесения изменений в 172-ФЗ) направило всем поселениям Иркутской области письмо, где им предлагалось разработать и утвердить до 1 января 2019 г. стратегии социально-экономического развития до 2030 г. и планы их реализации. Для взаимосвязки стратегий муниципальных районов и поселений руководители районов должны организовать работу по методическому сопровождению, разработке и утверждению документов стратегического планирования на уровне поселений.

К письму прилагались макеты документов. Для сельских поселений рекомендо-

ван объем в 30 с. и структура из 8 разделов. Представляется что макет – вполне рабочий, за исключением детальности требований к показателям.

Большинство поселений стремилось соблюдать макет. Это обеспечило схожесть, но не содержательность. Многие стратегии и здесь оказались наполнены общими словами и ошибками.

Например, Стратегия Ушаковского муниципального образования (кстати – одна из лучших) 29.11.2018 г. зарегистрирована в системе ГАС «Управление». Во введении среди документов, которые послужили основой для разработки Стратегии поселения, упомянута Стратегия социально-экономического развития Иркутской области до 2035 г. Но, как мы знаем, даже сейчас в 2019 г. у Иркутской области нет утвержденной стратегии – уже более двух лет обсуждается и дорабатывается проект Стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 г., а не до 2035 г.

Ушаковское сельское поселение – это пригородная зона Иркутска, что предопределяет хорошие перспективы развития. В соответствии с макетом стратегия Ушаковского сельского поселения завершается двумя приложениями. Как написано в Стратегии, «перечень реализуемых и рекомендуемых к реализации муниципальных программ представлен в Приложении 2». Однако в этом Приложении перечислены только четыре муниципальных программы, которые уже реализуются в поселении с 2018 г., рекомендуемых программ нет. Нет и ответственных за реализацию программ. Целевые показатели реализации Стратегии представлены в отличие от требований макета не для каждого года, а только на конечный год – 2035 г. Показатели выглядят малоинформативными – это или увеличение, например, налоговых поступлений, или доступность чего-либо для 100% населения, или указание количества детей в возрасте до 18 лет в 2035 г. с точностью до единицы (4 799 чел.).

Можно сказать, что поселение в значительной мере выполнило требования, заложенные в макете, провело работу по сбору информации, однако идеология стратегии проявлена слабо.

Внесистемные стратегии – лучшие, но не все. Внесистемных сельских стратегий в базе оказалось 34 – это стратегии из регио-

нов, где было одновременно не больше семи стратегий. Можно было предположить, что эти стратегии окажутся более оригинальными и самостоятельными, поскольку создавались не по команде сверху, а в силу каких-то внутренних причин. Мы проанализировали 9 из них, и в целом качество большей части выше среднего, то есть гипотеза подтвердилась.

Но есть и пример явно упрощенного подхода к разработке: в стратегии Новогорнянского поселения Ивановской области текст на две трети дословно совпадает с текстом стратегии Макаровского поселения Иркутской области (правда цифры и названия объектов заменены, но в оглавлении осталось упоминание Макаровского поселения).

Можно, конечно, углядеть в многочисленных заимствованиях и проявлении здравого смысла – практичные сельские не обращают внимание на малопонятные «научные» слова, часто действительно истертые до неразличимости и превратившиеся в шаблонные лозунги, а берут в расчет только факты и цифры.

Выводы. По итогам исследования можно зафиксировать несколько бесспорных наблюдений и сформулировать ряд мнений.

Стратегическое планирование на уровне сельских поселений заметно представлено только в трех областях – Липецкой, Воронежской и Иркутской. В массовом порядке сельские поселения занимаются разработкой стратегий только тогда, когда на них оказывается давление с уровня субъекта Федерации и муниципального района – спускаются методические рекомендации, указания, направляются макеты стратегических документов. В результате большинство стратегий оказываются однотипными, шаблонными, слабо учитывающими специфику поселения. Нередки прямые некритичные заимствования целых разделов из методик и устаревших образцов, из стратегий других поселений или стратегий муниципальных районов и субъектов Федерации. Тексты избилуют опечатками. Одинаковые ошибки кочуют из документа в документ десятилетиями. Нелепо выглядит буквальное повторение высокопарных формулировок из документов федерального уровня вроде «комплексного развития системы здравоохранения», состоящей в поселении из одного фельдшера. Создается впечатление, что большинство стратегий выполнены

«для галочки», после их принятия они не упоминаются ни на сайтах, ни в выступлениях руководства поселений.

Можно понять активность региональных чиновников, возможно вполне искренне уверенных в нужности стратегирования на всех уровнях. Но ресурсов для организации реально полезного стратегирования, как правило, недостаточно, специалистов в самих поселениях, естественно, нет. Навязывание плохо продуманных шаблонов, не адаптированных к уровню сельских поселений, дает ожидаемый результат – создаются стратегии-отписки, далекие от реальности. Все стратегии безосновательно оптимистичны, одинаково нацеливают на рост численности жителей и масштабов бизнеса.

Относительно сельских стратегий верны наблюдения, сделанные в [11] применительно к сравнению стратегий небольших городских поселений России и США. В российских используется «научный» лексикон социально-экономических исследований, повторяются задаваемые с федерального уровня мантры. Общий контекст современной России подталкивает поселения к встраиванию в вертикаль и написанию шаблонных стратегий, понятных верхнему уровню управления по терминологии и показателям и потому имеющих большие шансы на софинансирование. Американские стратегии написаны проще – на языке бизнеса и менеджмента. Они прагматичны, в них меньше общих слов, и всегда указаны конкретные проекты, на которые делает ставку местное сообщество. При этом они базируются на выработанных внутри сообщества идеях, отражаемых в видении будущего и миссии поселения.

Попытки найти статистические доказательства полезности сельских стратегий неоднозначны. Исходя из представлений о потенциальных полезных эффектах от разработки стратегий [5], они проявляются тогда, когда разработка является осознанной, коммуникационной, включает реальные совместные размышления сообщества о будущем. «Из-под палки» полезную стратегию создать нельзя. Соответственно, можно было ожидать, что внесистемные стратегии, появившиеся в тех регионах, где не было давления «сверху», окажутся более оригинальными и полезными. Отчасти это подтверждается тем фактом, что

среди внесистемных стратегов больше поселений, в которых наблюдался прирост населения, 33% против 20% среди всей совокупности сел-стратегов. Хотя это может быть связано с тем, что среди внесистемных стратегов выше доля крупных и ближе расположенных к центрам расселения, что является естественными предпосылками развития. Изучение текстов показывает чуть более высокое качество внесистемных стратегий.

В ходе исследования мы проверили также гипотезу, что у сельских поселений, известных своими успехами в развитии, есть стратегии. Гипотеза не подтвердилась – сельские поселения, отмечавшиеся на соответствующих конкурсах, на сайтах лучших практик как успешные, формальных стратегий не имели. При этом успехи связывались с наличием определенных идей и планов (неформальных стратегий), активных лидеров, но не с официальными стратегиями.

То есть у сел, где есть реальные успехи, нет официальных стратегий. А села, имеющие стратегии, в массе почти не отличаются в смысле успешности от не имеющих.

Отношение к кампаниям по насаждению сельских стратегий неоднозначно. Оптимисты могут сказать, что даже формальная подготовка стратегии силами специалистов поселения полезна, поскольку заставляет задуматься о перспективах села, попытаться вовлечь в размышления о них местное сообщество. Пессимисты скажут, что в ходе таких кампаний специалисты скорее учатся не критичному списыванию и шаблонному мышлению, а создаваемые документы никому не нужны.

На наш взгляд, из трех регионов, где проводились кампании, хуже всего получилось у Воронежской области, а чуть лучше – у Иркутской. Представляется, что если уж начинать кампанию, то следует очень тщательно отработать макет и рекомендации, организовать обучение. Понятно, что в массе исполнители будут стремиться к минимизации усилий и будут искать, откуда списать. Поэтому источник для списывания должен быть устроен так, чтобы учить делать, а не списывать. Хороший пример – [22].

Чем проще, короче и конкретнее стратегия сельского поселения, тем лучше. Нелепо повторять структуру и показатели из стратегий субъекта Федерации или муниципально-

ципального района. Нужны, прежде всего, несколько флагманских проектов – пусть небольших, но конкретных и понятным образом влияющих на приближение желаемого будущего, образ которого сформирован жителями. Трудности обычно вызывают поиски оригинальных формулировок миссии и главной цели, по этому поводу необходимы четкие пояснения. Возможно, имеет смысл освободить поселения от поисков оригинально словесной формулировки главной цели, рекомендовав сосредоточить усилия на ее конкретизации в количественных параметрах и формулировании образа желаемого будущего или миссии.

Среди рассмотренных сельских стратегий можно выделить несколько, относительно неплохих – кратких, содержательных, специфичных: Усть-Бюрского сельсовета Усть-Абаканского района Республики Хакасия, Большеколпанского сельского поселения Гатчинского муниципального района Ленинградской области, сельского поселения Преображенковский сельсовет Добровского муниципального района Липецкой области.

В данном исследовании мы не проводили изучение мнений сельских стратегов. Полагаем, что можно экстраполировать на эту группу выводы, полученные при анкетировании и интервьюировании специалистов городских поселений [6]. Представители поселений, которые уже разрабатывали стратегические документы, даже если были недовольны их качеством, нацелены на актуализацию и принятие новых документов, и позитивно высказываются о стратегическом планировании.

Важно при распространении практики стратегического планирования на уровень сельских поселений избегать администрирования и кампанейщины. И всемерно поддерживать инициативу «снизу», поощрять активистов, стремящихся организовать стратегический процесс в своем поселении, снабжать их методиками и консультационной помощью.

Благодарности. Статья подготовлена по материалам исследовательского проекта, профинансированного ЗАО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр». Авторы благодарны Ю.А. Рябковой, участвовавшей в формировании базы данных и первичной обработке информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балобанов А.Е.* Муниципальные стратегии – сделано в России / Балобанов А.Е. и др.; Общ. ред.: А. Е. Балобанов, А. Н. Лукьянов. М.: Аспект Пресс, 2004. 208 с.
2. *Давлетгареев Н.Р., Давлетгареева Т.Б.* Применение инструментария территориального маркетинга при разработке стратегии развития сельской территории (на примере Чилинского сельского поселения) // Вестник науки Сибири. 2015. № 3 (18). С. 93–102.
3. *Егоров Д.Ю.* Методология формирования стратегии социально-экономического развития сельских поселений // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2009. № 6 (56). С. 30–37.
4. *Ефимова Е.В.* Стратегические направления устойчивого развития сельских территорий Республики Мордовия // Фундаментальные исследования. 2016. № 12-1. С. 160–164.
5. *Жихаревич Б.С.* О результативности стратегического планирования // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 1 (19). С. 16–22.
6. *Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К.* Стратегическое планирование на уровне поселений: Факты и мнения, 2016 г. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. С. 47–67.
7. *Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К.* Апробация подходов к изучению содержания муниципальных стратегий // Регион: экономика и социология. 2014. № 2 (82). С. 216–234.
8. *Кабанов В.Н., Михайлова Е.В.* Агломерация сельских поселений как стратегия социально-экономического развития территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 11 (458). С. 2092–2107.
9. *Ланцев Д.М., Ладыгин В.В.* Устойчивое развитие сельских поселений в составе крупных городских агломераций. М.: Фонд «Институт экономики города», 2013. 20 с.
10. *Лебедева И.В., Копылова С.Л.* Методическое пособие «Сельский туризм как средство развития сельских территорий». М.: АНО «АРСИ», 2018. 164 с.
11. *Лебедева Н.А., Русецкая О.В.* Стратегии малых городов США и России: сходства и отличия // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 4 (18). С. 38–47.
12. *Нефедова Т.Г.* Сельская местность на удаленных подступах к Москве // ЭКО. 2019. № 4 (538). С. 50–70.
13. *Нефедова Т.Г.* Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 1–12.
14. *Папело В.Н., Ковтун Б.А., Акберов К.Ч., Терновой А.И.* Стратегирование устойчивого развития сельских территорий: проблемы и направления совершенствования // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-5. С. 1017–1024.
15. *Спирин А.С.* Разработка стратегического развития на примере муниципального образования «Камышовское сельское поселение» Смидовичского муниципального района ЕАО // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 25. С. 78–80.
16. Стратегии малых городов: территория творчества / Под ред. Б.С. Жихаревича. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2017. 68 с.
17. *Тимошенко М.А.* Основные направления стратегии развития «зеленых» сельских поселений // Научное обозрение. 2015. № 15. С. 354–358.
18. Территориальное стратегическое планирование: первые уроки российской практики. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2002. 96 с.
19. Территориальное стратегическое планирование: как разработать стратегический план. Практическое пособие. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2003. 96 с.
20. Территориальное стратегическое планирование при переходе к рыночной экономике: опыт городов России. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2003. 384 с.
21. Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и сельских поселений: сборник статей / под науч. ред. М.Ю. Шерешевой. М.: Экон. ф-т МГУ, 2018. 112 с.
22. *Шулепов Е.Б., Задумкин К.А.* Как написать и реализовать стратегию сельского поселения: методические рекомендации. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 48 с.

Об авторах

Жихаревич Борис Савельевич – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр», главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН, г. Санкт-Петербург.

Лебедева Наталья Александровна – кандидат экономических наук, председатель правления Ассоциации специалистов по экономическому развитию территорий (АССЭТ), г. Санкт-Петербург.

Для цитирования:

Жихаревич Б.С., Лебедева Н.А. Стратегическое планирование в сельских поселениях России // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 36–47.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-4

Strategic planning in rural settlements of Russia

B. S. Zhikharevich, N. A. Lebedeva

¹ *International Centre for Social and Economic Research «Leontief Centre»*

² *CEO of Russian Economic Developers Association (ASSET),*

Saint-Petersburg, Russia

**e-mail: zhikh@leontief.ru*

***e-mail: mail@asset-rus.com*

The results of the study carried out in 2019 in Leontief Center aimed at studying the strategic planning at the level of rural settlements of Russia were considered. The database is made of 437 strategy of social and economic development of the rural settlements registered in the State information system "Upravlenie" on 6.08.2019. Process of distribution of practice of strategic planning at the level of the rural settlement during 2007-2019 is shown, distribution of all rural settlements having strategy on 17 regions is analyzed. It is revealed that the vast majority of strategy of rural settlements (84.2%) are developed in three regions – Lipetsk, Irkutsk and Voronezh. It is revealed that in general rural settlements are engaged in development of strategy only when pressure from the level of the territorial subject of the federation and the municipal district is put upon them. Studying of texts of several tens rural strategy showed that as a result of such campaigns the majority of strategy are same, sample, poorly considering specifics of the settlement. The usefulness from such developments is doubtful. Rural settlements where there is real progress in development, have no official strategy. And sat down the having strategy, in weight almost do not differ in sense of success from not having. Nevertheless, development of strategy can be useful if it is conducted creatively, with real participation of local community.

Keywords: rural settlements, strategic planning, strategy, assessment, socio-economic development.

УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ

УДК: 911:3 (470.311)

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ДЕЛИМИТАЦИИ ГРАНИЦ МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СОТОВЫХ ОПЕРАТОРОВ

© 2019 г. А. Г. Махрова*, Р. А. Бабкин**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Географический факультет, Москва, Россия*

**e-mail: almah@mail.ru*

***e-mail: babkin_ra@mail.ru*

В статье на основе методики определения функциональных городских районов организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) при помощи данных операторов сотовой связи о локализации пользователей сети выделены границы Московской агломерации и проведен анализ ее пространственной структуры с использованием подходов хроногеографической концепции. Проведенный анализ показал невозможность использования методики ОЭСР без ее адаптации под отечественные условия, поскольку согласно ей в зону ядра попадает вся территория «реального города», включая спальные районы Москвы и ее городов-спутников. При этом пригородная зона распространяется на территорию почти всей Московской области, выходя на многих направлениях за ее пределы. Предложенный адаптированный вариант методики делимитации предполагает уменьшение размера ядра до границ Московской кольцевой автодороги при соответствующем уменьшении границ пригородной зоны, что согласуется со сложившимися в отечественной практике подходами и представлениями. При помощи методологии пространственно-временной (хроногеографической) концепции, была разработана модель «пульсирующей агломерации» как способ изучения и анализа динамики социально-экономического функционирования агломераций, учитывающий разновременные социально-экономические ритмы столичной агломерации. В составе агломерации были выделены «статичная» (постоянная в течение всего года) и «подвижная» (сезонная) части пригородной зоны, что позволило включить в анализ «пульсации» не только население структурных элементов агломерации, но и ее границ в зависимости от сезонов года.

Ключевые слова: Московская агломерация, методика делимитации, ядро, пригородная зона, трудовая маятниковая миграция, хроногеография.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-5

Введение и постановка проблемы.

В современном мире развитые городские агломерации – крупнейшие центры концентрации населения и экономики – выделяются мощными потоками трудовых маятниковых мигрантов, которые приводят к масштабным внутриагломерационным колебаниям в размещении населения, отражая сложную пространственную структуру этих форм расселения. В России учет объемов и направлений ежедневных трудовых потоков населения не ведется, что затрудняет делимитацию агломераций и анализ их внутренней структуры.

Особенно актуально подобное исследование для крупнейшей в России Московской агломерации, которая хотя и признается наиболее развитой в стране, однако вопрос о ее границах и структуре по-прежнему остается открытым и разными исследователями трактуется по-разному. В большинстве работ границы Московской агломерации выделены по изохронам транспортной доступности, некоторыми авторами они определяются на основе характеристик транспортного сообщения, трудовых маятниковых миграций и результатов полевых исследований [3, 7]. В отдель-

ных случаях, при использовании статистики в разрезе регионов, Московская агломерация упрощенно рассматривается в границах Москвы и Московской области [19], а в некоторых работах вообще нет сведений о применяемой методике проведения границ [1, 4].

В данном исследовании для делимитации границ Московской агломерации, ее ядра и пригородной зоны, а также оценки численности населения и ее пульсации был использован относительно новый источник информации – данные о передвижениях абонентов сотовых компаний, которые позволяют оценивать перемещения населения между домом и работой, или трудовые маятниковые миграции. В большинстве ранее выполненных работ с применением этих данных Московская агломерация условно рассматривается в границах Москвы и Московской области, а основное внимание уделено изучению трудовой маятниковой миграции, сезонной пульсации населения, выделению границ летнего и зимнего расселения [5, 6], или лишь одно исследование, проведенное в рамках Московского урбанистического форума в 2017 г., посвящено делимитации ее границ по методике организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [21].

Однако неоднозначность полученных результатов, когда Московская агломерация далеко выходит за границы Московской области почти по всем направлениям, а ее ядро охватывает практически все подмосковные муниципальные образования – соседи столицы первого, а во многих случаях и второго порядка, делает актуальным анализ применимости данной методики делимитации к Московской агломерации. При этом новизна проведенного в данной работе исследования заключается не только в выделении ее границ с использованием относительно нового источника информации, но и в рассмотрении Московской агломерации как системы с пульсирующим населением и границами.

Материалы и методы исследования. Как уже отмечалось, в данной работе для делимитации границ Московской агломерации были использованы обезличенные данные операторов сотовой связи («Билайн», «МТС», «Мегафон») о локализации абонентов по состоянию на октябрь (зима) и июль (лето) 2017 г., предоставленные Департаментом информационных технологий города Мо-

сковы в разрезе единиц муниципального деления. Использование этих сведений позволяет с достаточно высокой точностью и временной дробностью выделять границы Московской агломерации и анализировать флуктуации населения.

Использование этих данных в пространственно-временном разрезе производится в контексте актуальной и вобравшей в себя множество теоретических подходов хроногеографической концепции, становление и развитие которой тесно связано с именем шведского географа Т. Хагерстранда и его учеников [16, 17, 18, 19]¹. Ее особенность состоит в том, что территория, на которую проецируются траектории движения индивидов, рассматривается через пространственно-временную призму.

Использование методологического арсенала пространственно-временных концепций и технических возможностей, позволяющих улавливать изменения численности населения на территории агломерации в течение сезонов года, недели и суток, дает представление о Московской агломерации как о структуре с непостоянными и «движущимися» во времени и пространстве границами. Однако, для разработки соответствующей модели агломерации необходимо ответить на несколько концептуальных вопросов. Во-первых, что мы понимаем под агломерацией. Во-вторых, как в пределах агломерации делимитировать ядро и пригородную зону. В-третьих, с каких позиций подходить к анализу агломерационного рынка труда и маятниковым миграциям населения.

Полученные результаты и их обсуждение. Существующие подходы к выделению и структуризации агломераций. Выделение и структуризация агломерационных образований – непростая методическая и практическая задача, поскольку агломерации представляют собой не жестко установленные структуры в отличие, например, от сетки административно-территориальных единиц, а «живые» и постоянно изменяющиеся системы. Так, по мнению большинства современных экономико-географов и градостроителей, городские агломерации представляют собой не просто систему расселения, а формирующиеся под воздействием самоорганизации людей естественные социально-территориальные объекты [11, 14].

¹ Подробный анализ эволюции работ в области хроногеографии дан в работе А.В. Стариковой и А.И. Трейвиша [15].

Все основные существующие подходы к выделению агломерации можно свести к трем базовым, в зависимости от того, что лежит в их основе. Первый подход во главу угла ставит транспортно-временную доступность ядра (выделение по изохронам транспортной доступности). При этом за границу крупнейших агломерации обычно берется полутора- или двухчасовая изохрона [10, 13]. Второй подход, распространенный в западной практике, сводится к выделению непосредственно контактирующих между собой густонаселенных территорий без существенных разрывов в застройке [2]. Наконец, третий подход исходит из делимитации границ агломерации через оценку массовости маятниковых учебно-трудовых миграций, выделяя наиболее активно «участвующую» в этом процессе часть территории в качестве агломерации (по принятому критерию доли трудоспособного (занятого) населения, которое должно работать в городском ядре или пригородной зоне) [2]. В то же время в чистом виде такие подходы используются редко, чаще на их основе формируются многочисленные и весьма разнообразные синтетические методики выделения агломераций. В фокусе зарубежных работ чаще всего находится анализ маятниковых миграций, а основные синтетические методики можно выделить в рамках национальных географических школ или наднациональных организаций, использующих разные критерии при делимитации ядра, пригородной зоны и границ агломерации. Особое место среди них занимает методика ОЭСР, которая начинает применяться все большим числом стран в качестве универсальной [21].

Данная методика была разработана в 2012 г. совместно ОЭСР и Департаментом регионального и городского развития Европейской комиссии для последовательного определения функциональных городских районов в разных странах при использовании плотности населения и потоков поездок на работу в качестве ключевых критериев. Согласно методологии ОЭСР, функциональный городской район состоит из густонаселенного города и прилегающей территории (коммутирующей зоны), рынок труда которой тесно интегрирован с городом. Конечная

цель данного подхода заключается в создании согласованного определения городов и областей их влияния для международных сопоставлений, а также для комплексного анализа в целях регионального развития [23].

Выделение агломерации по методике ОЭСР проходит три последовательных этапа. На первом выделяются ядра агломерации – городские территории с населением более 50 тыс. чел. и плотностью населения более 1,5 тыс. чел./км². В ряде случаев это значение снижено до 1,0 тыс. чел./км² (США, Канада, Австралия и др.). Далее производится расчет «зон активного взаимодействия», где более 15% занятого населения совершают маятниковые трудовые миграции в ядро более трех раз в неделю. Как полагают авторы методики, именно такой доли коммютеров достаточно для того, чтобы считать территории связанными в социально-экономическом плане. Наконец, третьим шагом служит установление границ городской активной территории – устранение «выколов» и «островов» активного взаимодействия вне основного массива активной зоны [22]. Стоит отметить, что методика ОЭСР предполагает привязку агломерации к наименьшим административно-территориальным образованиям (посредством наложения на них километровой сетки)².

Таким образом, существуют различные подходы к делимитации (определению границ) агломераций и их структурных элементов, часть положений которых подходит для использования при работе с Московской агломерацией и адаптируема к российским реалиям, а часть не вполне пригодна и требует исключения или корректировки. В этом контексте существующие методики изучения границ и структуры агломераций, а также оценку происходящих в них социально-экономических процессов с географической точки зрения и с позиций теорий расселения следует дополнить достижениями пространственно-временных подходов и концепций.

Выделение и структуризация Московской агломерации. Интенсивность трудовых связей является одним из основных определяющих агломерацию критериев. В целом анализ маятниковых миграций показывает, что большая часть населения Московской

² В то же время происходящие на территории Московской области процессы укрупнения муниципальных образований до уровня городских округов, которые включают в себя не только города и поселки городского типа, но и все бывшие сельские поселения муниципального района, в ближайшее время сделают такой подход нерепрезентативным и потребуют в перспективе перехода на исключительно километровую сетку.

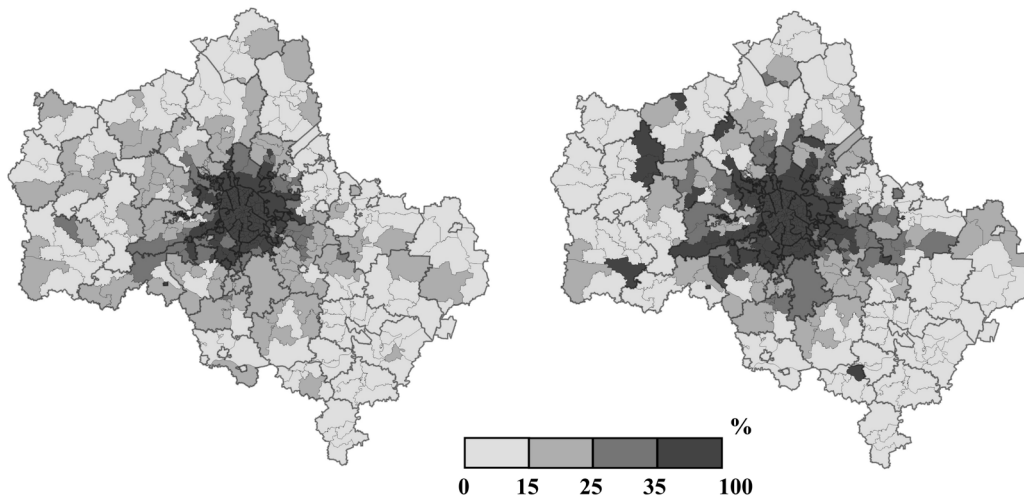

Рис. 1. Доля жителей, работающих в Москве в пределах МКАД летом (слева) и зимой (справа), от численности проживающих на территории муниципалитета, 2017 г.

Источник: составлено авторами на основе данных операторов сотовой связи

области вовлечена в общеагломерационный рынок труда. По данным сотовых операторов в зимний сезон 2017 г. на территории Москвы в пределах МКАД работает 1,4 млн жителей Подмосквья (30%), а в области – 3,3 млн жителей (70%). Распределение и направления трудовых потоков подчинены центр-периферийной модели и в значительной мере зависят от расстояния до Москвы. Наиболее тесно взаимодействующая с ядром часть области удалена от МКАД на 50–60 км – именно на этом расстоянии оформляется пояс ежедневной маятниковой миграции, где более 15% занятого населения регулярно ездит на работу в Москву. При этом в летние месяцы наблюдается «сжатие» границ активной зоны, а в зимние число активно контактирующих с Москвой муниципальных образований увеличивается (рис. 1).

Это связано с дачными миграциями и статистическими подвижками из-за привязки доли комьютеров к абсолютной численности населения, проживающего в конкретный временной интервал, что существенно влияет на показатели людности малонаселенных сельских муниципалитетов. Так, в летний сезон возрастающая за счет дачников численность населения слабоурбанизированных муниципальных образований области снижает относительные значения доли маятниковых

мигрантов. В зимний сезон, напротив, эти территории переходят в разряд «активных» доноров рабочей силы для ядра. При этом урбанизированные муниципалитеты (в частности, первый пояс городов-спутников) стабильно сохраняют значения миграционного обмена с ядром на протяжении всего года.

Ранее в работах по изучению Московской агломерации не раз подчеркивались нестабильность и постоянное изменение границ агломерации [7, 9, 10, 12]. Однако, как правило, это рассматривалось в контексте социально-экономической эволюции (а не ритмики) агломерации и изменения ее границ на протяжении многих лет в связи с развитием транспортных коммуникаций и расширением зоны социально-экономического влияния столицы на сопредельные территории.

Рассмотрение «пульсаций» агломерации напрямую связано с маятниковыми трудовыми миграциями населения, а наличие данных о численности экономически активного населения и числа работников, выезжающих на работу за пределы «домашнего» муниципального образования, которые также рассчитаны на основе данных сотовых операторов, предоставляет возможность выделить пояс интенсивных маятниковых миграций вокруг столицы. В настоящей работе для делимитации пригородной зоны (пояса

маятниковых трудовой миграции) был использован критерий, примененный в методике ОЭСР, согласно которому численность занятых в ядре агломерации должна превышать 15% от общего числа занятых [23]. Данный порог хорошо подходит и для других агломераций постсоциалистических стран [20], а также для Московской агломерации, т.к. при таком критерии ее границы в общем виде совпадают с результатами, полученными при применении большинства других методов делимитации [3, 8, 9].

Отдельно стоит остановиться на вопросе выделения ядра. Традиционно в российской практике в качестве ядер агломераций выделяют центральный город в его административных границах, однако после недавнего расширения Москвы, когда официальная городская черта дошла до границ Калужской области, такой подход становится неприменимым. При этом по критериям делимитации согласно методике ОЭСР в состав ядра Московской агломерации входят не только все районы Старой Москвы, но и значительная часть близкорасположенных к Москве муниципалитетов Московской области и Новой Москвы (т.е. территории с плотностью населения более 1,5 тыс. чел./км²), что соответствует границам так называемого «реального города» и входит в противоречие со сложившимися подходами центр-периферийного разделения столичной агломерации [1, 4].

Это связано с тем, что в отличие от агломераций развитых стран с их малоэтажными субурбиями из-за высокоплотной многоэтажной застройки в состав ядра столичной агломерации попадают типичные спальные районы Москвы и ее городов-спутников с невысоким уровнем обеспеченности рабочими местами (40–60%), при этом большая часть деловой активности концентрируется в пределах Третьего транспортного кольца. Кроме того, дополнительным аргументом против такого понимания ядра является транспортный фактор: за счет большой площади доступность крайних частей ядра достигает 1,5–2 часа. Такие масштабы центра агломерации, соответственно, приводят к существенному расширению границ пригородной зоны, которая охватывает всю Но-

вую Москву, 90% территории Московской области и выходит далеко за ее границы в направлении областных центров сопредельных регионов³.

В связи с этим в данном исследовании использован адаптированный подход к выделению ядра, которое будет ограничено Московской кольцевой автодорогой, как очевидно выраженным в статистическом и натуральном выражении рубежом⁴. В этом варианте районы Москвы, расположенные за МКАД (в границах Троицкого, Новомосковского, Зеленоградского и ряда других административных округов столицы), и значительная часть муниципалитетов Московской области, которые занимают около половины ее площади, войдут в пригородную зону агломерации. При этом делимитация границ Московской агломерации и их динамика в рамках смены сезонов года позволяет выделить в составе пригородной зоны «статичную» и «подвижную» части. Первая обладает стабильным уровнем миграционного обмена с ядром на протяжении всего года, а вторая включает в себя территории, входящие в состав пригородной зоны лишь в определенный сезон года.

Кроме того, важную структурообразующую роль играют локальные центры притяжения. Помимо ядра в виде Москвы в границах МКАД, на территории агломерации можно выявить центры притяжения второго порядка, служащие местными полюсами притяжения трудовых мигрантов с территории соседних городских и сельских поселений и городских округов. Так, из 3,3 млн жителей области, остающихся работать на ее территории, в этих центрах трудится 55% (1,8 млн чел.). Как правило, именно эти центры соответствуют критериям людности (50 тыс. жителей) и транспортной доступности ядер агломераций 2-го порядка для населения тяготеющих территорий [8].

Не вошедшие в состав агломерации части Московской области можно выделить в качестве слабоинтегрированных в агломерацию территорий, но, тем не менее, связанных с ней тесными административно-хозяйственными связями.

Модель «пульсирующей» агломерации. Таким образом, используя пространственно-

³ В распоряжении авторов отсутствуют данные о трудовой маятниковой миграции по регионам-соседям Московской области.

⁴ Кроме того, ядро в таких границах во многом схоже с границами ядра агломерации на основе данных о плотности деловой жизни, как это определяется по методике, принятой в Великобритании, а также со сложившейся в отечественной практике подходами [2].

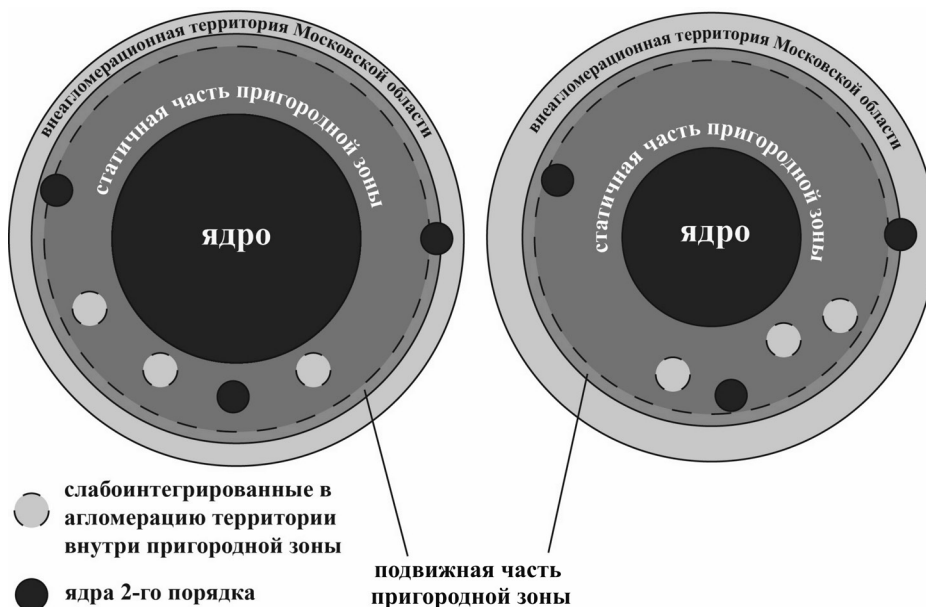

Рис. 2. Модель Московской агломерации и пульсации численности населения ее структурных элементов для зимнего буднего дня (слева) и летней выходной ночи (справа)
Примечание: размеры структурных элементов агломерации показаны пропорционально численности их населения. Источник: составлено авторами

временной подход, агломерацию можно разделить на несколько составных частей: основное ядро, ядра 2-го порядка, статичную и подвижную части пригородной зоны, а также слабоинтегрированные в агломерацию территории. В результате такого структурирования можно построить модель «пульсирующей» агломерации, учитывающую также такие важные параметры как сезонные и суточные изменения численности населения ее элементов (рис. 2).

Рассмотрим более подробно структуру пригородной зоны Московской агломерации с использованием данной модели, взяв за основу результаты расчетов по методике ОЭСР (в адаптированном варианте). Как уже отмечалось ранее, группа муниципалитетов с долей занятых в столице выше 15% на протяжении всего года выделена как статичная часть пригородной зоны агломерации, которая концентрирует в зависимости от времени года от 6,5 до 7,0 млн чел. Углубляясь в анализ этой зоны, из ее состава можно выделить муниципалитеты с исключительно высокой

(с долей занятых в ядре более 35%) ролью ядра в маятниковых трудовых миграциях. По большей части это непосредственно окружающие ядро муниципалитеты, которые представляют собой сплошную урбанизированную территорию или «реальный город», сосредотачивая 2/3 населения всей пригородной зоны⁵.

За пределами статичной части пригородного пояса располагается изменчивая часть агломерации – подвижная часть пригородной зоны, представляющая собой территории «пограничного» миграционного состояния как важный элемент агломерационной системы, своеобразный буфер между пригородной зоной и внеагломерационным пространством. Эта зона с населением около 1 млн чел. состоит из городских и сельских поселений с относительно небольшой численностью населения. Среди населенных пунктов, входящих в ее состав, можно выделить Красноармейск, Электросталь, Наро-Фоминск, Солнечногорск и некоторые другие.

⁵ При этом наблюдается практически полное соответствие этой зоны территории, являющейся ядром агломерации по классической методике ОЭСР.

Таблица 1. Динамика численности населения структурных частей Московской агломерации в суточном и сезонном разрезе по разным методикам делимитации

Методика делимитации	Сезоны года	Время суток	Численность населения Московской агломерации, млн человек				
			Ядро	Пригородная зона в границах		Итого вся агломерация в границах Москвы и Московской области	Московская область вне границ агломерации
				Москвы	Московской области		
Классическая методика ОЭСР	лето	день	12,5	0,4	5,4	18,3	0,8
		ночь	12,0	0,5	5,6	18,1	0,7
	зима	день	14,8	0,4	3,3	18,5	0,6
		ночь	14,3	0,5	3,6	18,4	0,6
Адаптированная методика ОЭСР	лето	день	9,1	1,2	6,1	16,4	2,7
		ночь	8,1	1,5	6,6	16,2	2,6
	зима	день	10,4	1,2	5,6	17,2	1,9
		ночь	9,1	1,5	6,5	17,1	1,9

Источник: составлено авторами на основе данных операторов сотовой связи.

Отдельно следует остановиться на слабоинтегрированных в агломерацию муниципалитетах Москвы и Московской области (с долей занятых в ядре менее 15%), окруженных со всех сторон территориями полноценных пригородных зон. Методика ОЭСР предполагает их включение в состав пригородной зоны. К такого рода муниципальным образованиям в Москве можно отнести сельские поселения Вороновское и Краснопахорское в Троицком административном округе, а также район Савелки в Зеленограде, в Московской области – исключительно слабонаселенные небольшие сельские поселения (например, Лучинское и Обушковское в Истринском или Горское в Одинцовском районах). При этом стоит отметить, что модель «пульсирующей» агломерации методически обосновывает наличие в структуре агломерации «протуберанцев», «эксклавов» и «выколов», в определенной степени, вступая в противоречие с методикой ОЭСР, стремящейся максимально нивелировать неровности агломерационных рубежей.

В результате, при использовании адаптированной методики ОЭСР численность населения Московской агломерации (в пределах Москвы и Московской области) будет достигать 16,2–17,2 млн чел. (в классическом варианте несколько больше – 18,1–18,5 млн чел.)⁶.

При этом людность ядра в течение года изменяется от 12,0 до 14,8 млн чел. в классическом и от 8,1 до 10,4 млн чел. в адаптированном варианте делимитации. Суточные пульсации населения ядра более свойственны второму варианту делимитации (1,0–1,3 млн чел.), в то время как в классическом варианте ядро отличается большей жесткостью (разница между дневным и ночным населением составляет всего 0,5 млн чел.).

«Статичная часть пригородной зоны» при ее выделении по классической методике ОЭСР существенно меньше ядра, уступая ему в 2,5 раза, в то время как согласно адаптированной методике по своей людности она вполне сопоставима с ядром. Численность населения введенной в исследование «подвижной части пригородной зоны» (в границах Московской области) весьма невелика: в адаптированном варианте ее людность составляет 0,7–1,0 млн жителей, в классическом варианте она еще меньше – 0,2–0,3 млн чел. (табл. 1).

Таким образом, на первый взгляд единая территория Москвы и Московской области представляет собой достаточно неоднородное с точки зрения агломерационных процессов пространство. Часть муниципальных образований тесно интегрирована в единый рынок труда посредством ежедневных маятниковых трудовых миграций, другие вза-

⁶ Важно учитывать, что в первом варианте делимитации значительная часть пригородной зоны будет располагаться за пределами двух рассматриваемых регионов и может включать в себя 1,5–2 млн жителей сопредельных областей [21].

имодействуют с ядром слабее или только в определенные сезоны года.

Выводы. Рассмотрение существующих методических подходов к делимитации агломераций, включая методику ОЭСР, через призму хроногеографической концепции применительно к территории Москвы и Московской области позволяет сделать несколько важных выводов.

1. Зарубежные методики выделения агломераций имеют выверенные на практике своих стран значения и показатели, которые не могут быть перенесены в отечественную практику без их адаптации. Так, методика ОЭСР, призванная унифицировать выделение агломераций на международном уровне, не в полной мере применима в отечественной практике, поскольку предлагаемые ей критерии выделения ядра приводят к сильному расширению его территории за счет включения трудоизбыточных спальных районов и, соответственно, требуют своей корректировки. При этом стоит признать удачным применение данной методикой значения доли маятниковых мигрантов для выделения пригородной зоны на уровне 15%, которое в целом согласуется со сложившимися представлениями о границах Московской агломерации и может быть использовано для делимитации. Помимо этого, в дальнейших исследованиях необходим отход от привязки границ агломерации к муниципальным единицам и переход к анализу в разрезе километровой сетки, что связано с нестабильностью системы муниципального деления.

2. Использование методологии хроногеографической концепции на основе данных

операторов сотовой связи позволяет производить анализ разновременной ритмики агломераций. При этом пространственно-временной подход свидетельствует не только о наличии пульсаций населения в пределах структурных элементов агломерации, но и о пульсации границ самих этих элементов, что позволяет говорить о них, как о динамичных системах с «плавающими» границами за счет территорий, которые взаимодействуют с ядром только в определенные сезоны года. В пределах этой подвижной части агломерации проживает население двух десятков муниципалитетов Подмоскovie с суммарной людностью до миллиона человек, что позволяет говорить о ней как о значимом элементе агломерационной структуры.

3. Построенная на основе пространственно-временного подхода модель пульсирующей агломерации позволяет ввести понятия «статичной» (постоянной в течении всего года) и «подвижной» (сезонной) частей пригородных зон, тем самым нивелируя методические погрешности, связанные с привязкой миграций к абсолютной численности населения, непостоянной в течение года, а также обосновывая прерывистость (дискретность) агломерационных границ, наличие эксклавов и протуберанцев в структуре агломерации.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Департаменту информационных технологий правительства г. Москвы за возможность использовать предоставленные данные о передвижениях абонентов сотовой связи для написания данной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браде И., Бурдак И., Рудольф Р. Тенденции развития периферийных зон крупнейших городов Европы // Крупные города и вызовы глобализации. Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 128–139.
2. Волчкова И.В. Особенности социально-экономического развития городских агломераций в России. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2013. 92 с.
3. Глушкова В.Г. Московская агломерация // Москва. Энциклопедия. М., 1997. С. 499–500.
4. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987. 256 с.
5. Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н. Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 71–82.
6. Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.
7. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? // Демоскоп Weekly. 2012. № 517–518. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/demoscope517.pdf> (дата обращения 03.02.2019).
8. Махрова А.Г., Перцик Е.Н. Агломерации второго порядка в Московском столичном регионе: развитие, границы, взаимосвязи // Вопросы географии. Сб. 131: Московский столичный регион. М.: Мысль, 1988. С. 56–63.

9. *Махрова А.Г., Трифонов А.А.* Некоторые черты развития урбанизационных процессов в Московском регионе // Русский город (исследования и материалы). Вып. 9. М., 1990. С. 40–74.
10. *Наймарк Н.И., Заславский И.Н.* Динамическая типология городских агломераций СССР // Проблемы изучения городских агломераций. М., 1988. 203 с.
11. *Новосёлов А.С.* Региональная экономическая политика субъекта Федерации: принципы, формы и методы реализации. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. 519 с.
12. *Перцик Е.Н.* Крупные городские агломерации: развитие, проблемы проектирования // Проблемы развития агломераций России. М.: Крассанд, 2009. С. 34–46.
13. *Полян П.М., Заславский И.Н., Наймарк Н.И.* Проблемы делимитации городских агломераций: сравнение и синтез ведущих методик // Проблемы территориальной организации пространства и расселения в урбанизированных районах. Свердловск, 1988. С. 26–40.
14. *Попов Р.А., Пузанов А.С.* Проблемы управления городскими агломерациями в современной России // Городской альманах. Вып. 4. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. С. 147–164.
15. *Старикова А.В., Трейвиш А.И.* Время, место и мобильность: эволюция хроногеографии // Региональные исследования. 2017. № 3. С. 13–22.
16. *Carlstein T., Parker D., Thrift N.J.* (eds.) Timing space and spacing time. London, Edward Arnold, 1978. 444 p.
17. *Hägerstrand T.* What about people in regional science? // Papers of the Regional Science Association. 1970. Vol. 24, № 1. P. 6–21.
18. *Lenntorp B.* Time-geography – at the end of its beginning // GeoJournal. 1999. Vol. 48, № 3. P. 155–158.
19. Pred A. The Choreography of Existence: Comments on Hägerstrand's Time-Geography and Its Usefulness // Economic Geography. 1977. Vol. 53, № 2. P. 207–221.
20. *Tammaru T.* Suburbanisation, employment change, and commuting in the Tallinn metropolitan area // Environment and Planning A. 2005. T. 37. № 9. P. 1669–1687.
21. 3 часа на дорогу до работы: исследование московской агломерации // Институт «Стрелка». 2017. URL: <https://strelka.com/ru/magazine/2017/08/17/moscow-agglomeration> (дата обращения: 27.04.2019).
22. *Dijkstra L., Poelman H., Veneri P.* The EU-OECD definition of a functional urban area. 2019. URL: <https://www.oecd.org/cfe/regional-policy/THE%20EU-OECD%20DEFINITION%20OF%20A%20FUNCTIONAL%20URBAN%20AREA.pdf> (дата обращения: 02.07.2019).
23. Functional urban areas by country. 2011 // OECD URL: <http://www.oecd.org/cfe/regional-policy/functionalurbanareasbycountry.htm> (дата обращения: 02.02.2019).

Об авторах

Махрова Алла Георгиевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Бабкин Роман Александрович – аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Махрова А.Г., Бабкин Р.А. Методические подходы к делимитации границ Московской агломерации на основе данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 48–57.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-5

Methodological approaches for Moscow urban agglomeration delimitation based on mobile network operators data

A. G. Makhrova*, R. A. Babkin**

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

**e-mail: almah@mail.ru*

***e-mail: babkin_ra@mail.ru*

In the article, based on the methodology of determining the functional urban areas of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) with the use of data from mobile operators about the localization of network users, the boundaries of the Moscow agglomeration are identified and its spatial structure is analyzed using the approaches of the chrono-geography concept. The analysis showed the impossibility of using the OECD methodology without its adaptation to Russian conditions. For example, according to this technique, the entire territory of the “real city”, including the “sleep-

ing areas” of Moscow and its satellite cities, falls into the core zone. At the same time, the suburban area extends to the territory of almost the entire Moscow region, going in many directions beyond its borders. The adapted version of the method of delimitation involves reducing the size of the core to the boundaries of the Moscow ring road with a corresponding decrease in the boundaries of the suburban area, which is consistent with the approaches and ideas developed in practice in Russia. Using the methodology of the chrono-geography concept, a model of “pulsating agglomeration” was developed. It is a new variant of studying and analyzing the dynamics of socio-economic functioning of agglomerations, taking into account the different time socio-economic rhythms of the Moscow agglomeration. As part of the agglomeration, “static” – constant throughout the year and “movable” – seasonal suburban areas were identified, which allowed to include in the analysis of “pulsation” not only the population of the structural elements of the agglomeration, but also its boundaries depending on the seasons.

Keywords: Moscow urban agglomeration, the methodology of delimitation, core, suburban area, labour commuting, chrono-geography.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

© 2019 г. У. В. Мизеровская*, В. А. Рак**

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

**e-mail: mizerovskaya-uv@rudn.ru*

***e-mail: rak_valya@mail.ru*

Малые города являются наиболее уязвимой частью системы городского расселения России: их депопуляция подстегивается не только следствиями демографического кризиса, начавшегося в 1990-х гг., но и стремительным миграционным оттоком. В Центральной России проявления этого процесса особенно заметны – за счет расположения в ней Московской агломерации, в обмене с которой даже крупные города теряют свое население. Однако скорость обезлюдивания малых городов существенно различается в зависимости от функционального профиля и способности городской экономики использовать его преимущества или сделать поправку на изменившиеся условия хозяйствования. Данная статья посвящена анализу факторов, в наибольшей степени оказывающих влияние на сохранение и даже увеличение населения в одних малых городах Центральной России и отток из других, и выявлению закономерностей проявления этих факторов в пространственном аспекте. По итогам проведенного исследования делается вывод, что наблюдающаяся в постсоветский период пространственная динамика населения Центральной России ведет к истончению каркаса городского расселения вследствие перехода ряда средних городов в категорию малых и увеличению среди последних доли «сверхмалых» городов с численностью населения менее 10 тыс. человек.

Ключевые слова: малые города, система городского расселения, ЦФО, города-спутники, промышленные города, Московская агломерация.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-6

Введение и постановка проблемы.

Малые города¹ играют роль «опорных точек» периферийных территорий российских регионов, осуществляя экономическую и социокультурную взаимосвязь сельской местности с крупными городами, часто являясь единственным центром обслуживания населения [9]. Несмотря на то, что малые города составляют 71% общего числа городов России, доля их в суммарной численности городского населения менее 16% (2017 г.), и эта цифра продолжает уменьшаться.

Общая тенденция сокращения численности населения, проживающего в малых городах, поддерживается сразу несколькими объективными причинами. Во-первых, по стадияльной модели урбанизации Дж. Джиббса Россия в настоящее время находится на четвертом этапе, характеризующимся ростом больших городов и потерей населения селами и малыми города-

ми («поздняя урбанизация»). Во-вторых, проблемы малых городов уходят своими корнями в сложные процессы отечественной урбанизации, отличительной особенностью которой в советский период являлось стремительное создание новых, преимущественно промышленных городов. При этом количественный рост часто опережал качественное развитие. Малые города требовались для освоения природных ресурсов, расположенных в периферийных регионах, помогали решать градостроительные проблемы крупнейших промышленных центров, обеспечивали вопросы инфраструктурной и научно-исследовательской поддержки ВПК. Таким образом, малые города использовались в качестве опорных точек территориального развития, отвечающего интересам государства на определенном историческом этапе, но вследствие их зачастую искусственно ускоренного роста

¹ В настоящее время в российской урбанистике существует несколько подходов к определению «малого города», в соответствии с которыми численность его населения варьирует от 20 до 100 тыс. человек. Авторы статьи опираются на наиболее широко применяемый подход к определению малого города – как города с численностью населения до 50 тыс. человек. Широкое применение данного подхода поддерживается его использованием не только в работах современных исследователей-урбанистов (Н.В. Зубаревич, Г.М. Лаппо, А.Г. Махрова и др.), но и в официальных документах (см., например, СНИП 2.07.01-89).

в них не были созданы условия и механизмы, делавшие возможным дальнейшее саморазвитие [5, 8].

Экономические трудности 1990-х гг. привели к миграции населения в крупные города, предоставлявшие больше возможностей противостояния трансформационному кризису и быстрее преодолевавшие его последствия. Это связано с тем, что социально-экономические преобразования последних десятилетий зачастую проводились без учета специфики малых населенных пунктов, что значительно усугубило кризисные явления, причиненные распадом советской экономической системы [14]. Большинство малых городов и сейчас с трудом адаптируются к изменившимся условиям, в силу чего возникает множество проблем, с которыми население не может справиться, что продолжает поддерживать в них отрицательный миграционный баланс. В совокупности с отрицательным естественным приростом населения в стране, который лишь после 2010 г. приблизился к «нулевым» значениям, отток населения из малых городов приводит к их стремительному обезлюдиванию.

Малые города зачастую выпадают из поля зрения федерального центра, их огромный совокупный потенциал остается невостребованным, а уровень жизни населения этих городов, в большинстве своем, существенно ниже уровня жизни в средних и тем более крупных городах. Эта неравномерность развития городов особенно ярко проявляется в Центральной России, где происходит стремительный отток населения из малых городов в Московскую агломерацию, концентрирующую в настоящее время в себе почти $\frac{1}{2}$ городского населения Центрального федерального округа [10].

Целью исследования является качественный и количественный пространственный анализ малых городов Центральной России (под которой в данном случае авторы понимают территории, включенные в настоящее время в состав ЦФО РФ), а именно: анализ динамики численности их населения с 1989 по 2017 г. и причин, обусловивших подобную динамику и особенности их социально-экономического развития в постсоветский период.

Обзор ранее выполненных исследований. Общей теоретико-методологической базой данного исследования по-

служили труды отечественных ученых, которые сосредоточили внимание на изучении характерных особенностей и этапов российской урбанизации [4, 8, 11, 12], а также специфики малых городов России и факторов их формирования и развития в советский и постсоветский периоды [2, 9, 13]. Особый интерес в данном контексте вызывает концепция «четырёх России» Н.В. Зубаревич. Согласно этой концепции, депопуляция малых городов связана с «Первой Россией» – страной больших городов, функциональную структуру которых определяет прогрессивный блок, включающий в себя науку, культуру, высшее образование, опытные производства, развитую инфраструктуру, сферу развлечений, что делает неконкурентоспособными малые населенные пункты [3].

Центральная Россия с ее наиболее зрелым этапом урбанизации на фоне остальных территорий страны и концентрацией отраслей третичного сектора является наглядным примером теории «четырёх России». Поэтому ряд авторов сосредотачивается на изучении процесса поляризации пространства ЦФО, где его стимулируют ярко выраженные внутрорегиональные различия в динамике численности населения и активизация центростремительных тенденций [6, 7, 10]. Вследствие расположения в ЦФО столичного региона, расстояние до него при расселении населения играет более значительную роль в росте численности населения, чем размер населенного пункта, в том числе наблюдается определенная зависимость между удалением малых городов от Москвы и темпами сокращения их наличного населения [1].

На наш взгляд, при действительно большом влиянии Московской агломерации на актуальные тенденции размещения городского населения в Центральной России, обуславливающие их процессы являются гораздо более сложными и подпитываются, в том числе, накопленными еще в советский и постсоветский периоды причинами. Последние были рассмотрены при изучении отдельных аспектов выбранной темы в перечисленных выше исследованиях. В данной статье суммируется влияние этих причин и их последствий в комплексном, пространственно-динамическом представлении применительно конкретно к малым городам как

к наиболее уязвимым точкам в каркасе городского расселения.

Методика исследования. В качестве периода исследования были взяты 1989–2017 гг. Основными источниками статистической информации послужили ежегодные публикации Федеральной службы государственной статистики, а также материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Все малые города ЦФО были разделены на 5 групп, уточняющих разницу в численности их жителей: 10 тыс. чел. и менее, от 10,1 до 20 тыс., от 20,1 до 30 тыс., от 30,1 до 40 тыс. и от 40,1 до 50 тыс. чел. включительно. С помощью построенных карт было проведено сравнение советской и современной системы пространственного размещения малых городов различных размеров в Центральной России и выявлены закономерности их роста или, наоборот, депопуляции в зависимости от географического положения.

Далее была проанализирована динамика численности населения малых городов в относительных значениях: 224 малых города ЦФО разделены на 3 макрогруппы, исходя из тенденций их развития. В группу «растущие» вошли города, численность населения которых за исследуемый период возросла на 10% и более; в группу «депопулирующие» попали города, сократившие свое население на 10% и более; в группу «стабильные» вошли города, численность населения которых изменилась в интервале от -9% до 9%.

Отдельно отметим, что при проведении количественного анализа была учтена, в том числе, и такая причина роста или убыли численности населения городов, как преобразование их административных границ. Однако в случае малых городов при устойчивых негативных или устойчиво позитивных демографических тенденциях эффект подобного влияния на изменение численности населения (если только границы не были пересмотрены относительно недавно) просто усиливает или же корректирует тренд, но не преломляет его, поэтому в данной статье подобные города рассматриваются наряду с остальными.

Для анализа влияния особенностей социально-экономического развития малых городов на динамику численности их населения была осуществлена классификация этих городов по градообразующим функциям. В классификации были учтены как фак-

торы экономико-географического положения (города были отнесены к внутренним, приграничным, транспортным узлам, городам-спутникам), так и характер экономической базы (выделены промышленные города, туристические, города-исторические центры и города воинской славы, моногорода, наукограды и ЗАТО, административные центры). Сопоставление выделенных по классификации групп городов с динамикой численности их населения позволило выявить наиболее значимые факторы роста или депопуляции и сделать выводы о сложившихся тенденциях, которые в ближайшем будущем будут определять динамику системы городского расселения ЦФО в аспекте малых городов.

Полученные результаты. *Количественный анализ пространственной динамики малых городов Центральной России.* В настоящее время регионы ЦФО концентрируют в себе более 27% всех городов России (2017 г.). Такая концентрация определяется высокой освоенностью территории и плотностью населения, в несколько раз превышающей среднероссийский показатель. Кроме того, огромное влияние оказывает столица, к которой как к ведущему транспортному узлу страны сходятся все стратегически значимые магистрали, являющиеся, в свою очередь, основой для формирования каркаса расселения.

Из 303 городов, расположенных в границах ЦФО, 224 города (т.е. почти 74%) являются малыми. При этом в 1989 г. доля малых городов в субъектах, ныне составляющих Центральный федеральный округ, равнялась 72% (218 городов), т.е. за прошедшие десятилетия цифра выросла. Стоит более подробно разобрать причины подобного роста.

Как уже было сказано выше, поздняя урбанизация по Джиббсу определяется потерей населения селами и малыми городскими поселениями в пользу больших городов. В случае России этот процесс приобрел свои крайние проявления: на фоне экономических и демографических трудностей 1990-х гг. максимальной аттрактивностью обладали только сверхбольшие города, т.е. города-«миллионники». Как видно из данных таблицы 1, за исследуемый период доля городского населения ЦФО, проживающего в городах подобного типа (Москва и Воронеж), выросла на 11% (в первую очередь, за счет Москвы). Города меньших размеров, в свою

Таблица 1. Распределение городского населения ЦФО по городам различных типов в 1989 и 2017 гг.

Типы городов по численности населения	Кол-во городов	Суммарная численность населения (тыс. чел.)	% от городского населения ЦФО	Кол-во городов	Суммарная численность населения (тыс. чел.)	% от городского населения ЦФО
«Миллионники» (свыше 1 млн)	1	8801	32,8	2	13241	43,4
Крупнейшие (500–1000 тыс.)	4	2596	9,7	3	1656	5,4
Крупные города (250–500 тыс.)	13	4732	17,6	14	5224	17,1
Большие города (100–250 тыс.)	25	3426	12,8	27	3811	12,5
Средние города (50–100 тыс.)	43	2846	10,6	33	2182	7,2
Малые города (до 50 тыс.), в т.ч.:	218	4454	16,6	224	4187	13,7
40,1–50 тыс.	16	735	2,7	15	666	2,2
30,1–40 тыс.	32	1110	4,1	27	928	3,0
20,1–30 тыс.	46	1113	4,1	44	1070	3,5
10,1–20 тыс.	77	1170	4,4	75	1109	3,6
10 тыс. и менее	47	326	1,2	63	414	1,4
Итого по ЦФО	304	26855	100	303	30481	100

Источник: рассчитано и составлено по данным [15, 19].

очередь, начали фактически «вымываться» из системы городского расселения: они стремительно теряли своих жителей и переходили либо в более «малочисленные» категории городов крупных и средних размеров (как это произошло, например, с Рыбинском, Мичуринском, Кинешмой и даже Тулой), либо становились и вовсе малыми (Вышний Волочек, Ефремов, Кимры, Моршанск, Ливны, Сафоново, Ярцево). В наибольшей степени потери коснулись городов средних размеров (с численностью населения от 50 до 100 тыс. чел.): если в 1989 г. их насчитывалось 43, то в 2017 г. осталось только 33.

Еще критичнее тенденция сокращения суммарной численности населения наблюдается в аспекте малых городов: несмотря на то, что с 1989 по 2017 г. их количество возросло с 218 до 224, этот рост был обусловлен исключительно динамикой в подгруппе малых городов с численностью населения менее 10 тыс. чел., тогда как в более «многонаселенных» подгруппах также наблюдалось сокращение количества населенных

пунктов. Учитывая, что в соответствии с законодательством большинства российских регионов пороговым значением при отнесении поселения к городу являются цифры в 10–12 тыс. чел., получается, что за исследуемый период рост малых городов Центральной России происходил только в подгруппе малых городов, не отвечающих количественному критерию города.

Что касается пространственной динамики малых городов Центральной России, то при сравнении картосхем 1989 и 2017 гг. (рис. 1) при общем «выцветании» последней (т.е. сокращения численности населения в абсолютном большинстве малых городов) становится заметно «истончение» каркаса расселения, точнее той его части, что образуется малыми городами. И это даже с учетом увеличения количества малых городов, обусловленного как переходом в категорию малых ряда бывших средних городов (о чем было сказано выше), так и образованием новых малых городов². Густонаселенные малые города концентрируются преимущественно

² Всего после 1989 г. в регионах ЦФО было образовано (в основном, из поселков городского типа) 15 новых малых городов: Сельцо (Брянская обл.), Курлово (Владимирская обл.), Волгореченск (Костромская обл.), Строитель, Бирюч (Белгородская обл.), Белоусово, Сосенский, Жуков, Ермолино (Калужская обл.), Пересвет, Черноголовка, Старая Купавна, Кубинка, Котельники, Голицыно (Московская обл.).

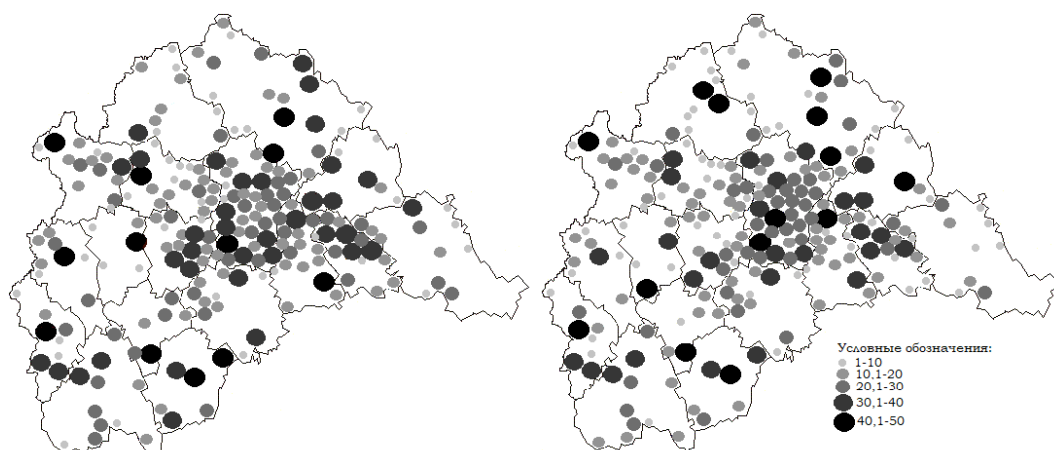

Рис. 1. Размещение малых городов на территории ЦФО в 1989 и 2017 гг. (тыс. чел).
Источник: построено по данным [15, 19].

в Московской области, практически целиком входящей в состав Московской агломерации. В остальных регионах характер их размещения становится более «точечным», при этом они, в основном, располагаются в непосредственной близости от административных центров регионов, как и в случае Московской области, являясь городами-спутниками.

Динамика изменения численности населения малых городов в относительных величинах (рис. 2) подтверждает продолжающуюся пространственную концентрацию: абсолютное большинство малых городов, увеличивших свое населения за исследуемый период, входят в состав Московской агломерации. Наибольшее сокращение населения при этом свойственно малым городам соседних регионов, расположенным на значительном удалении от границы с Московской областью, а также от государственной границы. Такие города преимущественно находятся в Рязанской, Владимирской, Ивановской, Смоленской, Тверской, Тульской областях. Основными факторами их обезлюдения являются невостребованные в современных экономических условиях или низкодоходные производства, а также моноотраслевой характер городской экономики с отсутствием возможности изменения экономической структуры в ближайшем будущем (случай моногородов). Скучный выбор рабочих мест и низкие качественные характеристики социальной инфраструктуры стимулируют отток населения из этих городов в

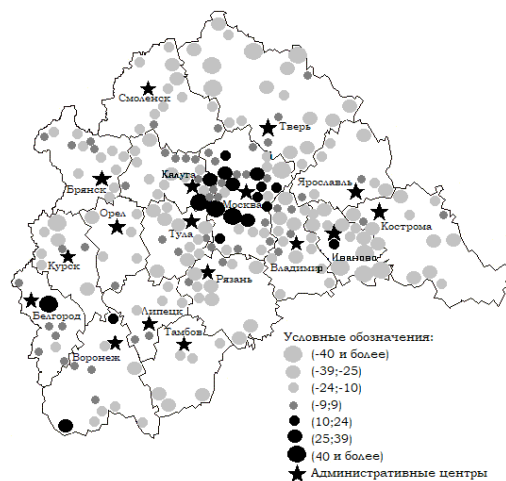

Рис. 2. Изменение численности населения малых городов ЦФО за 1989–2017 гг. (%)
Источник: рассчитано и построено по данным [15, 19].

активно развивающуюся Московскую агломерацию. С учетом того, что уезжают, прежде всего, молодые, экономически активные горожане, с уменьшением их доли в структуре населения депрессивных городов возрастает и естественная убыль населения.

Относительно благополучная ситуация (наличие стабильных и растущих малых городов), помимо Московской области, складывается в Белгородской, Калужской, Воронежской областях – за счет более разнообразных функциональных особенностей находящихся в них малых городов.

Таблица 2. Классификация малых городов ЦФО по градообразующим функциям и влияние выделенных функций на изменение численности населения, 1989–2017 гг.

	ЭГП				Экономическая база					
	граница		ТУ	ГС	ПЦ	НГ	ЗАТО	ТЦ/ ИЦ	МГ	АЦ
	П	В								
Рост	1	37	23	25	32	3	2	4	2	20
Убыль	7	179	138	45	157	0	0	18	31	152
ИТОГО	8	216	161	70	189	3	2	22	33	172

Источник: составлено авторами на основе данных [16, 17, 18].

Функциональный анализ пространственной динамики малых городов Центральной России. В соответствии с проведенной классификацией 224 малых города ЦФО были распределены по следующим группам: внутренний город (В), приграничный город (П), транспортный узел (ТУ), город-спутник (ГС), промышленный центр (ПЦ), наукоград (НГ), ЗАТО, туристический (ТЦ) и/или исторический (ИЦ) центр, моногород (МГ), административный центр (АЦ). Стоит отметить, что поскольку многие города обладают сразу несколькими функциями, то они учитывались в классификации по факту наличия каждой из функций вне зависимости от ее важности для экономики города. Результаты классификации приведены в таблице 2.

По экономико-географическому положению 216 малых городов Центральной России являются внутренними, 8 городов, расположенных в Белгородской, Курской, Брянской и Смоленской областях, находятся на границе с Белоруссией или Украиной (Валуйки, Велиж, Грайворон, Злынка, Рудня, Стародуб, Суджа, Шебекино). Приграничные города преимущественно малонаселенные (до 10 тыс. чел.), кроме городов Шебекино (более 40 тыс. чел.), Валуйки (более 30 тыс.) и Стародуб (почти 19 тыс. чел.). Несмотря на то, что в 7 из них (кроме Грайворона Белгородской области) зафиксировано снижение численности населения по сравнению с 1989 г., ситуацию в городах Белгородской и Брянской областей можно назвать стабильной, так как изменение численности населения в них относительно незначительно. Приграничье Смоленской и Курской областей отличается более негативными тенденциями (см. рис. 2).

Транспортными узлами³ являются 161 малый город Центральной России. 63 города утратили свою транспортную функцию или никогда ее не имели. Многие из них в постсоветский период также лишились своей промышленной функции или же их промышленное производство значительно сократилось. Особенно это характерно для городов, базовый сектор которых составляли предприятия пищевой, текстильной и швейной промышленности, а также лес-промхозы. К таким, например, относится один из самых малонаселенных городов России – город Чекалин в Тульской области (941 чел. в 2017 г.). Обособленное, вследствие затрудненного транспортного сообщения, положение этих городов в совокупности с отсутствием рабочих мест вызывает ускоренный отток населения.

Отдельную категорию составляют города-спутники. К ним относятся 70, то есть около 1/3 всех малых городов ЦФО. 36 из них расположены в границах Московской агломерации, которая развивается в рамках четырех субъектов: Москвы, Московской области, а также некоторых пограничных с Московской областью муниципальных образований Владимирской и Калужской областей. 34 города-спутника входят в Воронежскую (Нововоронеж, Семилуки), Обнинскую (Малоярославец, Балабаново, Жуков, Боровск, Ермолино, Белоусово), Липецкую (Грязи), Брянско-Людиновскую (Дятьково, Киров, Людиново, Сельцо, Фокино), Александровскую (Карабаново, Струнино), Тамбовскую (Котовск, Рассказово), Белгородскую (Короча, Шебекино, Строитель), Рязанскую (Рыбное) и другие агломерации. В более чем половине всех городов-спутников за исследуемый период наблюдался устойчивый

³ Под транспортным узлом в данном исследовании понимается город с действующей железнодорожной станцией в его границах.

рост или, по крайней мере, стабилизация населения. Кроме того, 11 из 15 населенных пунктов, получивших статус города после 1989 г. – это тоже города-спутники.

Что касается экономической базы, то наибольшее количество малых городов ЦФО относятся к промышленным центрам со специализацией на таких обрабатывающих отраслях, как машиностроение, металлургия, химическая промышленность, электроэнергетика, легкая и пищевая промышленность. Подобная специализация явилась главной причиной кризиса малых городов в 1990-х гг., на которые пришелся основной промышленный спад в экономике. Нынешние преуспевающие малые промышленные города Центральной России – это, в первую очередь, города «новой» промышленности, базовая отрасль которых была создана в 1990-е – начале 2000-х гг. Например, АО «Яковлевский ГОК» – основной работодатель города Строитель Белгородской области (прирост населения с 1989 г. +71%) – начал добывать руду с Яковлевского месторождения КМА только в 1997 г. Шведская компания «SCA Hygiene Products Russia», один из российских заводов которой расположен в городе Венёв Тульской области, вышла на российский рынок в середине 1990-х гг. – так же, как и кондитерская ТНК «Mondelēz International», открывшая свой завод в Покрове.

33 промышленных города ЦФО представлены моногородами⁴, которые являются одним из наиболее уязвимых типов малых городов. Несмотря на федеральную поддержку, отраслевая ограниченность спроса на труд в данных городах провоцирует отток, прежде всего, молодого населения, желающего реализовать себя в других сферах. В качестве примера можно привести Ефремов, который, несмотря на достойно пережившую все кризисы химическую промышленность, являющуюся градообразующей отраслью города, с 1989 г. лишился почти 40% своего населения. Только в двух моногородах ЦФО (Семилуки и Тутаев) за исследуемый период численность населения име-

ла тенденцию к росту. Причем входящие в Воронежскую агломерацию Семилуки добились этого именно за счет диверсификации своей экономики, которая осуществляется столь успешно, что уже в 2019 г. город может быть исключен из общероссийского перечня моногородов.

В противовес моногородам наиболее активно растущими типами городов стали подерживаемые на государственном уровне наукограды (Пушино, Протвино, Черноголовка) и ЗАТО (Краснознаменск, Радужный), предоставляющие возможность реализации в передовых отраслях экономики.

К историческим городам⁵ и городам воинской славы⁶ в ЦФО официально относятся 16 городов. В реальности, с учетом давности освоения территории Центральной России и богатой на знаковые события истории этих мест, на указанные статусы могут претендовать значительно больше городских поселений, что подтверждается популярными направлениями внутреннего туризма. В частности, в утвержденный в 2010 г. список исторических поселений не вошли такие туристические центры, как Переславль-Залесский, Углич и Звенигород. Но даже в тех малых городах, исторический статус которых подтвержден на законодательном уровне, несмотря на федеральный контроль и поддержку благоустройства городских территорий, наблюдается преимущественно сокращение населения. Особенно критическая ситуация складывается в Осташкове и Плесе, которые за исследуемый период лишились более 40% своего постоянного населения. Это говорит о том, что туристическая сфера, которая в ЦФО (а особенно за пределами Золотого кольца) ориентирована на внутренний туризм, не является в достаточной степени аттрактивным базовым сектором для устойчивого роста малых городов.

Что касается статуса административного центра (в случае малых городов – районного центра), то его влияние на динамику населения минимально: гравитация агломерационных ядер нивелирует значение местных

⁴ См. Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 1398-р (ред. от 13.05.2016) «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)».

⁵ См. Приказ Министерства культуры Российской Федерации, Министерства регионального развития Российской Федерации от 29.07.2010 г. № 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений».

⁶ Статус города воинской славы был утвержден Федеральным законом от 09.05.2006 г. № 68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы». С момента принятия закона и до настоящего времени данный статус был присвоен 45 городам РФ.

центров. В 18 из 52 малых городов ЦФО, не являющихся райцентрами, наблюдается рост населения. При этом 13 из этих 18 городов входят в состав Московской агломерации, а еще 3 – в состав других.

Таким образом, даже несмотря на общее влияние демографического кризиса на численность населения Центральной России, ряд малых городов компенсировали естественную убыль населения миграционным притоком за счет преобладания одной наиболее выгодной или сочетания сразу нескольких градообразующих функций. Рост городов-спутников обуславливается выгодным положением относительно крупных городов на фоне процессов концентрации экономической и социальной жизни страны. При этом периферийность многих малых городов только усугубляет проблемы в них.

Выводы. Динамика численности населения большинства малых городов Центральной России в постсоветский период отрицательна, что связано не только с эволюцией процессов урбанизации и общей депопуляцией в стране в 1990-е – 2010-е гг., но и определенным «трансформационным отставанием». Новая экономическая система и структурные сдвиги в занятости населения, порожденные как деиндустриализацией 1990-х гг., так и влиянием тенденций развития глобальной экономики, приводят к угасанию прежних стимулов развития малых городов. Наиболее безболезненно эти процессы проходят в городах-спутниках, где их негативное влияние компенсируется возможностями, которые предоставляет более крупный город-ядро. Но даже статус города-спутника не гарантирует положительного тренда в демографическом развитии малых городов вследствие их значительной зависимости от социально-экономических процессов, происходящих в ядрах агломераций. А это, в свою очередь, выводит проблему на более высокий уровень, связывая ее с социально-демографической ситуацией в отдельных регионах ЦФО в целом.

С другой стороны, несмотря на то, что сложившаяся в советский период промышленная специализация стала основной причиной кризиса большинства малых городов Центральной России в 1990-е гг., говорить о том, что роль индустриализации как движущей силы их роста исчерпала себя, преждев-

ременно. Возможности реиндустриализации на базе размещения в малых городах производственных мощностей отечественных и зарубежных ТНК далеко не исчерпаны. Особенно это касается производства товаров конечного потребления – вследствие густонаселенности регионов ЦФО, т.е. размещения здесь значительной части потребительского рынка страны. Однако исключительно индустриальный профиль малого города таит в себе опасность превращения его в моногород, а как показала проведенная в исследовании функциональная классификация, именно моногорода представляют наиболее уязвимый тип малого города. Причем эта уязвимость увеличивается тем больше, чем более периферийно расположен малый город в общей системе городского расселения ЦФО.

Аргументы в пользу реиндустриализации малых городов поддерживаются также тем фактом, что наиболее широко распространенные отрасли третичного сектора (транспорт, туризм) в условиях Центральной России, где в них отмечена высокая конкуренция, в большинстве случаев не обладают достаточным потенциалом, чтобы в полной мере обеспечивать attractiveness экономической сферы малых городов и, следовательно, удерживать население. Однако в качестве дополняющих базовой отрасли и диверсифицирующих склонную к моноотраслевой ориентации экономику малого города они могут повысить устойчивость последнего к наблюдающимся негативным социально-демографическим тенденциям.

В целом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что динамика населения малых городов определяет тренд пространственного развития системы городского расселения ЦФО в сторону увеличения ее разреженности – прежде всего, за счет деградации малых городов в периферийных районах. По сути, в системе городского расселения Центральной России в настоящее время наблюдаются два противоположных процесса: концентрация и обезлюдивание. При этом внешне наиболее критическая ситуация складывается в отношении даже не малых городов, а городов средних размеров, которые буквально «вымываются» из системы расселения, пополняя собой список малых городов – что частично нивелирует суммарную депопуляцию последних. Однако явный крен

в структуре малых городов в сторону «сверх-малых» (с численностью населения менее 10 тыс. человек) свидетельствует о сложившейся устойчивой тенденции истончения каркаса городского расселения Центральной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулова Л.Р., Фаттахов Р.В.* Экономико-демографические факторы формирования системы городского расселения (на примере ЦФО) // Региональная экономика: теория и практика. 2015. №11 (386). С. 2–15.
2. *Ветров Г.Ю., Визгалов Д.В., Елагина Е.Ю., Зайцева Ю.С., Ланцев Д.М., Шевырова Н.И.* Социально-экономическое развитие малых городов России. М.: Фонд «Институт экономики города», 2002. 102 с.
3. *Зубаревич Н.В.* Четыре России // Ведомости. 30.12.2011. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_gossii (дата обращения: 15.11.2018).
4. *Зубаревич Н.В.* Страна городов: теория и практика российской урбанизации // Стимулы, парадоксы, провалы: Город глазами экономистов. М.: Strelka Press, 2015. С. 20–34.
5. *Зубаревич Н.В.* Города на постсоциалистическом пространстве // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5–19.
6. *Калабихина И.В., Мокренский Д.Н.* Динамика численности населения муниципальных образований Центральной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2017. № 6. С. 97–124.
7. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Динамика численности населения муниципальных образований РФ как отражение центрально-периферийной концепции пространственного развития (1989–2002 гг.) // Региональные исследования. 2010. № 3 (29). С. 69–83.
8. *Лаппо Г.М., Полян П.М.* Результаты урбанизации в России к концу XX века // Мир России. 1999. № 4. С. 35–46.
9. *Макарова М.Н., Пышминцева О.А.* Роль малых и средних городов в системе расселения // Современные проблемы регионального развития: тезисы VI международ. науч. конф., Биробиджан, 4–6 октября 2016 г. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН – ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхе-ма», 2016. С. 468–471.
10. *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Поляризация пространства центрально-российского мегалополиса и мобильность населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 5. С. 77–85.
11. *Нефедова Т.Г.* Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» // Экономическая наука современной России. 2009. № 1 (44). С. 62–77.
12. *Нефедова Т.Г., Слепухина И.Л., Браде И.* Миграционная привлекательность городов на постсоветском пространстве на примере России, Украины и Беларуси // Известия РАН. Сер. геогр. 2016. № 2. С. 27–38.
13. *Подсвинова А.В.* Малые города России: специфика и факторы формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №4. С. 52–55.
14. *Слепаков С.С.* Вымирание малых городов и деревень в России: «огораживание» XXI века? // Альтернативы. 2012. № 3. С. 79–88.
15. Всесоюзная перепись населения 1989 года. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?su=6> (дата обращения: 20.10.2018).
16. Официальный сайт Ассоциации малых туристских городов. URL: <http://amtg-rus.ru/> (дата обращения: 10.11.2018).
17. Портал Союза малых городов России. URL: <http://smgrf.ru/> (дата обращения: 28.10.2018).
18. Сайт «Моногорода РФ». URL: <http://моногорода.рф/> (дата обращения: 28.10.2018).
19. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года. М.: Фед. служба гос. статистики (Росстат), 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/mun_obr2017.rar (дата обращения: 20.10.2018).

Об авторах

Мизеровская Ульяна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва.

Рак Валентина Анатольевна – бакалавр профиля «Экономика города» кафедры региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва.

Для цитирования:

Мизеровская У.В., Рак В.А. Пространственная динамика численности населения малых городов Центральной России в постсоветский период // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 58–67.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-6

**Spatial changes in population
of Central Russia towns in the post-Soviet period**

U. V. Mizerovskaya, V. A. Rak

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),

**e-mail: mizerovskaya-uv@rudn.ru*

***e-mail: rak_yalya@mail.ru*

Small cities are the most vulnerable part of the urban settlement system of Russia: their depopulation has been rooted not only in the demographic crisis of the 1990s, but has also been triggered by the rapid migration outflows. In Central Russia, this process is more obvious due to Moscow metropolitan area which is absorbing the migration flows even from the big cities that are also losing their population. However, the pace of population shrinkage is not even and depends on the ability of the city's economy to make the most of the city's functional profile and adjust to the changes of the economic environment. This article focuses on the analysis of the most important factors which enable some small cities of Central Russia to maintain or even increase their population and cause population outflows from other cities. The article identifies the patterns of those factors in the spatial aspect. The results of the study suggest that the spatial dynamics of the population of Central Russia observed in the post-Soviet period leads to a thinning of the urban settlement framework which is a consequence of the transition of a number of medium-sized cities to the category of small ones and an increase in the share of "ultra-small" cities with a population of less than 10 thousand people.

Keywords: small cities, urban settlement system, the Central Federal District, satellite towns, industrial city, Moscow agglomeration.

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

УДК 910.3

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ЧЕШКО-АВСТРИЙСКИХ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

© 2019 г. Ю. А. Будяк*, Б. А. Гитер**, Е. А. Гречко***

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия*

**e-mail: budyak93@inbox.ru*

***e-mail: kafedragmh@yandex.ru*

****e-mail: grechko-gmh@yandex.ru*

Трансформация чешско-австрийского приграничья в послевоенное время связана с разрушением единого этнокультурного и экономического пространства под влиянием длительного периода непроницаемости границ и социально-экономического отставания. Этот период чешско-австрийских отношений не прошел бесследно, усилив ментальные границы между жителями Чехии и Австрии, что замедляет восстановление связей между странами. Важную роль в чешско-австрийском трансграничном сотрудничестве играют еврорегионы, ставшие инструментом углубления экономического взаимодействия и восстановления культурных связей. Среди действующих на территории Чешской Республики еврорегионов с участием Австрии (Шумава, Поморави, Сильва Нортица), лишь Сильва Нортица полностью основан на двустороннем чешско-австрийском сотрудничестве, направленном на устойчивое развитие приграничных территорий. В статье рассматриваются причины и последствия разрушения чешско-австрийских связей, а также процесс их восстановления на примере еврорегиона Сильва Нортица. Показана важность неэкономических факторов развития трансграничного сотрудничества. Несмотря на значительные успехи в развитии экономических связей между странами, особенно в сфере торговли и туризма, взаимодействие на приграничных территориях остаётся на низком уровне. Для активизации этого взаимодействия в рамках чешско-австрийских еврорегионов предпринимаются попытки создания «новых точек притяжения» путём объединения различных служб, например, пожарной.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, приграничные территории, еврорегион, ментальные границы, Чешская Республика, Австрия, Сильва Нортица.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-7

Введение и постановка проблемы. С середины XX в. идет активный процесс трансграничной регионализации, получивший наибольшее распространение в объединенной Европе, внутри которой барьерная функция границ постепенно утрачивает свое значение [18]. Формирование устойчивого взаимодействия между территориальными сообществами, находящимися по разные стороны от границы – необходимое условие перехода приграничных территорий в трансграничные регионы, которые активнее всего формируются там, где существует историческое единство приграничья

[21] (например, датско-шведский трансграничный регион).

Чешская Республика наряду со Словакией является правопреемницей Чехословакии, просуществовавшей в разных вариациях с 1918 по 1993 г. Современные границы Чехии были в основном сформированы Версальско-Вашингтонской системой мирных договоров в 1918–1919 гг. с некоторыми изменениями после Второй мировой войны (смещение чешско-польской границы на запад, сокращение и распад на два участка чешско-германской границы, обмен территориями между Чехией

Таблица 1. Характеристика государственной границы Чешской Республики

	ФРГ	Австрия	Южно-Чешский край – Нижняя Австрия	Польша	Словакия
Протяженность, км	818	460	224	796	252
в т.ч.:					
по горам	160	94	83	332	183
по рекам и озерам	8	37	23	26	42
Место по протяженности для Чехии для страны-соседа (всего)	1 2 (9)	3 4 (8)	–	2 1 (7)	4 3 (5)
Год последнего изменения (образования)	1955 (1918)	1955 (1918)	1955 (1918)	2014 (1958)	1997 (1993)
Число трансграничных переходов, шт., в том числе:					
автодороги с твердым покрытием	65	32	20	61	22
железные дороги	11	3	2	10	7
Загруженность автодорог, тыс. авто/сут.					
всево	112,9	42,8	16,3	81,0	55,5
показатель максимально загруженной дороги	15,2	9,0	5,1	10,8	15,9
Заселенность, чел./км ²	10–15	5–10	10–15	15–20	5–10

Составлено по: [29].

с одной стороны, и Германией, Польшей и Венгрией – с другой).

Чешско-австрийская граница (табл. 1) была восстановлена после Второй мировой войны в том виде, в котором она существовала в 1919 г. Крепкие исторические связи Чехии и Австрии, сформировавшиеся за время пребывания Чехии в составе Австрийского государства (королевство Богемия и маркграфство Моравия) с 1720 по 1918 г., были разорваны частично в связи с обретением Чехословакией независимости в 1918 г. и полностью – в 1945 г. после вхождения Чехословакии в состав мировой социалистической системы.

В настоящее время треть чешско-австрийской границы проходит по естественным препятствиям, что значительно увеличивает стоимость совместных трансграничных проектов, а само приграничье занято в основном природными резерватами. Исторически расселение чехов и немцев имело свои особенности, связанные с традиционной занятостью населения, и факторами ее определяющими. Так, немцы в горах и предгорьях (Рудные горы, Йизерские горы, Шумава) занимались сельским хозяйством, горнорудным делом (добычей угля, железа

и кварцевого песка), производством стекла, а чехи осваивали заключенную между горами Чешскую котловину [14].

До войны чешско-немецкое приграничье в широком смысле представляло собой целостную социально-экономическую систему, в рамках которой осуществлялось трансграничное взаимодействие не только гуманитарного, но и экономического характера. Значительная часть торгово-промышленного и банковского капитала находилась в руках этнических немцев, многие чехословацкие предприятия участвовали в кооперационных связях с австрийскими и германскими предприятиями и были ориентированы на немецкий и австрийский рынки. Так, например, большая часть комплектующих изделий для компании *Laurin & Klement Co*¹ поставлялась из Германии и Австрии, возвращаясь обратно в качестве готовой продукции.

Послевоенное развитие чешско-австрийских территорий привело к формированию здесь особого типа трансграничных регионов – *трансграничного региона с разорванными связями*. Чешский экономико-географ М. Гампл [15] применяет для характеристики чешско-австрийского приграничья понятие «опустошенные территории» («deserted

¹ В 1925 г. компания, выпускавшая велосипеды, а затем и автомобили, вошла в состав металлургической компании *Skoda Plzeň*, а сегодня ее наследницей является *Skoda Auto*, входящая в концерн *Volkswagen group*.

lands»)), подразумевая устойчивое экономическое отставание этих земель, что, в частности, выражается в более низком уровне ВВП на душу населения – на 20–30% ниже среднего по ЕС. Среди факторов разрыва трансграничных связей и отставания в развитии одним из важнейших, вероятно, является депортация немцев с приграничных территорий, что было впоследствии закреплено созданием «железного занавеса» и пограничного пояса.

Обзор ранее выполненных исследований по теме. Методологической основой исследования послужили работы российских и зарубежных ученых, касающиеся сущности трансграничного сотрудничества и его особенностей в разных регионах: А.Б. Волычука [3], Г.М. Федорова, В.С. Корнеева [10, 11], К. Велес-Ибаньеса, Дж. Хеймана [21], в частности еврорегионов и приграничного сотрудничества в Зарубежной Европе: М. Перкманна [18] А.В. Вовенды, В.А. Плотникова [2], А.В. Кузнецова [6], Н.А. Синяускас [8], К. Маккола [1].

В.А. Колосов уделяет большое внимание «политике памяти» и реликтовым границам [4]. Опираясь на его работы, авторы пытались использовать термин «фантомные границы» [5], подразумевающий несовпадение современных политических границ с историческими (реликтовыми) границами. Однако специфика чешско-австрийского приграничья требует иного понятия – «ментальные границы» – характеризующего связь исторических границ и взаимного восприятия соседствующих народов, пребывающих в разное время то в едином, то в отдельных политических пространствах. Ментальные границы связаны с изменением функций границ при неизменности их существования: здесь граница, в прошлом долгое время служившая барьером, даже после «открытия» продолжает восприниматься барьером, возможно, на несколько поколений вперед. Остановившись на чешско-австрийских отношениях, многие авторы утверждают, что важным фактором, сдерживающим двустороннее взаимодействие, является настороженное отношение двух народов друг к другу, основанное на стереотипах взаимного восприятия [9, 16].

Евроинтеграция играет большую роль в развитии двусторонних отношений, ослабляя ментальные границы [18]. Н.А. Синя-

ускас рассматривает еврорегионы как часть многоуровневой иерархической системы трансграничного сотрудничества, способствующей трансграничной регионализации [8], о которой пишут Г.М. Федоров и В.С. Корнеев [11]. Создание еврорегионов позволяет сделать трансграничное сотрудничество более интенсивным. Работы П. Бранды [12], В.В. Трухачева [9] и других авторов, рассматривающие еврорегионы в Чешской Республике [19] и чешско-австрийские отношения [9, 16] дают возможность провести сравнение чешско-австрийских еврорегионов («Сильва Нортица») с другими еврорегионами с участием Чехии (например, «Ниса»), позволяющее говорить о высокой роли ментальных границ в развитии трансграничного сотрудничества между Чехией и Австрией [12, 19].

Существование ментальных границ между Чехией и Австрией позволяет рассматривать чешско-австрийский трансграничный регион в соответствии с типологией трансграничных регионов А.С. Михайлова. Применяв кластерный подход к анализу трансграничного экономического сотрудничества балтийских стран, А.С. Михайлов [7] предложил типологию трансграничных регионов на основе исторически сложившихся и активно формирующихся экономических или социальных связей между странами. В контексте проведенных исследований сделано предположение о существовании трансграничных регионов с разорванными связями, сформировавшимися исторически в пределах единого общественного пространства, которое впоследствии было утеряно, например, чешско-австрийский трансграничный регион. Раскрыть особенности чешско-австрийского трансграничного региона позволяет анализ факторов трансформации границы и приграничных территорий Чехии [14] и Австрии, подкрепленный данными Б. Фроммера [13], К. Каплана [17], П. Ванека [20] о численности, размещении и переселении немецкоязычного населения Чехословакии до и после Второй мировой войны и приграничном режиме между Чехословакией и Австрией в 1955–1989 гг.

Полученные результаты исследования.
Факторы трансформации приграничных территорий Чехии и Австрии. Депортация немецкоязычного населения в 1945–

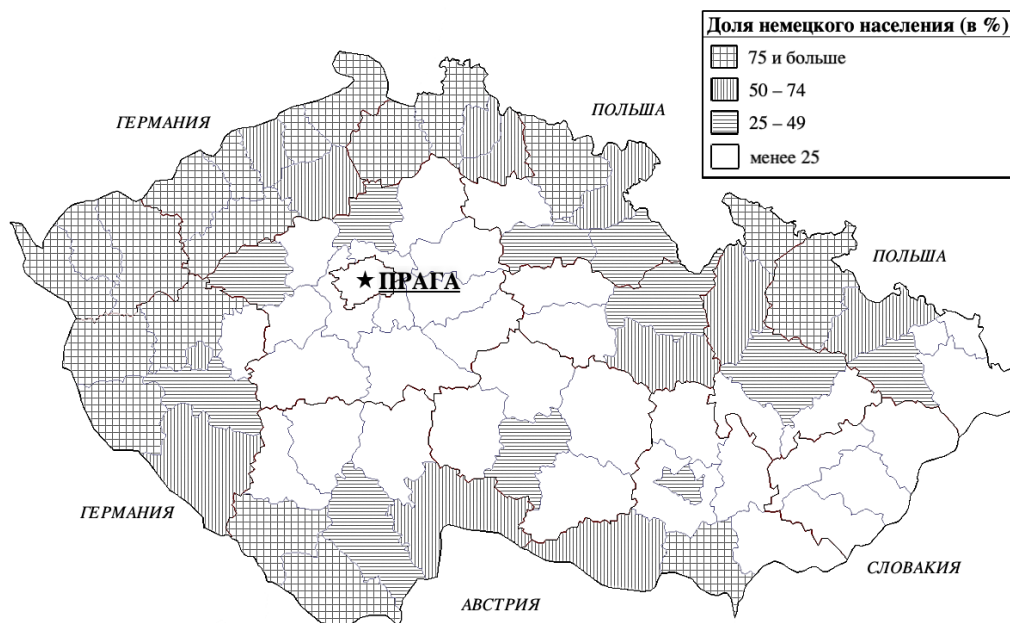

Рис. 1. Немецкое население в Чехии, 1938 г.
Составлено по: [34].

1946 г.,² сопровождавшаяся экспроприацией и стихийным насилием, имела колоссальные масштабы и последствия. Почти 3 млн немецкоязычных граждан Чехословакии были депортированы из страны в Германию и Австрию (около 600 тыс.). Оставшееся немецкоязычное население подверглось славянизации [17]. Возместить столь значительные человеческие ресурсы оказалось невозможным ни в качественном, ни в количественном отношении. Сегодня среди граждан Чехии к немецкоязычным себя относят около 18 тыс. человек, т.е. 0,2% населения страны, которые по-прежнему сосредоточены в приграничных регионах, но составляют меньшинство: 10% проживает в Либерецком крае, менее 5% – в Южночешском крае на границе с Австрией [23]. Для сравнения: в 1938 г. в современных границах Чехии проживало 3,3 млн немецкоязычных жителей, что составляло 30% населения (10,7 млн чел.), в то время как в приграничных с Германией и Австрией землях они составляли, как правило, большинство [14] (рис.1).

В 1955 г. после закрепления коммунистов у власти и заключения Варшавского договора был создан «железный занавес», что привело к усилению барьерной функции границы с Австрией на юге и Западной Германией на юго-западе страны. Был установлен *пограничный пояс* (*hraniční pásmo*), население которого было перемещено в центральные области Чехии. Здесь действовал режим ограниченного допуска, согласно которому пребывание в пограничном поясе было возможно только на основании специального разрешения. Устойчивость барьерной функции границы подчеркивали мощные заградительные сооружения и военная инфраструктура (военные городки, аэродромы и пр.), возведенные Чехословакией и странами Варшавского договора, несмотря на нейтралитет австрийской стороны [20]. «Железный занавес» нашел отражение в менталитете жителей по обе стороны чешско-австрийской границы и их взаимном «прохладном» восприятии друг друга.

² Депортация происходила согласно декретам Бенеша – 143 декрета, принятые Президентом Чехословакии Э. Бенешем в 1940–1945 гг. (ратифицированы в 1946 г.), в соответствии с которыми немецкоязычное население было изгнано из страны, лишено гражданства и имущества.

Отпечаток полярности существовавших общественных систем отчетливо прослеживается в сложившихся по разные стороны границы сельскохозяйственных укладах. Как отмечает доцент природоведческого факультета Карлова университета в Праге И. Бичик, на чешской стороне располагаются крупные землевладения, принадлежащие сельскохозяйственным организациям, которые стали наследницами традиционных для социалистической системы совхозов и колхозов. На австрийской стороне расположены мелкие земельные наделы, принадлежащие частным лицам и фермерским хозяйствам, многие из которых находятся в руках одних и тех же семей на протяжении трех-четырех поколений. При этом в центральной части чешско-австрийской границы (Южночешский край) обнаруживается в целом единая система расселения, для которой характерно отсутствие крупных городских поселений с австрийской стороны, что снижает социально-экономический потенциал трансграничного сотрудничества.

Современное состояние приграничных территорий в Чехии во многом определяется *гипертрофированным положением Пражской агломерации* в социально-экономическом развитии страны. По данным Евростата, на Прагу приходится 10% населения и 45% ВВП Чехии [31]. Усиление роли Праги в 1950–1980-х гг. связано как с закономерным процессом урбанизации (крупнейшие города в системе расселения растут быстрее других городов), так и с особенностями социалистического пути (стратегически важные промышленные предприятия строились в столичном регионе, а *территории в пограничном поясе сознательно не развивали*). В постсоциалистический период тенденция усиления Праги сохранилась: в частности, большая часть финансирования ЕС, направленного на выравнивание социально-экономического развития регионов, поступает в Среднечешский край, непосредственно граничащий со столичной агломерацией [33], что определяется наличием высококвалифицированного персонала и рынков сбыта. Приграничные же территории мало конкурентоспособны в этом отношении,

а потому привлекают значительно меньше инвестиций и развиваются медленнее.

Разрушенное историческое единство Чехии и Австрии обусловило формирование трансграничного региона с разорванными связями³, для которого характерно общее культурное и экономическое прошлое, сменившееся почти полным отсутствием трансграничного сотрудничества. После преодоления Чехией острого экономического кризиса, связанного в том числе с разрушением социалистической системы (в середине 1990-х гг.), присоединения к ЕС (2004 г.) и Шенгенскому соглашению (2007 г.) возникли объективные предпосылки к активизации трансграничного сотрудничества на приграничных территориях Чехии и Австрии. Однако процесс восстановления ранее разорванных связей идет очень медленно: лишь к настоящему моменту сотрудничество приобрело зримые черты, причем немаловажную роль в этом играют еврорегионы.

Еврорегионы в Чешской Республике.

Еврорегионы являются одной из самых перспективных форм трансграничного сотрудничества, представляя собой ассоциации приграничных регионов и муниципалитетов разных стран Европейского союза либо граничащих с ним государств, между которыми заключено соглашение о сотрудничестве, предметом которого выступают различные сферы деятельности, относящиеся к компетенции соответствующего уровня [10, с. 82]. Развитие приграничного взаимодействия в рамках еврорегионов является одним из основных направлений региональной политики ЕС, особенно в отношении постсоциалистических стран. Национальные правительства заинтересованы в развитии еврорегионов, так как это дает доступ к иностранным инвестициям, позволяет разделить расходы за счет участия в совместных проектах [22]. Еврорегионы выполняют важные функции: предоставляют площадку для обсуждения и мониторинга трансграничных процессов и проблем, и выработки совместных решений, а также финансовую и организационную поддержку гражданских инициатив [11].

По сравнению с западноевропейскими странами в Чехии еврорегионы создавались согласно международным договорам с сосед-

³ Часто к таким трансграничным регионам относят приграничные территории, которые в настоящее время находятся по разные стороны государственной границы, а раньше являлись составной частью единого государственного образования [5], например, приграничные территории Румынии и Молдовы.

Таблица 2. Еврорегионы с участием Чешской Республики

№	Название	Год создания	Страны-участницы*
1	Ниса (Nisa)	1991	Германия, Польша
2	Эльба-Лаба (Elbe-Labe)	1992	Германия
3	Рудные горы (Krušnohoří)	1992	Германия
4	Эгрэнзис (Egrensis)	1993	Германия
5	Шумава / Баварский лес – Богемский лес	1994	Германия, Австрия
6	Глацензис (Glacensis)	1996	Польша
7	Прадед (Praděd)	1997	Польша
8	Силезия (Silesia)	1998	Польша
9	Тешинская Силезия (Těšínské Slezsko)	1998	Польша
10	Поморави (Pomoraví)	1999	Австрия, Словакия
11	Бескиды (Beskydy)	2000	Польша, Словакия
12	Белые Карпаты (Bílé Karpaty)	2000	Словакия
13	Добрава (Dobrava)	2001	Польша
14	Сильва Нортица (Silva Nortica)	2002	Австрия

*Помимо Чешской Республики
Составлено по: [19, 25].

ними странами и национальным программам, т.е. «сверху». Еврорегионы в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) призваны восстановить трансграничное сотрудничество между странами и ускорить евроинтеграцию, в связи с чем они активно поддерживаются ЕС финансово, главным образом, через Европейский фонд регионального развития (INTERREG), на который приходится до 60–80% всех бюджетов еврорегионов ЦВЕ [1].

Первая попытка наладить трансграничное сотрудничество со своими соседями Чехословакия предприняла в 1991 г. на уровне муниципалитетов двух городов Хеб в Карловарском крае и Вайден в Нижнем Пфальце в Баварии, которые первыми апробировали безвизовый режим в ЦВЕ. В это же время возник первый еврорегион в Чехии, которым стал еврорегион Ниса, расположенный на территории трех государств – Чехии, Германии и Польши, и образованный тремя национальными ассоциациями, каждая из которых является отдельным юридическим лицом [6]. Это определяет некоторые организационные особенности, например, вместо головного офиса Ниса имеет три оперативных штаба в городах Либерец, Циттау и Еленя-гура, каждый из которых поочередно принимает съезд руководящих органов. Финансирование еврорегиона составляет 64 млн евро, причем доля европейских фондов – 74% (табл. 3).

Постепенно в процесс создания еврорегионов вовлекались все новые части чешской границы (табл. 2), главным образом с Германией. Здесь появились еврорегионы Лаба, Эгрэнзис, Рудные горы. В 1996 г. к этому процессу подключилась Польша, на границе с которой появились новые чешско-польские еврорегионы Глацензис, Силезия, Прадед. Еврорегионы с участием Австрии и Словакии появились позднее. Австрия не сразу присоединилась к процессу трансграничной регионализации в рамках чешских еврорегионов, постепенно восстанавливая потенциал трансграничного сотрудничества за счет создания еврорегионов с участием третьих стран. Так, с большим интервалом появились еврорегионы Шумава (1994 г.) на границе с Австрией и Германией и Поморави (1999 г.) на границе с Австрией и Словакией, а еврорегион Сильва Нортица (2002 г.), полностью основанный на чешско-австрийском взаимодействии был создан одним из последних. Сегодня на территории Чехии действует 14 еврорегионов, в том числе 3 с участием Австрии, из них лишь Сильва Нортица полностью основан на двустороннем чешско-австрийском сотрудничестве.

Еврорегион Сильва Нортица: опыт восстановления связей в чешско-австрийском приграничье. Еврорегион Сильва Нортица⁴, названный по древнеримскому названию

⁴ Еврорегион Сильва Нортица включает в себя четыре муниципалитета с чешской стороны: Йиндржихув-Градец, Писек, Табор, Ческе-Будевице, и пять с австрийской: Гмюнд, Хорн, Кремс, Цветль, Вайдхофен-на-Тайе.

Таблица 3. Еврорегионы Ниса и Сильва Нортица, 2016 г.

Показатель	Ниса	Сильва Нортица
Головной офис	Либерец, Циттау, Еленягура (головной офис мигрирует между ними)	Ческе-Будеевице
Форма организации	Три отдельных ассоциации	Единое образование
Площадь (тыс. кв. км), в т.ч.:	13,1	11,8
– чешская часть	24%	58%
– германская часть	35%	–
– австрийская часть	–	42%
– польская часть	41%	–
Население (тыс. чел.), в т.ч.:	1 156	851
– чешская часть	28%	67%
– германская часть	36%	–
– австрийская часть	–	33%
– польская часть	36%	–
ВВП на душу населения (тыс. евро):		
– чешская часть	21,4	18,9
– германская часть	32,6	–
– австрийская часть	–	25,3
– польская часть	18,2	–
Внутрирегиональный туристический поток (тыс. прибытий в год)*	32,12	4,92
Маятниковая миграция (тыс. чел. в день)	7	9
Доля резидентов, посещающих соседнюю часть регулярно:		
– чешская часть	7%	10%
– германская часть	–	12%
– австрийская часть	14%	–
– польская часть	–	18%
Размер бюджета (млн евро)*	64	138
Источники финансирования (%)*:	100	100
– чешский бюджет	8	9
– германский бюджет	10	–
– австрийский бюджет	–	5
– польский бюджет	4	–
– европейские фонды	74	86
– частные средства	4	–
Направления трансграничного сотрудничества* (доля от расходной части бюджета)	Энергетика (39%) Инфраструктура (29%) Экология (20%) Культура (10%)	Туризм (41%) Инфраструктура (29%) Промышленность (18%) Культура (12%)

*Усредненные показатели за 2011–2016 гг.
Составлено по: [12, 26, 27].

местности Северный Лес в Австрии, основан в 2002 г. в рамках договора о приграничном сотрудничестве между Чехией и Австрией. Сильва Нортица включает муниципалитеты Южночешского края и федеральной земли Нижняя Австрия, однако предусмотрено и сотрудничество с краем Высочина и еврорегионом Шумава. В качестве цели создания еврорегиона Сильва Нортица декларируется *устойчивое развитие приграничных территорий посредством экономического сотрудничества и устранения различий по разные стороны от чешско-австрийской границы*. Среди главных задач еврорегиона:

- а) совместное межрегиональное планирование;
 - б) развитие общей инфраструктуры;
 - в) развитие центров занятости и сотрудничества между жителями;
 - г) высокое качество жизни и развитие гражданского общества;
 - д) развитие трансграничного туризма [26].
- Задачи по совместному планированию и стимулированию трансграничного сотрудничества постепенно решаются. Идет активный обмен опытом на уровне органов местного самоуправления. Создано единое пространство здравоохранения – любой гражданин

Таблица 4. Основные направления чешско-австрийского трансграничного сотрудничества в рамках еврорегиона Сильва Нортица

Направления сотрудничества	Доля от расходной части бюджета, %*	Проекты
Туризм	41	– развитие «региона Ренессанс»; – льготы и кредиты на строительство гостиниц
Инфраструктура	29	– реконструкция автодорог (Ческе-Будеевице – Фрайстланд); – реконструкция узкоколейной ж/д (Тельч – Гмюнд)
Промышленность	18	– создание промышленного парка в приграничной зоне (Ческе-Веленице – Гмюнд)
Культура	12	– создание двуязычной языковой среды; – проведение культурных фестивалей и научных конференций по трансграничной тематике

*Усредненные показатели за 2011–2016 гг.
Составлено по: [26].

муниципалитета может обратиться в соседнюю страну с целью получения необходимых медицинских услуг. В целях языковой практики реализовано более 160 проектов обмена на уровне школ (2005–2013 гг.). Ведется большая работа по созданию дружественной языковой среды (информационные знаки, буклеты, СМИ, научные публикации). Проводятся культурные фестивали, научные конференции по трансграничной тематике, развивается гостиничная инфраструктура, реконструируются объекты культурного наследия (главным образом, на чешской стороне). Особый упор делается на развитие трансграничной инфраструктуры. В процессе реализации ряд проектов по реконструкции автомобильных и железных дорог, в том числе трасса 3/126 на участке Ческе-Будеевице – Фрайстланд; узкоколейная трансграничная железная дорога, электрификация железнодорожной линии Ческе-Будеевице – Ческе-Веленице – Гмюнд [26].

Большое значение имеет создание *трансграничных промышленных парков*. Например, в приграничной зоне Ческе-Веленице – Гмюнд функционирует чешско-австрийский индустриальный парк «Access» общей площадью 83 га, из которых 50 га находится на чешской стороне. Создание этого индустриального парка началось еще в 1990-е гг. За эти годы полностью подготовлена инфраструктура для создания новых промышленных предприятий, куда интегрированы бизнес-инкубатор и консультационный центр.

В сравнении с другими вариантами размещения предприятий «Access» дает дополнительные преимущества:

- доступ к рынкам обеих стран, обеспечивающий трансграничные закупки и продажи;
- высокий потенциал хорошо обученной рабочей силы;
- упрощенное пересечение границы трансграничными производственными потоками;
- консультации по созданию новых предприятий;
- современная инфраструктура, включающая железнодорожный подъезд и сеть централизованного теплоснабжения.

Инвесторы получают доступ к юридическим и финансовым услугам, услугам переводчиков и специалистов по подбору персонала, и самое главное – поддержку при работе с органами власти и государственными учреждениями обеих стран. В трансграничном промышленном парке «Access» представлены: производство автокомпонентов, конструкционных материалов (например, высококачественных стальных труб со стекловолокном), оборудования для швейной промышленности⁵; деревообработка, телекоммуникации, транспорт и логистика [28].

Отдельно стоит остановиться на программе развития трансграничного туризма, реализуемой совместно с чешским краем Высочина. Юго-западная Высочина, непосредственно граничит с близлежащим

⁵ Поставщик компаний по производству швейного оборудования MARS в чешско-австрийском промышленном парке функционирует как трансграничный территориально-производственный комплекс. Предприятие расположено в 50 м по обе стороны границы, причем производственные потоки и сотрудники беспрепятственно пересекают границу в соответствии с технологическим циклом (см. подробнее [28]).

еврорегионом Сильва Нортица, но не входит в него, а лишь участвует в качестве партнера. Однако район активно использует выгоды приграничного сотрудничества и, прежде всего, это относится к городам так называемого «Региона Ренессанса» – Тршебонь, Тельч (и южночешские Дачице и Славонице). Концепция «региона» была разработана как объединение исторически связанных городов, отличающихся архитектурой эпохи Возрождения и находящихся на стыке Богемии, Моравии и Австрии. Регион объединил 120 муниципалитетов с общей численностью почти в 60 тыс. чел., что, по словам мэра города Тельч Р. Фабеша, позволяет входящим в него городам быть более конкурентоспособными за счет экономии на совместной инфраструктуре и создания единого *трансграничного туристского продукта*. С австрийской стороны в его разработке принимают участие Гмюнд и Шремс, привлекающие природными парками, Вайтра, обладающий архитектурой эпохи Ренессанс, и известный цистерцианским аббатством Цветль.

Жемчужиной «Региона Ренессанс», как и всего края Высочина, является город Тельч, одним из первых в Чехии (наряду с Прагой и Чески-Крумловом) включенный в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 1992 г. Идея подать единую заявку в ЮНЕСКО от всего «Региона Ренессанс» не встретила поддержки в приграничных городах Дачице и Славонице, население которых было занято обслуживанием государственной границы (охрана, таможня и др.). Со временем стало ясно, что это было стратегически неверно, так как, благодаря статусу ЮНЕСКО, Тельч превратился в самый посещаемый город не только в крае Высочина, но и в Южночешском крае (без учета Чески-Крумлова) – в 2016 г. его посетило почти 92 тыс. чел., из которых 28 тыс. чел. – иностранцы. Тельч, как и другие города «Региона Ренессанс», участвует в создании трансграничных туристских продуктов. Например, в 2009 г. в Тельче был проведен первый Приграничный чешско-австрийский фестиваль, в котором приняли участие 119 тыс. человек, почти половина из которых – австрийцы, что впервые изменило традиционное соотношение

австрийских и азиатских туристов в пользу австрийцев: вместо традиционных 24% австрийских и 46% туристов из Азии – 45% и 32% соответственно⁶ [24]. Регулярное проведение приграничных фестивалей позволило почти вдвое увеличить туристический поток.

Перспективы восстановления чешско-австрийских трансграничных связей. Сегодня чешско-австрийская граница пронизана на пути людских, товарных, финансовых и информационных потоков. Чешско-австрийские отношения постепенно теплеют, восстанавливаются экономические и культурные связи. Страны идут по пути решения текущих проблем, восстанавливая, прежде всего, экономическое сотрудничество. Растет внешнеторговый оборот товаров между Чехией и Австрией: с 1992 г. он увеличился в 8,6 раз, составив по итогам 2016 г. 1 080 млн евро⁷ [30]. Наибольшие успехи достигнуты в развитии трансграничных туристических потоков. Только за последние годы (2012–2016 гг.) приток туристов из Австрии в Чехию увеличился на 33% (до 283 тыс. прибытий в 2016 г.), а Южночешский край стал на 40% более посещаемым австрийцами за аналогичный период [23].

Развитию сотрудничества в чешско-австрийском приграничье препятствует *недостаточный уровень транспортной инфраструктуры*. Согласно социологическому опросу, проведенному в еврорегионе Шумава, каждодневные приграничные поездки совершают лишь 14% австрийских и 7% чешских граждан, а 52% респондентов посещают приграничную территорию соседней страны лишь несколько раз в год [14]. Во многом это результат того, что чешско-австрийскую границу пересекает лишь 7 железнодорожных и автомобильных трасс, (для сравнения: бывшую границу Чехословакии и ГДР – 33) [29]. Вывести инфраструктуру чешско-австрийского трансграничного региона на сопоставимый уровень с трансграничным регионом Чехии и Саксонии – сложная задача, поэтому финансирование проектов в области инфраструктуры находится на втором месте после туризма (в еврорегионе Сильва Нортица, например, на проекты в области инфраструктуры приходится 29% всего финансирования (табл. 4).

⁶ Доля от всех иностранных туристов, посетивших Тельч за календарный год.

⁷ Необходимо учесть, что главные внешнеторговые потоки Чехии и Австрии направлены в ФРГ и обратно. Австрия не входит в пятерку важнейших торговых партнеров Чехии, тогда как Чехия является вторым по объему импорта партнером Австрии (4%).

Восстановление гуманитарных связей идет гораздо труднее, поскольку сильны ментальные границы – накопившиеся за годы разрыва представления людей, мешающие трансграничному взаимодействию. Основные разногласия в чешско-австрийских отношениях, подкрепляющие ментальные границы между странами, лежат в плоскости до сих пор неразрешенных вопросов⁸, касающихся компенсаций депортированным «судетским» немцам и их потомкам. В 1991 г. Федеральным собранием Чехии были приняты реституционные законы, не подразумевающие тем не менее возврат собственности тем, кто потерял ее согласно «декретам Бенеша». Несмотря на ряд прецедентов, среди которых передача половины имущества пражской фабрики *Koh-i-Noor* потомкам ее основателя, большинству «судетских» немцев в реституции было отказано [32]. Ситуация остается крайне острой. Позиция чешской стороны принципиальна и опирается на нежелание менять прошлое, австрийцы же «обижены» и продолжают добиваться компенсации. Как отмечают и чешские и австрийские исследователи, это «отравляет» отношения между близкими народами и продолжает препятствовать развитию полноценного трансграничного сотрудничества [9].

В контексте преодоления ментальных границ важны проекты в сфере «политики памяти», интенсивные обмены и дискуссии [4], которых на локальном уровне пока явно недостаточно. Такие мероприятия, как Приграничный фестиваль в городе Тельч,

привлекающий большое число чехов и австрийцев, создают площадку для обновления культурных связей. К прогрессивным инициативам можно отнести совместные учебные обмены и программы, в частности по изучению языков стран-соседей. Перспективна идущая в рамках еврорегионов организация совместных трансграничных служб (пожарных, экологических, скорой помощи), что создает новые объекты притяжения по обе стороны границы и оптимизирует расходы местных бюджетов. У людей, живущих по разные стороны границы, появляются стимулы для ее пересечения и взаимодействия.

Выводы. Восстановление разорванных связей является процессом длительным, осложненным непростым историческим наследием и его неоднозначным пониманием по разные стороны границы. Трансграничное сотрудничество на приграничных территориях Чехии и Австрии развивается, несмотря на проблемы в чешско-австрийских отношениях.

Развитие инициатив, создающих «плюса притяжения» с обеих сторон, ослабляет ментальные границы, в частности за счет роста межличностных контактов, и усиливает разностороннее взаимодействие в рамках еврорегионов. Подобная динамика при сохранении стабильной политической и экономической ситуации в перспективе позволит рассматривать чешско-австрийское приграничье как полноценный трансграничный регион с восстановленными историческими связями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введение в исследования границ / под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 192–211.
2. *Вовенда А.В., Плотников В.А.* Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // Балтийский регион. 2011. № 4. С. 60–68.
3. *Волынчук А.Б.* Трансграничный регион: теоретические основы геополитического исследования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 49–55.
4. *Колосов В.А.* Сражения за историю, памятные места и государственное строительство на постсоветском пространстве // В фокусе наследия. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 2017. С. 207–219.
5. *Колосов В.А.* Фантомные границы как феномен в политической географии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2017. № 5. С. 3–11.
6. *Кузнецов А.В.* Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. 2008. № 2. С. 48–59.
7. *Михайлов А.С.* География международных кластеров в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2014. № 1. С. 149–163.
8. *Синяускас Н.А.* Особенности российского трансграничного регионализма // Terra Economicus. 2013. Т. 11, № 3, Ч. 3. С. 145–149.

⁸ Именно нерешенный вопрос с возмещением ущерба высланным немцам вместе с требованием свернуть деятельность атомной станции Темелин долгое время позволяли Австрии тормозить вступление Чехии в ЕС. Если обострение ситуации вокруг АЭС Темелин происходит волнообразно, то вопрос о депортированных немцах в корне разрушает родство чешского и австрийского народов, которое отмечается многими авторами [9].

9. Трухачев В.В. Чешско-австрийские отношения в 1998-2007 гг. (Политические и социально-экономические аспекты). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.
10. Федоров Г.М., Корнеевец В.С. Еврорегионы – новый формат взаимодействия // Космополис. 2008. № 2. С. 79–85.
11. Федоров Г.М., Корнеевец В.С. Трансграничная регионализация в условиях глобализации // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 103–114.
12. Branda P. Euroregiony v České republice komparativní analýza // Současná Evropa. 2009. № 1. P. 71–101.
13. Frommer B. Národní očista: retribuce v poválečném Československu. Praha: Academia. 2010. 506 p.
14. Geografická Analýza Pohraničí České Republiky. Jeřábek M. (eds.). Ústí nad Labem: Sociologický ústav Akademie věd České republiky, 2010. 156 p.
15. Hampel M. Geografická organizace společnosti v České republice: transformační procesy a jejich obecný kontext. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2005. 147 p.
16. Heiss G., Králová K., Pešek J., Rathkolb O. Česko a Rakousko po konci studené války: různými cestami do nové Evropy. Ústí nad Labem: Albis International. 2009. 474 p.
17. Kaplan K. Československo v poválečné Evropě. Praha: Karolinum. 2004. 408 p.
18. Perkmann M. Cross-border Regions in Europe: Significance and Drivers of Regional Cross-Border Co-operation // European Urban and Regional Studies. 2003. № 10. P. 153–171.
19. Poštolka V., Branda P. Cross-border Cooperation, Euroregions and the Neisse-Nisa-Nysa Euroregion // Regionální studia. 2009. № 1. P. 2–11.
20. Vaněk P. Pohraniční stráž a pokusy o přechod státní hranice v letech 1951–1955. Praha: Ústav pro studium totalitních režimů, 2008. 215 p.
21. Vélez-Ibáñez C.G., Heyman J. The U.S. – Mexico Transborder Region: Cultural Dynamics and Historical Interaction. New York: University of Arizona Press, 2010. 408 p.
22. Капарова А.Б., Четверикова Ю.Н. Еврорегионы как инструмент региональной экономики. URL: <http://ego.uara.ru/ru/issue/2014/02/08/> (дата обращения: 22.04.2019).
23. Официальный сайт администрации Южночешского края (Jihočeský Region). URL: <http://www.kraj-jihocesky.cz> (дата обращения: 28.04.2019).
24. Официальный сайт чешского города Тельч (Telč). URL: <https://www.telc.eu> (дата обращения: 18.04.2019).
25. Официальный сайт Европейского региона Дунай-Влтава (Evropský region Dunaj-Vltava (ERDV)). URL: <http://www.evropskyregion.cz> (дата обращения: 09.04.2019).
26. Официальный сайт еврорегиона Сильва Нортица (Silva Nortica). URL: <http://www.silvanortica.com> (дата обращения: 13.02.2019).
27. Официальный сайт еврорегиона Ниса (Niesse/Nisa/Nysa). URL: <http://www.niesse-nisa-nysa.org> (дата обращения: 20.04.2019).
28. Официальный сайт промышленного парка Гмюнд – Ческе-Веленице (Access industrial park Gmünd - České Velenice). URL: <http://www.access.co.at/> (дата обращения: 07.04.2019).
29. Официальный сайт Министерства развития транспорта Чешской Республики (Celostátní sčítání dopravy). URL: <http://scitani2016.rsd.cz> (дата обращения: 05.05.2019).
30. Официальный сайт статистического департамента Чешской республики (Český statistický úřad). URL: <https://www.czso.cz> (дата обращения: 10.04.2019).
31. Официальный сайт статистической службы Европейского союза (Евростат) // <http://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 16.04.2019).
32. Правды чешской реституции. // Чехия – Панорама, 2010. URL: <http://czpanorama.ru/content/view/488/33/29> (дата обращения: 24.04.2019).
33. Evropské Seskupení Územní Spolupráce li Příklady // Institut EuroSchola. URL: http://www.euroschola.cz/Files/File/Skripta%20ESUS_prikklady.pdf (дата обращения: 20.04.2019).
34. Statistický lexikon obcí v Republice československé I. Země česká. II. Země moravskoslezská. Prague, 1935. URL: <https://www.czso.cz/csu/czso/historicky-lexikon-obci-1869-az-2015> (дата обращения: 27.05.2019).

Об авторах

Будяк Юрий Игоревич – аспирант кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Гитер Борис Александрович – сотрудник кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Гречко Елена Александровна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Будяк Ю.И., Гитер Б.А., Гречко Е.А. Трансграничное сотрудничество на чешско-австрийских приграничных территориях // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 68–79.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-7

Cross-border cooperation in the Czech-Austrian borderland**Yu. I. Budiak^{*}, B. A. Giter^{**}, E. A. Grechko^{***}***Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia**^{*}e-mail: budyak93@inbox.ru**^{**}e-mail: kafedragmh@yandex.ru**^{***}e-mail: grechko-gmh@yandex.ru*

After WWII the transformation of the Czech-Austrian borderlands is connected with destruction of single ethno-cultural and economic space, lengthy period of the border impenetrability, social and economic backwardness of the borderlands. That period of Czech-Austrian relations has had lasting impact, strengthening the mental borders between the Austrian and the Czech that slows the recovery of the ties. The Czech-Austrian interaction within the framework of euroregions play a significant role in the revival of relationships. Among the existing in the Czech Republic euroregions with the participation of Austria (Shumava, Pomoravi, Silva Nartica), only Silva Nartica completely based on bilateral Czech-Austrian cooperation for the sustainable development of border areas. The article examines causes and consequences of the Czech-Austrian ties destruction, as well as the process of their recovery using the case of the Euroregion Silva Nartica. In the paper, we showed the importance of non-economic factors in the development of cross-border cooperation. Despite significant progress in the economic relations between Austria and the Czech Republic, especially in trade and tourism, the interaction in the borderlands remains low. To enhance this interaction, the countries attempts to create new "points of attraction" by consolidation of public services, for example, fire department within the euroregions.

Keywords: cross-border cooperation, borderlands, euroregion, mental borders, the Czech Republic, Austria, Silva Nartica.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 628.1

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫМ ВОДОСНАБЖЕНИЕМ И БЕЗОПАСНОЙ ПИТЬЕВОЙ ВОДОЙ

© 2019 г. А. П. Демин

*Институт водных проблем РАН, Москва, Россия
e-mail: deminap@mail.ru*

Дан обзор изученности проблемы централизованного водоснабжения и обеспечения населения питьевой водой в масштабах России. Приведены сведения об обеспеченности жилого фонда федеральных округов централизованным водоснабжением в 2000–2017 гг. Показан рост изношенности водопроводной сети и его влияние на увеличение доли утечек в общем объеме воды, поданной в сеть. Состояние водопроводно-канализационного хозяйства оценивается как кризисное. Число аварий в системе водопровода после 2005 г. сокращается, но все еще в 2–3 раза превышает европейские показатели. Забор воды из подземных источников для хозяйственно-питьевого водоснабжения составляет в среднем по России около 47% общего объема воды, использованного на эти цели. Водозаборы из поверхностных водных объектов не имеют необходимого комплекса очистных сооружений и не обеспечивают полноты обеззараживания и очистки воды. Среднесуточное водопотребление городского и сельского жителя в результате внедрения комплекса водосберегающих мероприятий снизилось на 110 л, или 43%. За 2000–2017 гг. удельный вес неудовлетворительных проб по санитарно-химическим показателям в водоемах первой категории снизился всего на 2 процентных пункта, по микробиологическим показателям – на 5,5. Основной причиной санитарного неблагополучия источников централизованного водоснабжения является отсутствие зон санитарной охраны.

Ключевые слова: централизованное водоснабжение, изношенность водопроводной сети, утечки воды, подземные воды, удельное водопотребление, безопасная питьевая вода.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-8

Введение и постановка проблемы. К важнейшим глобальным экологическим проблемам современности относятся: загрязнение атмосферного воздуха, воды и почвы; истощение природных ресурсов; потеря биоразнообразия; изменение климата и др. Загрязнение поверхностных и подземных пресных вод является главной причиной плохого качества питьевой воды и ежегодной преждевременной гибели большого количества людей. Так, по данным [19], ограничение доступа к чистой питьевой воде, характерное для развивающихся стран, ежегодно обуславливает смерть более 3 млн человек.

По объему возобновляемых водных ресурсов Россия занимает второе место в мире (после Бразилии). Из крупных стран мира

Россия одна из немногих, где показатель удельной водообеспеченности (в расчете на 1 чел.) находится на достаточно высоком уровне. Пресные водные ресурсы – это наше национальное достояние, наше богатство. Однако распоряжаемся мы этим богатством неэффективно.

В России обеспечение населения качественной питьевой водой становится одной из приоритетных проблем государственной политики, направленной на сохранение здоровья и улучшение условий проживания. Однако до сих пор большое количество жителей пользуются децентрализованными источниками водоснабжения или водой, не прошедшей необходимую водоподготовку. Более 15% водопроводов не соответствует

санитарно-эпидемиологическим требованиям. Основными причинами неудовлетворительного качества питьевой воды являются: антропогенное загрязнение поверхностных и подземных вод, отсутствие или ненадлежащее состояние зон санитарной охраны водисточников, использование старых технологических решений водоподготовки, низкое санитарно-техническое состояние существующих водопроводных сетей и сооружений. Привозную воду в качестве питьевой воды в 2017 г. использовали 0,75 млн чел. [13]. Особенно велика доля населения, использующего привозную воду, в Якутии и Калмыкии, где привозной водой пользовались соответственно 23 и 11% населения.

Изученность проблемы. Обобщающих работ, в которых комплексно анализируются проблемы централизованного водоснабжения и обеспечение населения питьевой водой в масштабах России, тем более в динамике, крайне мало [4, 5, 6, 7]. Подавляющее большинство публикаций носит региональный характер, данные приводятся обычно за небольшое число лет.

Автором данной статьи в исследовании [4] приведены данные по забору воды жилищно-коммунальным хозяйством, использованию воды отдельно на хозяйственно-питьевые цели и сельскохозяйственное водоснабжение за период 1970–2000 гг. в целом по России. Представлены показатели по удельному использованию воды на хозяйственно-питьевые нужды в разрезе экономических районов за этот же период. Выполнен региональный анализ потребления воды из систем сельскохозяйственного водоснабжения.

Л.А. Деминой [7] на основе статистического отчета Центра муниципальной экономики и права исследовался вопрос водоснабжения и водоотведения в российских регионах. Наиболее подробно (в табличной форме) показано состояние дел во всех субъектах федерации Центрального федерального округа. Приведена доля населения, обеспеченного водопроводом и канализацией в городах, поселках городского типа и на селе. Выявлены огромные различия в объемах потребления воды жителями столиц регионов, остальных городских поселений и сельских населенных пунктов. Показано, что десятки миллионов человек потребляет воду без какой-либо предварительной очистки. Приведены данные по доле воды теряемой в сетях при транспорти-

ровке для многих регионов России. К сожалению, все показатели приведены только за 2007 г., что не позволяет судить о направленности и темпах развития процессов в водопроводно-канализационном хозяйстве.

В работе [5] приведены данные об обеспеченности жилищного фонда всех субъектов РФ централизованным водоснабжением и доле утечек за 2000–2011 гг. Показано, что рост изношенности водопроводной сети приводит к увеличению доли утечек воды. Выявлено, что объем использования подземных вод снизился во всех федеральных округах. Указаны причины значительного снижения удельного водопотребления на хозяйственно-питьевые нужды.

С.А. Бойцовым с соавторами доказана существенная связь между уровнем обеспеченности жилищно-коммунальной инфраструктурой и общественным здоровьем населения [1]. По результатам исследования во всех регионах России установлены отрицательные статистически значимые взаимосвязи между величиной потерянных годов продолжительности жизни и удельным весом площади жилых помещений, оборудованных водопроводом, горячим водоснабжением и канализацией.

Вопросы водопользования в целом по России и на уровне отдельных регионов рассмотрены в [17]. Здесь анализируется оценка водообеспеченности территории России, государственные программы по развитию водохозяйственного комплекса и обеспечению населения чистой питьевой водой, принятые в регионах. Проблемы обеспечения гигиенической надежности питьевого водопользования в регионах Российской Федерации исследуются в [20]. Показано, что оптимизация условий водопользования должна базироваться на учете региональных особенностей формирования качества воды источников водоснабжения, учете эффективности региональных водоохраных программ, программ водоподготовки, координации деятельности хозяйствующих субъектов и надзорных органов в управлении качеством воды.

В работе [12] в том числе исследуется динамика водопользования на хозяйственно-питьевые нужды в субъектах Западной Сибири с 2000 по 2014 г. Показано устойчивое снижение водопотребления на эти нужды в регионе. В работе [18] показана структура водопользования населения крупных и сред-

них городов Кемеровской области в среднем за 1996–2000 гг.

Однако вопрос региональных особенностей обеспечения жителей России централизованным водоснабжением и безопасной питьевой водой до сих пор остается недостаточно изученным. Слабо представлены данные по утечкам воды в водопроводной сети отдельных регионов, оснащенности сооружениями предварительной очистки воды. Недостаточно изучен вопрос снижения водопотребления в коммунальном хозяйстве, особенно в длительной динамике, и причин его побудивших. Все это является предметом исследования настоящей работы.

Материалы и методика исследования. В качестве исходных материалов использовались данные Федеральной службы государственной статистики, в том числе официальная статистическая информация, отражающая благоустройство жилищного фонда регионов России, объемы ввода водопроводных сетей, изношенность водопроводной сети по всем субъектам федерации за 2000–2017 гг., объемы пропущенной воды через очистные сооружения предварительной очистки. Доля утечек и неучтенных расходов в общем объеме воды, поданной в сеть, по всем субъектам за этот период рассчитывалась нами на основе информации по объемам утечек и отпущенной воды потребителям. Анализ по использованию подземных вод для хозяйственно-питьевого водоснабжения основывался на материалах информационных бюллетеней о состоянии недр Федерального агентства по недропользованию.

Для оценки современного состояния водопроводного хозяйства использовалась информация Российской ассоциации водоснабжения и водоотведения. Для расчета показателей удельного использования воды на хозяйственно-питьевые нужды привлекались статистические материалы Федерального агентства водных ресурсов. Расчет современной обеспеченности квартир приборами учета холодной и горячей воды основывался на материалах статистических сборников «Жилищное хозяйство России». Оценка состояния качества воды в источниках питьевого водоснабжения, а также обеспеченности населения питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности, базировалась на материалах территориальных органов Роспотребнадзора.

В небольшой по объему статье крайне трудно отразить все многообразие современных проблем обеспечения населения питьевой водой надлежащего качества. Эти трудности возрастают, учитывая какое разнообразие природных и хозяйственных условий присуще регионам такой огромной страны, как Россия. Поэтому неизбежно или неполное представление количественных и качественных характеристик водопользования, или неполное представление субъектов федерации. Большую часть статистических материалов в табличном виде пришлось представлять по крупным региональным образованиям – федеральным округам, которые в некоторых случаях были дополнены словесным описанием регионов, имеющих граничные характеристики водообеспечения (минимальные или максимальные).

Результаты исследования и их обсуждение. В 2017 г. услугами централизованного водоснабжения обеспечено 100% городов, 97% поселков городского типа и 33% сельских населенных пунктов России. Доля жилого фонда, оборудованного водопроводом, увеличивается очень медленно. С 2000 по 2017 г. она выросла всего на 9 процентных пунктов (п.п.) с 73,4 до 82,4%. При этом в городских поселениях эта доля увеличилась на 4,8, а в сельской местности на 19,6 п.п. В настоящее время только 59% сельского жилищного фонда России обеспечено централизованным водоснабжением (рис. 1).

Худшее положение среди федеральных округов принадлежит Дальневосточному округу, где в 2017 г. 24,2% жилого фонда не было обеспечено водопроводом. В Центральном округе эта цифра заметно ниже – 15,2%. В Псковской и Курганской областях, Республиках Калмыкия и Саха более 40% жилого фонда не обеспечено водопроводом, Забайкальском крае – 48%, Республике Бурятия – 52%, Республиках Алтай и Тыва – более 55%.

Объемы ввода в действие новых водопроводных сетей являются очень низкими и по сравнению с началом 1990-х гг. они сократились в несколько раз. В результате объемы уличной водопроводной сети, нуждающиеся в замене, с годами резко возрастают.

Рост изношенности водопроводной сети является главной причиной увеличения доли утечек и неучтенных расходов воды по отношению к объему воды, поданной в сеть. За последние 17 лет по нашим расчетам соглас-

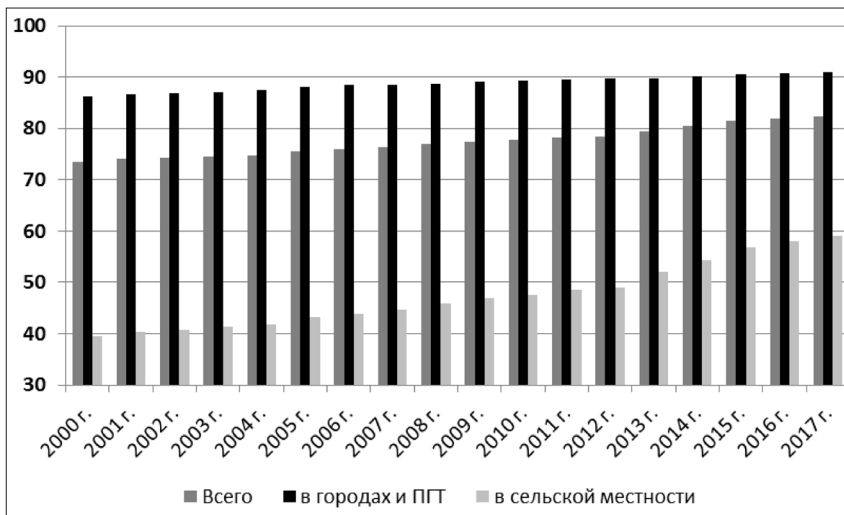

Рис. 1. Доля площади жилищного фонда России, оборудованной водопроводом, в общей площади всего жилищного фонда, %

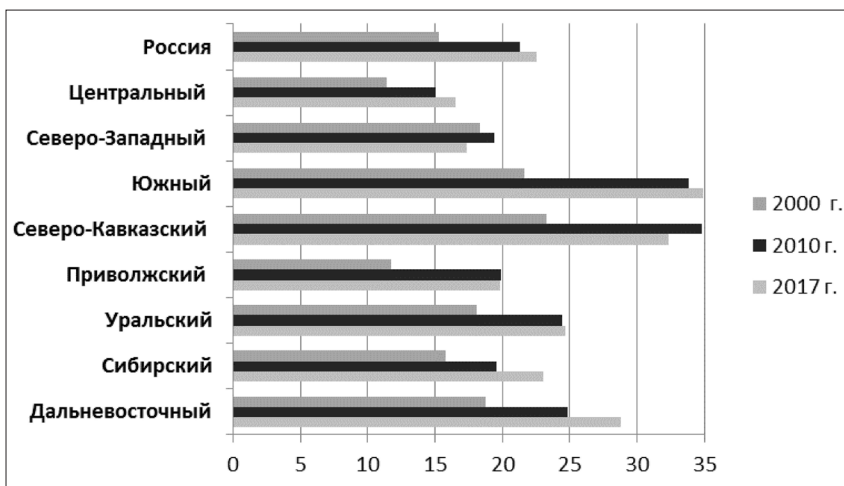

Рис. 2. Изменение доли утечек по отношению к объему воды, поданной в сеть, по федеральным округам России (2000–2017 гг.), %.

Здесь и далее расчеты автора за все годы приведены для территорий современных федеральных округов.

но данным Росстата [21] доля утечек увеличилась в среднем по России с 15,3% (2000 г.) до 22,5% (2017 г.) (рис. 2). Потери воды из водопроводной сети и емкостных сооружений включают: расходы воды при авариях и повреждениях на сети до их локализации и при утечке через водоразборные колонки; скрытые утечки воды из сети и сооружений; расходы воды, не оплаченные потребителем при самовольном пользовании системами коммунального водоснабжения. Неучтенный расход воды включает также использование воды на тушение пожаров [24].

Относительно небольшая доля утечек отмечается в настоящее время в Центральном (16,5%) и Северо-Западном федеральных округах (17,3%). Максимальные утечки характерны для Южного и Северо-Кавказского округов (32–35%). При этом в Карачаево-Черкессии и Чеченской Республике доля утечек составляет 43–45% объема воды, поданной в сеть, а в Сахалинской области и Севастополе превышает 50%. Это крайне расточительно, так как на подготовку и перекачку воды были затрачены значительные средства.

Таблица 1. Использование подземных вод для хозяйственно-питьевого водоснабжения*

Федеральный округ	Объем использования подземных вод, тыс. м ³ /сут.			Изменение за 2001–2016 гг., %	Использование подземных вод на 1 жителя, л/сут.			Доля подземных вод в балансе ХПВ в 2016 г., %
	2001 г.	2010 г.	2016 г.		2001 г.	2010 г.	2016 г.	
Россия	20645	15030	12836	- 37,8	141	105	88	47
Центральный	7490	5769	4970	- 33,6	196	150	127	56
Северо-Западный	752,1	570,4	516,8	- 31,3	53	42	37	18
Южный	1976	1428	1057	- 46,5	140	103	75	49
Северо-Кавказский	968,2	975,3	686,4	- 29,1	111	104	71	49
Приволжский	4384	2680	2232	- 49,1	139	89	75	48
Уральский	1490	1182	1095	- 26,5	119	98	89	45
Сибирский	2829	1818	1671	- 40,9	139	94	86	50
Дальневосточный	755,5	607,6	608,2	- 19,5	111	96	98	39

*Рассчитано автором по данным [9, 10].

В абсолютном выражении объем утечек и неучтенных расходов воды в большинстве федеральных округов и регионов незначительно сократился. Однако на фоне опережающего сокращения водопотребления населением, коммунально-бытовыми предприятиями и бюджетно финансируемыми организациями отмечается рост доли утечек во всех федеральных округах. Всего в системе ЖКХ России в 2017 г. было потеряно более 2,9 млрд м³ питьевой воды. Потери воды сопровождаются нанесением, помимо экономического и экологического, еще и значительного социального вреда, поскольку плохое состояние водопроводных сетей наносит колоссальный ущерб здоровью населения. Это основной источник не только утечек, но и поступления загрязнений в саму сеть из-за перепадов давления в ней. Именно поэтому у нас оказываются совершенно недостаточными стандартные для развитых стран системы водоподготовки [22].

Состояние водопроводно-канализационного хозяйства оценивается как кризисное – износ основных средств колеблется от 50 до 70%, при этом ежегодно степень износа увеличивается на 2–3%. По данным Российской ассоциации водоснабжения и водоотведения 48% водоканалов являются государственными или муниципальными унитарными предприятиями. Все они имеют кредиторскую задолженность, в т. ч. водоканалы многих крупных областных центров. В целом по отрасли накоплено более 145 млрд руб. убытков. Возможностей погасить эти долги

у большинства предприятий нет, т.к. отрицательная рентабельность наблюдается у 70% их количества.

Число аварий в системе водопровода после 2005 г. сокращается, но все еще в 2–3 раза превышает европейские показатели. Износ внешних коммуникаций и объектов инфраструктуры возрастает. Объем инвестиций в модернизацию объектов коммунальной инфраструктуры не соответствует минимальным ее потребностям. Планово-предупредительный ремонт сетей и оборудования систем водоснабжения практически полностью уступил место аварийно-восстановительным работам.

Объем использования воды из подземных источников для хозяйственно-питьевого водоснабжения в целом по России меньше объема использования воды из поверхностных источников (47%). В большинстве же европейских стран доля подземных вод в хозяйственно-питьевом водоснабжении превышает 70–80%. Стоит подчеркнуть, что эта доля у нас практически не растет на протяжении многих лет. С 2001 по 2016 г. объем использования подземных вод на хозяйственно-питьевые нужды сократился в России с 20,6 до 12,8 млн м³/сутки, или на 38% (табл. 1).

Доля подземных вод в балансе хозяйственно-питьевого водоснабжения в большинстве округов России составляет 40–50%. В Центральном округе она равна 56%, а в Северо-Западном – лишь 34%. В 26 субъектах Федерации в настоящее время хозяйственно-питьевые нужды на 90–100% удовлетво-

Таблица 2. Пропуск воды через очистные сооружения в общем объеме поданной воды, %

Федеральный округ	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	Прирост за 2000–2017 гг.
Россия	55,0	59,1	58,1	59,1	60,2	5,2
Центральный	55,7	61,4	60,0	62,2	64,4	8,7
Северо-Западный	83,7	77,9	80,2	80,2	79,4	- 4,3
Южный	48,2	52,7	51,0	49,3	52,4	4,2
Северо-Кавказский	32,2	36,1	31,8	23,3	25,7	- 6,5
Приволжский	51,5	57,0	56,1	59,5	60,1	8,6
Уральский	64,9	71,6	71,3	74,6	75,4	10,5
Сибирский	47,1	50,7	51,2	50,4	50,0	2,9
Дальневосточный	46,7	48,1	48,4	55,8	57,5	10,8

ряются за счет подземных вод (в основном в Центральном округе). В то же время в 11 субъектах федерации РФ доля подземных вод в балансе хозяйственно-питьевого водоснабжения в 2016 г. составляла менее 20%, причем четыре из них расположено в Северо-Западном округе. Это очень негативный факт, так как подземные воды наиболее защищены от загрязнений. В Астраханской области на долю подземных вод приходится всего 0,5% хозяйственно-питьевого водопотребления, Мурманской и Омской областях, г. Москва и г. Санкт-Петербург, Карачаево-Черкесской Республике – менее 5%.

Водозаборы из поверхностных водных объектов не имеют необходимого комплекса очистных сооружений и не обеспечивают полноты обеззараживания и очистки воды. Более 9,9 тыс. водопроводов (15,3% всего числа) не соответствовало санитарно-эпидемиологическим требованиям, в том числе почти 4,4 тыс. из-за отсутствия необходимого комплекса очистных сооружений и почти 1,5 тыс. из-за отсутствия обеззараживающих установок [13]. Через очистные сооружения предварительной очистки и водоподготовки пропускается в среднем по России 60% общего количества воды, поданной в сеть, причем в городской местности – 65%, сельской – только 16%. Наибольший процент пропуска воды через очистные сооружениями предварительной очистки и водоподготовки наблюдался в 2017 г. в Северо-Западном и Уральском округах (79,4 и 75,4%), наименьший – в Северо-Кавказском и Сибирском округах (соответственно 25,7 и 50,0%) (табл. 2).

Интегральный показатель водоснабжения населения – объем использования воды

на хозяйственно-питьевые нужды. Его максимальное значение в России было отмечено в 1991 г. – 14,7 км³. В последующие годы оно постоянно уменьшалось. В 2000 г. на хозяйственно-питьевые нужды было израсходовано 13,6 км³, в 2017 г. – 7,7 км³. Если в странах Западной Европы удельное бытовое водопотребление составляет 130–150 литров на человека в сутки, то в России в 2000 г. в 12 субъектах Федерации оно превышало 300, в том числе в четырех субъектах – 400 л/сутки. Однако, по исследованиям специалистов, жители России не потребляли такой огромный объем воды, а значительная часть водопотребления – это протечки воды, например, через бачки унитаза [11].

В последние годы во многих регионах за счет привлечения средств бюджетов, внебюджетных источников, займов и других инвестиций проводится комплекс водосберегающих мероприятий по рациональному расходованию воды в жилищном фонде. В результате объем использования воды на хозяйственно-питьевые нужды в России стремительно сокращается. С 2000 по 2017 г. среднесуточное водопотребление из централизованных систем водоснабжения в расчете на жителя городов и сел снизилось с 254 до 144 л (табл. 3). При этом в трех субъектах федерации в 2017 г. оно превышало 200, а в 12 субъектах было ниже 100 л/сутки (последние – с большой долей сельского населения).

Впечатляющие успехи по снижению водопотребления достигнуты в Москве. В 2017 г. по сравнению с 1995 г. удельное водопотребление в ней сократилось в четыре раза. Одной из основных причин такого

Таблица 3. Динамика удельного использования воды на хозяйственно-питьевые нужды по федеральным округам и городам федерального значения, л/сутки на человека

Федеральный округ	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	263	254	235	204	154	144	55
Центральный	322	290	282	219	165	152	47
г. Москва	618	438	418	246	169	147	24
Северо-Западный	307	292	259	227	159	150	49
г. Санкт-Петербург	383	332	326	268	160	165	43
Южный	224	222	175	170	140	136	61
Северо-Кавказский	184	185	166	153	129	131	71
Приволжский	225	231	215	182	147	139	62
Уральский	275	303	275	224	169	155	56
Сибирский	237	231	210	185	145	137	58
Дальневосточный	254	215	226	223	179	146	57

снижения является реализация программы по оснащению жилищного фонда приборами учета воды. К 2011 г. количество жилых зданий, оснащенных приборами учета воды, достигло 99% их общего количества, а количество квартир, оснащенных индивидуальными приборами учета холодной воды, к началу 2016 г. превысило 74%.

Однако в целом по стране переход на приборный учет воды осуществляется довольно медленно. В среднем по России количество квартир, оснащенных индивидуальными приборами учета холодной воды, в 2016 г. составляло 41,6%, а в Северо-Кавказском округе оно не достигало и 19%. В Мурманской области и Ямало-Ненецком АО этот показатель составлял 64–67%, в Республике Карелия и Ханты-Мансийском АО – превышал 73%, Москве – 74%, Севастополе – 88%. В то же время в Чеченской Республике только 2,3% квартир было обеспечено приборами учета холодной воды, в Республиках Дагестан и Тыва – соответственно 5,0 и 5,3% (рассчитано по данным [8]).

В ближайшие годы комплекс первоочередных мероприятий по предотвращению углубления кризиса в городском водопроводном хозяйстве должен быть направлен на повышение санитарной и технологической надежности водопроводных сооружений и сетей и всемерную экономию воды, не требующих существенных затрат [2]. Принципиальные же изменения технологии и техники в водопроводно-канализационном хозяйстве можно отнести на перспективный период. В первую очередь требуется

создание надежных зон санитарной охраны объектов водоснабжения, начиная с водозаборных сооружений. Очень важен поиск и ликвидация нерациональных расходов и утечек воды, причем не только в уличной сети, но и во внутриквартальной водопроводной сети. Для снижения нерациональных расходов воды у абонентов, особенно в жилищном фонде, следует устанавливать и регулярно уточнять эксплуатационные нормы водопотребления населением и лимиты водопотребления у прочих абонентов.

Ситуация с состоянием как поверхностных, так и подземных вод централизованного питьевого водоснабжения и качеством воды в местах водозабора изменяется крайне медленно и продолжает оставаться неудовлетворительной. Высокий процент неудовлетворительных проб отмечается в тех субъектах РФ, где в большей степени в качестве источников централизованного водоснабжения используются поверхностные водоемы. За 17 лет XXI в. удельный вес неудовлетворительных проб по санитарно-химическим показателям в водоемах первой категории снизился в России на 2 процентных пункта [14, 15, 16]. При этом в Северо-Западном и Уральском округах отмечается тенденция существенного роста данного показателя (рис. 3). Значительное улучшение качества воды в источниках по санитарно-химическим показателям отмечается в Южном и Сибирском округах. Что касается микробиологических показателей, то удельный вес неудовлетворительных проб за 17 лет в России снизился на 5,5 процентных пункта. Такое

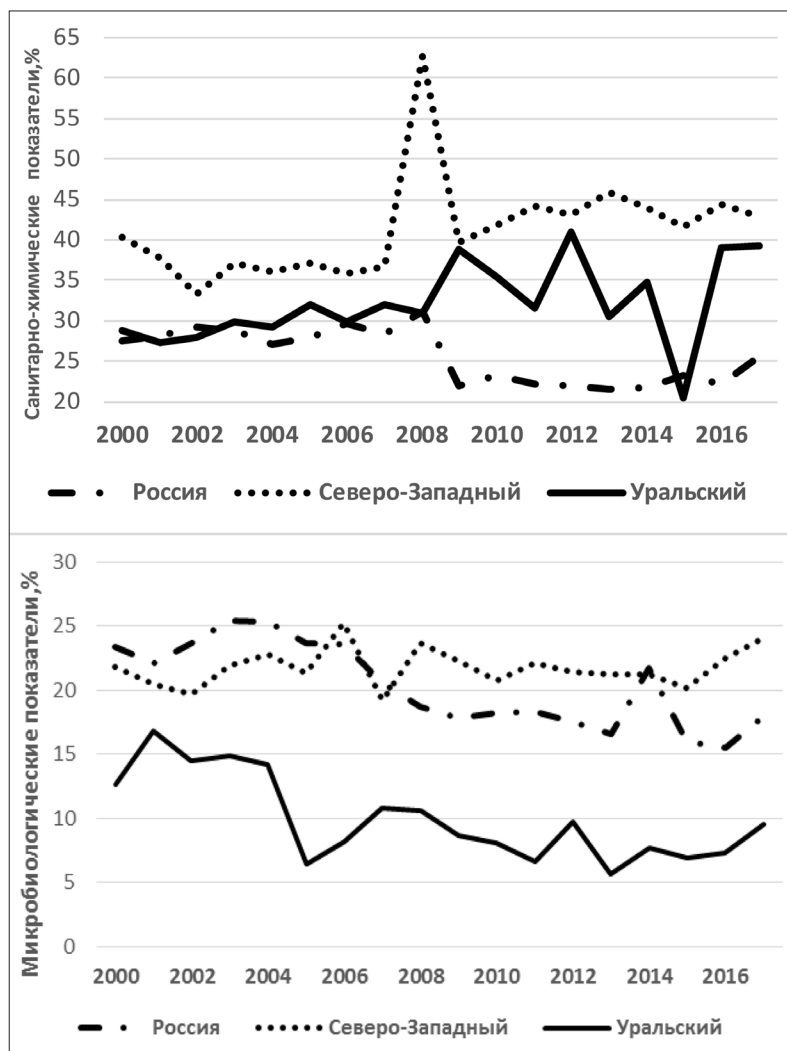

Рис. 3. Динамика доли исследованных проб воды в водных объектах, используемых в качестве источников питьевого и хозяйственно-бытового водопользования населения, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим и микробиологическим показателям.

снижение произошло во всех федеральных округах (за исключением Северо-Западного), но особенно значительное в Дальневосточном и Приволжском округах.

На территории России в 2016 г. выявлено более 5,9 тыс. участков загрязнения подземных вод, в том числе 3,4 тыс. на водозаборах питьевого и хозяйственно-бытового назначения, преимущественно представляющих собой одиночные эксплуатационные скважины с небольшой производительностью. Загрязнение 38% участков связано с деятельностью промышленных предприятий, 15% – с коммунальным хозяйством, 14% – с сельскохозяйственной деятельностью [3].

Как и в предыдущие годы, основной причиной санитарного неблагополучия источников централизованного водоснабжения являлось отсутствие зон санитарной охраны (более 77% причин для поверхностных источников и более 70% причин для подземных источников водоснабжения). Вместе с тем в целом по России доля источников централизованного питьевого водоснабжения, у которых в 2017 г. отсутствовали зоны санитарной охраны, снизилась за последние три года на 10,3% для поверхностных источников и на 4,2% – для подземных источников [13].

Доля проб воды из источников нецентрализованного водоснабжения в сельской мест-

ности (колодцы, каптажи родников), не соответствующих гигиеническим нормативам, существенно выше. По санитарно-химическим показателям в целом по России в 2017 г. она равна 26,4%, при этом в Ямало-Ненецком АО, Республике Калмыкия, Белгородской, Новгородской и Новосибирской областях она превышает 50%. По микробиологическим показателям доля проб воды, не соответствующих гигиеническим нормативам, составляет в целом по РФ 18,1%. Однако на территории Брянской, Тверской областей и г. Севастополя больше половины таких проб воды не соответствовало нормативам [13].

Ситуация с обеспеченностью населения питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности, улучшается очень медленно. Из 146,5 млн чел., проживающих в России в 2017 г., почти 134 млн было обеспечено доброкачественной и условно доброкачественной питьевой водой (из них более 30 млн – условно доброкачественной водой), 7,6 млн – недоброкачественной водой и более 4,9 млн проживало в населенных пунктах, где вода на доброкачественность не исследовалась.

Особенно тревожная ситуация с обеспеченностью безопасной питьевой водой сложилась в сельской местности. В 2017 г. лишь 78,3% жителей села было обеспечено доброкачественной и условно доброкачественной питьевой водой. Крайне низок этот показатель в Северо-Западном и Дальневосточном округах. В сельской местности водой низкого качества пользуется 16,6 млн чел. (45%), из них 11,1 млн используют воду не питьевого качества из децентрализованных источников и 5,5 млн потребляет недоброкачественную воду из-за несовершенства сельских централизованных систем водоснабжения [23]. Необходимо в ближайшее время восстановить системы водоснабжения, находящиеся в нерабочем состоянии; реконструировать системы, подающие воду не питьевого качества; строить системы сельскохозяйственного водоснабжения в районах, где распространены некондиционные воды.

К субъектам РФ, в которых сложилась благополучная обстановка с обеспечением водой надлежащего качества, относятся города Москва и Санкт-Петербург, Республики Северная Осетия и Алтай, где население обеспечено доброкачественной и условно доброкачественной питьевой водой полностью.

В Мурманской, Кемеровской, Магаданской областях, Камчатском крае, Кабардино-Балкарской Республике питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности, обеспечено более 99% населения. В России насчитывается 27 субъектов Федерации с обеспеченностью безопасной водой более 95% населения, 20 субъектов – с обеспеченностью 90–95%, 27 – с обеспеченностью 80–90% и 7 субъектов – с обеспеченностью 72–80% (рис. 4). В Курганской и Костромской областях, Карачаево-Черкесской Республике безопасной питьевой водой обеспечено только 67–69% населения, в Вологодской области – 45%. При этом в подавляющем большинстве субъектов Федерации, наименее обеспеченных доброкачественной и условно-доброкачественной водой, за последние годы ситуация с обеспечением населения безопасной питьевой водой заметно улучшилась.

Выводы. Доля жилого фонда России, оборудованного водопроводом, увеличивается очень медленно. С 2001 по 2017 г. она выросла всего на 9 процентных пункта (с 73 до 82%). Ввод в действие новых водопроводных сетей по сравнению с началом 1990-х гг. сократился в несколько раз. Рост изношенности водопроводной сети является главной причиной увеличения доли утечек и неучтенных расходов воды по отношению к объему воды, поданной в сеть. За 2000–2017 гг. доля утечек увеличилась в среднем по России с 15,3 до 22,5%.

Состояние водопроводно-канализационного хозяйства оценивается как кризисное – износ основных средств колеблется от 50 до 70%. Забор воды из подземных источников для хозяйственно-питьевого водоснабжения составляет в среднем по России около 47% общего объема воды, использованного на эти цели, что намного ниже, чем в большинстве европейских стран. В 11 субъектах Федерации доля подземных вод в балансе хозяйственно-питьевого водоснабжения составляет 20% и менее.

Более 9,9 тыс. водопроводов (15,3% всего числа) не соответствует санитарно-эпидемиологическим требованиям. Через очистные сооружения предварительной очистки и водоподготовки пропускается в среднем по России 60% общего количества воды, поданной в сеть, причем в городской местности – 65%, сельской – только 16%. С 2000 по 2017 г. среднесуточное водопотребление

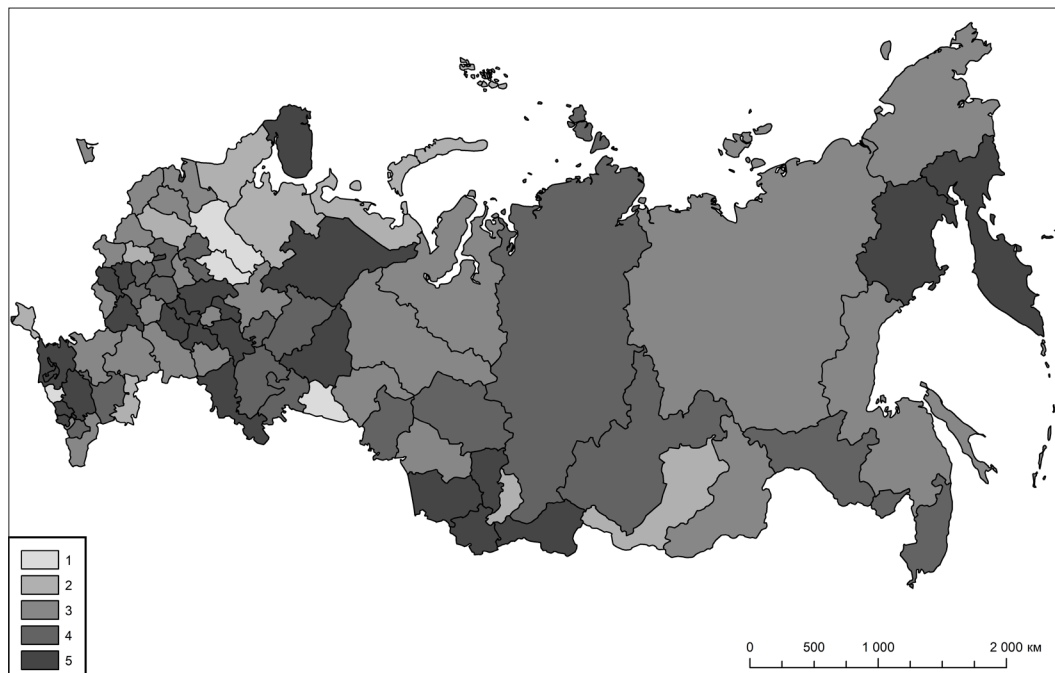

Рис. 4. Доля населения, обеспеченного питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности, в общей численности населения в 2017 г., %:
1 – < 70, 2 – 70–80, 3 – 80–90, 4 – 90–95, 5 – 95–100.

городского и сельского жителя в результате внедрения комплекса водосберегающих мероприятий снизилось на 110 л, или 43%.

Ситуация с состоянием как поверхностных, так и подземных вод централизованного питьевого водоснабжения и качеством воды в местах водозабора изменяется крайне медленно и продолжает оставаться неудовлетворительной. Высокий процент неудовлетворительных проб отмечается в тех субъектах РФ, где в большей степени в качестве источников централизованного водоснабжения используются поверхностные водоемы. За 17 лет XXI в. удельный вес неудовлетворительных проб по санитарно-химическим показателям в водоемах первой категории снизился в России всего на 2 процентных пункта, а по микробиологическим показателям – на 5,5. Основной причиной санитарного неблагополучия источников централизованного водоснабжения является отсутствие зон санитарной охраны.

Из 146,5 млн чел., проживающих в России в 2017 г., почти 134 млн было обеспечено доброкачественной и условно доброкачественной питьевой водой, 7,6 млн – недоброкачественной водой и более 4,9 млн проживало

в населенных пунктах, где вода на доброкачественность не исследовалась. Лишь 78% жителей села было обеспечено доброкачественной и условно доброкачественной питьевой водой. Очень низок этот показатель в Северо-Западном и Дальневосточном федеральных округах.

В ближайшие годы комплекс первоочередных мероприятий по предотвращению углубления кризиса в водопроводном хозяйстве должен быть направлен на повышение санитарной и технологической надежности водопроводных сооружений и сетей и всемерную экономию воды, не требующих существенных затрат (создание надежных зон санитарной охраны объектов водоснабжения, поиск и ликвидация утечек и нерациональных расходов воды, всемерное внедрение приборов учета воды). Принципиальные же изменения технологии и техники в водопроводно-канализационном хозяйстве можно отнести на перспективный период. Необходимы дальнейшее развитие стандартизации в сфере использования и охраны источников питьевого водоснабжения, рост объема инвестиций в модернизацию объектов коммунальной инфраструктуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бойцов С.А., Самородская И.В., Третьяков В.В., Ватолина М.А.* Потерянные годы жизни в результате преждевременной смерти и их взаимосвязь с климатическими и социально-экономическими показателями регионов // Вестник Российской академии медицинских наук. 2015. Т. 70. № 4. С. 456–463.
2. *Гемес С. Н., Железнова Г.Л.* От простого – к сложному, от дешевого – к дорогому. О первоочередных мерах по преодолению кризиса в водопроводно-канализационном хозяйстве России // Вода MAGAZINE. 2010. № 3.
3. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году». URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2016_/
4. *Демин А.П.* Динамика потребления воды населением России (1970–2000 гг.) // Водоснабжение и санитарная техника. 2002. № 12. С. 9–13.
5. *Демин А.П.* Изменения в хозяйственно-питьевом водоснабжении регионов России в XXI веке // Водоснабжение и санитарная техника. 2013. № 12. С. 10–20.
6. *Демин А.П.* Современное состояние обеспечения населения России безопасной питьевой водой // Чистая вода России. Сб. мат-лов XIV Междунар. научн.-практ. симпозиума (18–20 апреля 2017 г.). Екатеринбург, 2017. С. 22–26.
7. *Демина Л.А.* Вода, вода, кругом вода (или коммунальное водоснабжение регионов России) // Энергия: экономика, техника, экология. 2010. № 7. С. 36–41.
8. Жилищное хозяйство в России. 2016: Стат. сб./ Росстат. М., 2016. 63 с. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации), 2016. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887300516
9. Информационный бюллетень о состоянии недр на территории Российской Федерации в 2010 г. Вып. 34. М: Геоинформмарк, 2011. 208 с.
10. Информационный бюллетень о состоянии недр на территории Российской Федерации в 2016 г. Вып. 40. М: ФГУП «Гидроспецгеология», 2017. 368 с.
11. *Кюрессеппя Р., Йоханссон К., Копалин И.* Учет водопотребления и выставление счетов по его реальному значению – ядро реформы ВКХ // Вода и экология. 2004. № 2. С. 55–57.
12. *Надточий В.С.* Оценка динамики водопользования субъектов Западной Сибири // Вестник СГУГиТ. 2017. Т. 22. № 3. С. 215–227.
13. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2017 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2018. 268 с.
14. Охрана окружающей среды в России. 2006: Стат. сб./ Росстат. М., 2006. 239 с.
15. Охрана окружающей среды в России. 2012: Стат. сб./ Росстат. М., 2012. 303 с.
16. Охрана окружающей среды в России. 2016: Стат. сб./ Росстат. М., 2016. 95 с. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации), 2016. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919459344
17. *Павлова С.А., Павлов И.Е., Островский С.С.* Политика водного ресурсосбережения в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2017. Вып. 4. № 3. С. 225–245.
18. *Парфенова Г.К., Осипова Е.Ю.* Состояние водопользования как фактор определения устойчивого развития территории (на примере Кемеровской области) // Электронный научный журнал. 2017. № 4-2 (19). С. 379–391.
19. *Самородская И.В., Семенов В.Ю., Бойцов С.А.* Влияние медицинских и немедицинских факторов на смертность населения: факторы окружающей среды // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. Т. 25. № 5. С. 260–265.
20. *Тулакин А.В., Цыплакова Г.В., Амплеева Г.П.* и др. Региональные проблемы обеспечения гигиенической надежности питьевого водопользования // Гигиена и санитария. 2016. Т. 95. № 11. С. 1025–1028.
21. Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных. URL: <http://www.cbsd.gks.ru>
22. *Фирсова Е.Ю.* Научные основы ресурсосбережения в водохозяйственном комплексе России (по материалам доклада чл.-корр. РАН В.И. Данилова-Данильяна). URL: <http://onznnews.wdcb.ru/doi/2010NZ000011.html>
23. *Харитонов Г.Б.* Проблемы качества водных ресурсов для питьевых целей в сельской местности // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. Материалы XV междунар. научно-практ. конф. (4 октября 2016 г.). Т. 2. СПб: Изд. центр «Стратегия будущего», 2016. С. 55–57.
24. *Храменков С.В., Примин О.Г.* Проблемы и пути снижения потерь воды // Водоснабжение и санитарная техника. 2012. № 11. С. 31–37.

Об авторе

Демин Александр Павлович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института водных проблем РАН, г. Москва.

Для цитирования:

Демин А.П. Региональные различия в обеспечении населения России централизованным водоснабжением и безопасной питьевой водой // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 80–91.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-8

Regional differences in public access to centralized water supply and safe drinking water in Russia

A. P. Demin

*Water Problems Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: deminap@mail.ru*

A review of the knowledge of the problem of centralized water supply and providing the population with drinking water throughout Russia is given. The data on the provision of housing in federal districts with centralized water supply in 2000–2017 are given. The growth of deterioration of the water supply network and its influence on the increase in the share of leaks in the total volume of water supplied to the network is shown. The state of plumbing is estimated as a crisis. The number of accidents in the water supply system after 2005 is decreasing, but still 2–3 times higher than European figures. Water withdrawal from groundwater sources for domestic water supply averages around 47% of the total water used for this purpose in Russia. Water intakes from surface water bodies do not have the necessary complex of sewage treatment plants and do not provide complete disinfection and water treatment. The average daily water consumption of urban and rural residents as a result of the introduction of a complex of water-saving measures decreased by 110 liters or 43%. For the years 2000–2017 the proportion of unsatisfactory samples for sanitary-chemical indicators in reservoirs of the first category decreased by only 2 percentage points, and for microbiological indicators – by 5.5. The main reason for the poor health of sources of centralized water supply is the lack of sanitary protection zones.

Keywords: centralized water supply, deterioration of the water supply network, water leaks, the groundwater, specific water consumption, safe drinking water.

ПРОБЛЕМЫ СНИЖЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВЫХ РЕСУРСОВ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД)

© 2019 г. О. Н. Гурова

*Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Чита, Россия
e-mail: lesg@bk.ru*

Ресурсный потенциал охотничьего хозяйства Забайкальского края характеризуется большим разнообразием и богатством животного мира. В крае обитают дикие копытные животные, имеющие большое промысловое значение: лось, изюбрь (благородный олень), кабан, дикий северный олень, кабарга и косуля сибирская. Нормирование добычи охотничьих животных, является обязательным условием для рационального использования животного мира, его сохранения. Основанием для него являются данные ежегодно проводимого государственного мониторинга охотничьих ресурсов. Поэтому проведение учета численности имеет большое значение для охотничьего хозяйства. Одной из проблем, оказывающих негативное влияние на развитие охотничьего хозяйства, является браконьерство, увеличение объемов которого в совокупности с другими факторами (потерей и деградацией ареалов обитания животных) приводит к снижению численности промысловых видов. В данной работе сделана попытка по имеющимся методикам, литературным источникам, официальным данным охотничьей службы проанализировать возможные потери (ущерб) диких копытных животных в крае. Проанализирована взаимосвязь институциональной системы, сложившейся в охотничьем природопользовании, и экологических рисков в сфере использования охотничьих ресурсов. Выделены аспекты недостаточной эффективности институциональной системы в данной области.

Ключевые слова: Забайкальский край, браконьерство, ущерб, нерациональное использование, объекты животного мира, институциональный подход.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-9

Введение и постановка проблемы. Качество институциональной среды в любой сфере природопользования является важным фактором развития. Развитие различных отраслей хозяйства можно объяснить с точки зрения их институциональной организации. По Д. Норту «институты это разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (договоры и добровольно принятые кодексы поведения) ограничения, а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие» [20, с. 6]. В основе институтов природопользования лежит комплекс традиционных и инновационных представлений, ответственных за правила регулирования взаимоотношений между людьми, а также между людьми и окружающей средой в процессе природопользования [6]. «Каков бы ни был фактор, оказывающий воздействие на процесс совместной деятельности людей и его результаты, он действует через институты и благодаря институтам» [7, с. 39].

Охотничье хозяйство в структуре отраслей развитых государств играет большую со-

циально-экономическую роль, так как «высокий уровень жизни граждан таких стран позволяет выделять большие государственные и частные средства на охрану природы и охотничье дело» [8, с. 80]. Много публикаций посвящено современным проблемам охотничьего хозяйства в России, начавшимся в постсоветский период при переходе к рыночному экономическому пространству. В этот период, как отмечает С.В. Орехова: «форсированная трансформация советской плановой экономики в рыночную происходила за счет трансплантации отдельных институтов развитых стран», что привело к ряду отрицательных эффектов и ловушек» [21, с. 111].

Охота как традиционная форма природопользования исторически являлась основой хозяйственной деятельности и занятости коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Известно, что традиционное природопользование имеет более тесную связь с природой, которая выражается в приспособленности к совокупности природных условий и ресурсов и учете их на

практике. Широкое использование в XX в. невозобновляемых природных ресурсов, обеспечивающих развитие промышленных отраслей, в том числе в северных регионах приводит к сокращению ареалов распространения традиционного природопользования и, следовательно, к необходимости поиска путей возможного сочетания традиционных и новых типов природопользования, невозможного без институциональных преобразований (появления новых и трансформации старых институтов). В данном конфликте интересов принятие формальных ограничений, предусматривающих компенсации коренным народам за изъятие земли, официальное закрепление территорий традиционного природопользования за коренными малочисленными народами является институциональными основами развития традиционного природопользования в современных условиях. Уклад хозяйствования эвенков в Забайкальском крае исторически фокусировался на охоте и оленеводстве, определяя их этническое своеобразие. Институциональные преобразования, составляющие основу экономических реформ 1990-х гг. (приватизация, развитие новых форм хозяйствования) негативно сказались на традиционных отраслях, в особенности на оленеводстве, подвергнувшись сильнейшему спаду. Данная проблема имеет и другой, не менее важный аспект – вовлечение в хозяйственный оборот природно-ресурсного потенциала, включающего месторождения полезных ископаемых, лесных ресурсов сопровождается загрязнением окружающей среды. Таким образом, в условиях современной индустриальной цивилизации отчуждение и загрязнение пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий, сокращение биологических ресурсов непосредственно сказывается на традиционном образе жизни этих народов.

Ценность животного мира как неотъемлемой части любого природного комплекса и его участие в круговороте веществ неоспорима. В проблеме сохранения биоразнообразия регионов актуальным является изучение состояния охотничье-промысловых ресурсов, а в данном случае – копытных млекопитающих, являющихся значимыми компонентами экосистемы. Значимость копытных животных определяет их большое экономическое значение как источников получения значительной части мясной продукции и дерива-

тов. Самыми распространенными причинами сокращения популяций являются потеря и деградация ареалов обитания животных и чрезмерная эксплуатация видов.

Обзор ранее выполненных исследований. Исследования, посвященные охоте, современным проблемам охотничьего хозяйства, анализу его ресурсного потенциала достаточно широко представлены в литературе. Связано это с тем, что охота является древним занятием человека, а также с тем, что в наш век мощного антропогенного воздействия на природу рациональное использование охотничьей фауны становится еще более актуальной задачей и к ней сводятся научно-исследовательские работы и методы ведения охотничьего хозяйства (охотустройство, учет численности, биотехника и т.д.).

Неупорядоченная и неконтролируемая охота и борьба с ней является трудной задачей охотничьего хозяйства. О хищничестве истреблении животных писал еще в середине XIX в. А.А. Черкасов [27] в своем труде о Восточной Сибири, обогатившем науку сведениями о животных Забайкалья и являющимся выдающимся произведением сибирской литературы. Он отмечал, что «непролазная угрюмая тайга день ото дня делается все более и более доступной..., а нескончаемые дебри реденут... и несчастные звери заметно убывают в количестве или кочуют в еще нетронутые тайники сибирских трупцов» [27, с. 16], что происходит и в настоящее время. К проблеме браконьерства на протяжении многих лет обращаются и ученые, и работники охотничьего хозяйства: небольшая часть этих работ [5, 9, 25]. Незаконная добыча копытных охотничьих животных анализируется в работах В.М. Глушкова [5], А.А. Данилкина [9], Е.А. Макаровой [14, 15] и др. Для решения этой задачи огромное значение имеет система управления. В работах [10, 16] отмечается важность и необходимость реформирования существующей системы управления охотничьим хозяйством. В работе [22] рассматриваются проблемы отрасли, анализируются пути развития современной охотоведческой науки.

В то же время еще недостаточно развито направление исследований по анализу проблем охотничьего природопользования с точки зрения институционального подхода. Некоторые работы в отечественной литературе посвящены изучению охоты с позиций

институционализма [16, 24]. Так, в работе С.П. Матвейчука [16] дается анализ процесса формирования и продвижения принципа устойчивого использования ресурсов живой природы, рассматривается наличие достижений в разработке методологии и инструментария оценки устойчивости охотпользования в части законодательства и институтов. В статье Е.В. Садченко [24], посвященной традиционному природопользованию как эколого-устойчивой форме хозяйствования отмечается, что институциональные основы традиционных форм природопользования в современных условиях развития экономики разработаны недостаточно. В этой области внимания заслуживают исследования А.В. Бочарниковой [2], посвященные анализу процессов трансформации институтов, регулирующих традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на примере удэгейцев Пожарского района Приморского края, в которой охота рассматривается как один из видов традиционного природопользования.

Материалы и методика исследования.

В работе использовались данные зимних маршрутных учетов животных, проводимых Управлением по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира Министерства природных ресурсов Забайкальского края, литературных источников и экспертной оценки охотоведов.

В Читинской области¹ аэровизуальный метод учета численности широко применялся в 1975–1985 гг., а затем стал использоваться в основном наземный учет (ЗМУ – зимний маршрутный учет). Однако, известно, что наземные методы учета, применяемые охотпользователями, имеют недостатки, сказывающиеся на достоверности результатов, и объемы выполнения учетных маршрутов зачастую не соответствуют нормативам [11]. В конце XX в. недостаток средств на авиационную охрану лесов, развал лесозаготовительных предприятий, способствовал значительному росту лесных пожаров. Так, например, если в лесхозах бассейна р. Хиллок в Читинской области выгоревшая площадь от пожаров с 1981–1985 гг. составляла 1 097 га, то только в 2003 г. – 217 700 га [1]. Отрицательное воздействие лесных пожаров особенно сильно сказывается на лесных

экосистемах Сибири, что обусловлено их высокой горимостью и крайне медленным восстановлением: в 2007 г. на Читинскую область, наиболее пострадавшую от пожаров, пришлось 15% общероссийского количества лесных пожаров и 56% пройденной площади пожаров [3]. Пирогенный фактор играет большую роль в изменении распределения копытных животных. Так, например, на выгоревших участках плотность населения кабарги может достигать высоких значений через 40–60 или даже более лет [13]. Если учесть возросший пресс лесозаготовителей и воздействие пожаров, сокращающих ареал обитания копытных, то численность по ЗМУ с учетом ошибок может быть уменьшена на 15–20%. Более низкие результаты численности показал и авиаучет 2004 г. Исходя из этих чисел и используя методику [17], были проведены расчеты возможного ущерба за сверхлимитное и нерациональное использование объектов животного мира. Для этого необходимо сделать анализ охотничьих потерь этих животных. Данные приведены на рисунке 3. Под нерациональным использованием понимается несоблюдение экологических ограничений (нормативов добычи) при пользовании объектами животного мира. Ущерб от нерационального использования – сумма штрафа за сверхлимитное и нерациональное пользование животным миром (т.е. за превышение установленного норматива добычи, ведущего к снижению продуктивности популяции) [17]. Ущерб животному миру (в данном случае потери биосферных функций) – денежная оценка потерь животных, гибнущих от перепромысла. Важным показателем в данных расчетах является хозяйственно-возможная продуктивность вида (ХВП) – т.е. возможный объем изъятия особей соответствующего вида животного в соответствии с установленными нормами добычи. Таксы для исчисления размера взыскания за ущерб от незаконной добычи объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты взяты по [28], в фактической продуктивности учитывалась легальная и нелегальная добыча (последняя – по экспертной оценке). Предпромысловая (осенняя) численность охотничьих животных получена с использованием нормативов прироста видов путем перерасчета показателей следромысловых учетов, полученных при помощи общепринятых методик.

¹ С 2008 г. – Забайкальский край.

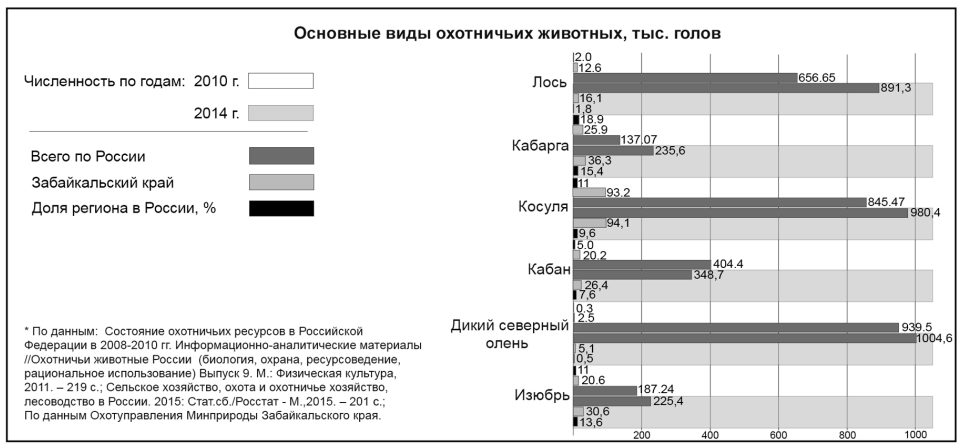
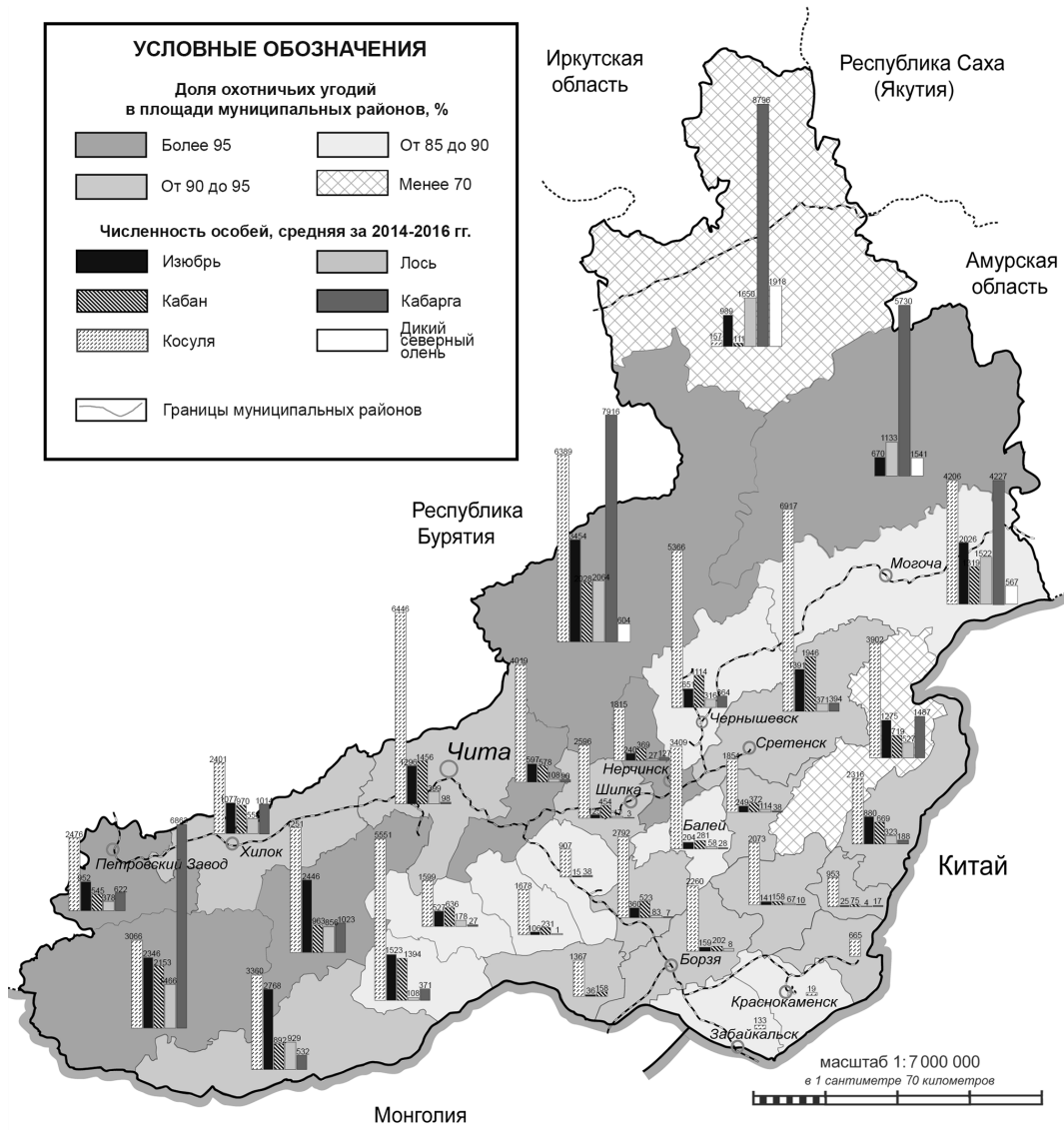

Рис. 1. Основные виды охотничье-промысловых копытных животных по муниципальным районам Забайкальского края

Результаты исследования и их обсуждение. Ландшафтное разнообразие Забайкальского края (наличие природных зон – горной тайги, лесостепи, степи и высокогорья), особенности климата способствуют разнообразию условий для обитания видов и их многообразию. Наиболее разнообразен животный мир в горной тайге и лесостепи, в степи широко представлены различные виды грызунов. В крае обитают следующие дикие копытные животные, являющиеся лицензионными видами и имеющие большое промысловое значение: лось, изюбр (благородный олень), кабан, дикий северный олень, кабарга и косуля сибирская (рис. 1, 2). Сибирская косуля самый массовый вид копытных, встречается во всех районах, дикий северный олень обитает в северных районах Забайкальского края (рис. 3).

В 2004 г. в Читинской области были проведены аэровизуальные учетные работы на значительной протяженности авиаучетных маршрутов (около 13 тыс. км) и большом охвате учетной площади (7 213 км²). По данным аэровизуальных учетов 2004 г. зафиксирована следующая численность копытных в области: лось – 10 821, изюбр – 20 561, дикий северный олень – 6 806, косуля – 86 125. Ресурсы кабана и кабарги не фиксировались. Авиаучет 2004 г. показал более низкие результаты по лосю, изюбрю и северному оленю, чем по ЗМУ того же года [11]. По данным Охотуправления Минприроды Забайкальского края, полученных в результате ЗМУ, средняя за три последних года (2014–2016 гг.) численность копытных в крае составила: лось – 13 264 особи, изюбр – 26 532, кабан – 20 360, дикий северный олень – 4 630, кабарга – 39 974, косуля – 84 808. По данным ЗМУ в 2004 г. численность волка в крае, влияющего на численность и структуру популяций диких копытных, составляла 3 944, а средняя за три последних года (2014–2016 гг.) – 3 073.

Социально-экономический кризис негативно отразился на развитии охотничьего хозяйства. На наш взгляд на это оказало влияние недостаточное совершенство институциональной системы в отрасли, когда слом старых методов не пошел ей на пользу, а наоборот, ухудшил положение дел. Авиаучетные работы, проводимые с целью уточнения численности копытных животных, ранее обеспечивали достаточную достоверность учетных данных и являлись важным науч-

но-практическим мероприятием. По данным авторов [12] необходимость осуществления контрольных авиаучетных работ вызвана тем, что в условиях края некоторые виды диких копытных (лось, косуля, дикий северный олень) совершают длительные перекочевки, вызванные малоснежьем, многоснежьем, плотностью снега, обилием кормов и воздействием хищников. Так, в последние годы этих работ в северных районах края лоси и северные олени перекочевывали из долин в подгольцовую зону, спасаясь от волков и браконьеров, а миграции косули (в центральных районах) в низовья рек Нерчи и Шилки проявились в многоснежный сезон 2003–2004 гг. Авиаучетные работы позволяют оценить состояние ресурсов копытных и где необходимо дать рекомендации к ограничению или краткосрочному запрету добычи. Для получения более достоверной информации по численности диких копытных рекомендовалось [11] сочетать авиа и наземные методы учета их запасов.

Проведение ЗМУ как основного метода при учете численности промысловых животных является следствием территориально-институциональной централизации в управлении природными ресурсами (в данном случае охотничьими). Между тем, специалистами в области государственного и муниципального управления отмечается, что «децентрализация государственного управления, или смягчение его пресса непосредственно связано с формированием институциональной структуры рыночного общества» [23, с. 76]. За рубежом в области организационно-правового обеспечения устойчивого охотпользования разработаны принципы, направленные на его совершенствование. Одним из таких принципов подчеркивается важность того, что местные пользователи компонентов биоразнообразия должны обладать достаточными полномочиями, чтобы быть ответственными за использование ресурсов [16], т.е. речь идет о развитии местном самоуправлении. Значение этого принципа обозначается следующим образом: «Пользователь животным миром станет создателем только в том случае, если он будет заинтересован во вложении средств в охотничье хозяйство и будет наделен большими правами по охране и использованию ресурсов» [10, с. 6]. При этом наличие больших полномочий не подразумевает снижение

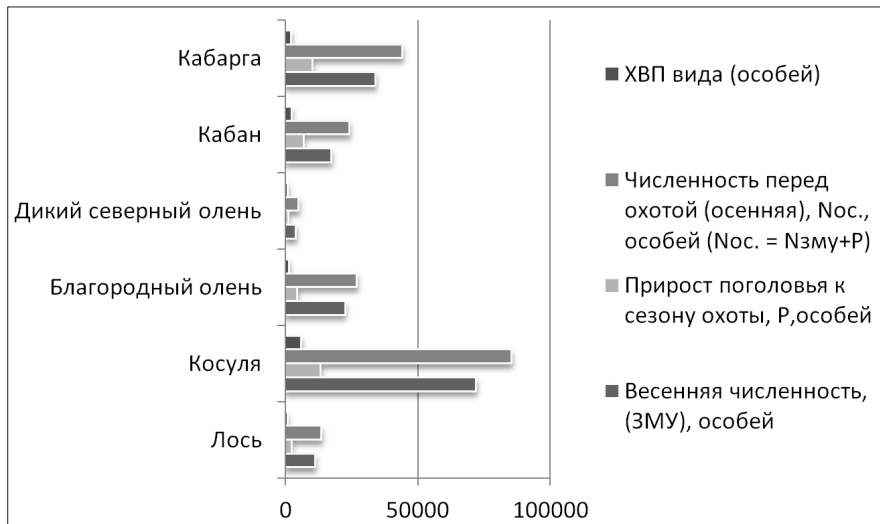

Рис. 2. Численность основных видов диких копытных животных в Забайкальском крае, особей (усредненные показатели за период 2014–2016 гг.)

Составлено автором с использованием данных управления по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира Министерства природных ресурсов Забайкальского края.

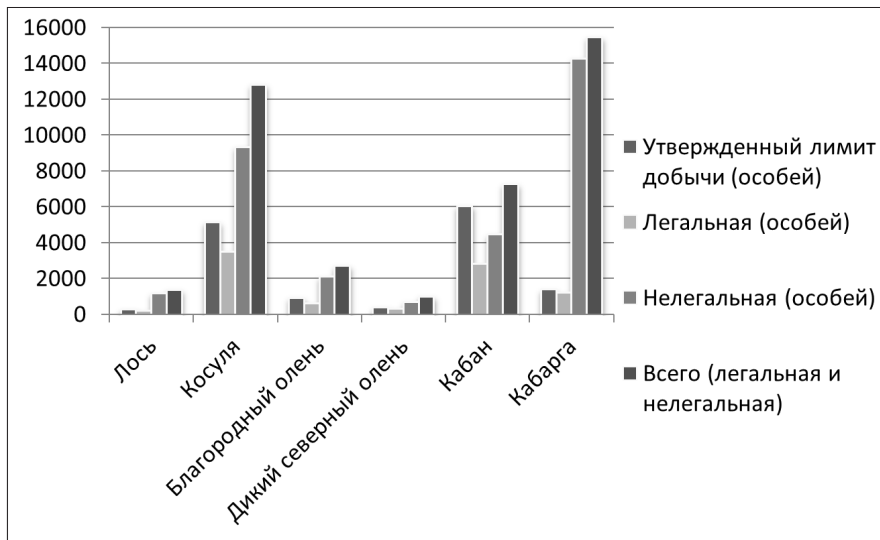

Рис. 3. Ежегодная охотничья добыча особей в Забайкальском крае (легальная – усредненные показатели за период 2014–2016 гг.*, нелегальная – расчеты автора, на основании экспертных оценок охотоведов).

*Составлено с использованием данных управления по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира Министерства природных ресурсов Забайкальского края

исполнительской дисциплины и порядка. В научном сообществе рассмотрены недостатки метода ЗМУ и предлагаются и обосновываются другие методы учета численности охотничьих ресурсов [18, 19], которые можно рассмотреть и при необходимости внедрить в практику, что возможно при определенной степени децентрализации управления.

В проблеме браконьерства большое значение имеют как формальные институты (аппараты контроля исполнения установленных правил функционирования охотничьего природопользования), так и неформальные (правила, традиции, культура охоты). Количественным ее выражением являются расчёты ущерба животному миру от нерационального

использования. Проведенная оценка дала следующие результаты по данному ущербу: по косуле – от 1 599 до 2 599 млн руб., по кабарге – от 3 101 до 3 618 млн руб., по кабану – от 1 134 до 1 701 млн руб., по изюбрю – от 528 до 1 583 млн руб., по лосю – от 372 до 638 млн руб., по дикому северному оленю – от 23,4 до 82 млн руб. Таким образом, по всем видам добыча превышает их ХВП (соответствующие нормативы изъятия).

Нелегальная добыча особей (% от осенней численности) по расчетам составила по видам: кабарга – от 32 до 37%, кабан – от 18,4 до 28,4%, дикий северный олень – от 13,8 до 18,8%, косуля – от 11 до 15,9%, лось – от 8,5 до 13,5%, благородный олень (изюбр) – от 7,7 до 17,7%. Нелегальная добыча особей превышает ХВП вида: по кабарге – в 6–7 раз, по лосю в 3–4 раза, по кабану – в 1,8–2,8 раз, по изюбрю – в 1,5–3,5 раза, по косуле – в 1,5–2 раза, по дикому северному оленю – в 0,7–1 раз,

Изучение незаконной добычи (браконьерства) затруднено из-за латентного характера этого явления. В то же время проблема браконьерства существенно влияет на допустимое изъятие промысловых видов. Так, по данным известных ученых, охотоведов в России по одной лицензии (по анонимным опросам) добывают не менее двух лосей, 4–6 косуль, и столько же кабанов [22]. Усилению браконьерства способствует высокая арендная плата за охотничьи угодья, которая «делает легальную промысловую охоту заведомо убыточной и вытесняет охотников в теневой сектор» [4, с. 152]. Отмечается [5, с. 83], что «неудовлетворительное состояние ресурсов лося в России, выражающееся в чрезвычайно низких показателях плотности, скорости роста и добычи обусловлено не популяционными особенностями, а высокой зимней смертностью, основная часть которой (59,9% всей зимней смертности) приходится на продолжающую увеличиваться браконьерскую добычу».

На основе изучения взглядов, представленных в охотоведческой литературе по данной проблеме можно выделить некоторые предлагаемые возможные пути ее решения. Так, например, для борьбы с браконьерством, а именно для сокращения легального браконьерства, (добыча нескольких животных на одну лицензию) предлагается [15] сократить время действия лицензии до минимума, не-

обходимого для изъятия из природы одного животного. Также необходима качественная охрана охотничьих угодий. Подчеркивается [26] необходимость восстановления института общественных охотинспекторов, лицам, вскрывшим факт браконьерства выплачивать 50% от суммы штрафа, полученного от браконьеров.

Не менее серьезным вопросом является слабо развитый институт возмещения ущерба животному миру от хозяйственной деятельности и нерационального использования. Совмещение экономических интересов и экологических последствий должно основываться на четко отлаженной и действующей системе их регулирования. Антропогенное воздействие при хозяйственном освоении приводит к нарушению среды обитания животных и как следствие к долговременному снижению численности. Возмещение ущерба природным ресурсам в результате хозяйственного освоения территорий, и в частности ресурсам животного мира, на наш взгляд, обязательно должно включать целевое, контролируемое финансирование мероприятий по восстановлению среды обитания животных.

Главным институциональным инструментом, направленным на сохранение животного мира и его охрану, является законодательная база, которую необходимо развивать. В этой области специалистами [25] предлагается внесение изменений и дополнений в законодательство, которые включали бы совершенствование методик расчета причиненного ущерба, повышение такс для расчета причиненного вреда объектам животного мира, введение количественных и качественных показателей при определении крупного ущерба. Ими же отмечается, что кратное увеличение сумм предъявляемых к браконьерам исков является одним из сдерживающих факторов незаконной добычи охотничьих ресурсов.

Выводы. Формальные институты в региональных проблемах природопользования имеют большое значение. Применительно для развития охотничьего природопользования это качество мониторинга и системы управления. В этой связи качественным институциональным недостатком является прекращение регулярных авиаучетных работ. Их возобновление будет способствовать более точной фиксации наличия ресурсов, а, следо-

вательно, и принятию соответствующих мер по использованию ресурсов (нормирование и запреты добычи при необходимости).

Серьезным аспектом недостаточной эффективности институциональной системы в охотничьем хозяйстве является проблема нелегального отстрела. Браконьерство может быть одной из причин снижения численности и даже исчезновения видов животных, что подтверждает необходимость принятия новых эколого-ориентированных институциональных решений в этой области, направленных на его снижение. Ужесточение наказания за нелегальную добычу (повышение исков) в совокупности с совершенствованием системы управления и повышением роли местного самоуправления, а также усовершенствование качества мониторинга может стать такими мерами и способствовать улучшению положения дел в данной отрасли природопользования. В связи с тем, что точных расчетов ущерба животному миру от нерационального использования произвести невозможно из-за латентности этого яв-

ления, данные, приведенные в работе, получены на основании экспертных оценок, т.е. мнения специалистов. Выяснить масштабы нелегальной добычи ценных в хозяйственном отношении охотничьих видов крайне затруднительно, и автор не претендует на абсолютную точность этой оценки. Однако, нагрузка лицензионной и браконьерской охоты на данный ресурс достаточно высока: в разной степени все виды копытных в крае испытывают пресс незаконной добычи. Высокое сверхлимитное использование происходит по кабарге, а также косуле, кабану.

Изучение влияния особенностей неформальных институтов (например, культуры охоты) в уменьшении проблемы истощения воспроизводимых ресурсов не менее актуально и может быть основой отдельных исследований данного направления.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках Проекта по Программе фундаментальных исследований СО РАН XI.174.1 на 2017–2020 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багова В.З., Фалейчик Л.М. Лесные пожары в бассейне реки Хилок // География и природные ресурсы. 2006. № 1. С. 54–59.
2. Бочарникова А.В. Трансформация институтов, регулирующих традиционное природопользование (на примере удэгейцев бассейна реки Бикин) // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 149. № 3. С. 73–91.
3. Брюханов А.В. Экологическая оценка состояния лесов в Сибири: тревожные итоги // Устойчивое лесопользование. 2009. № 2 (21). С. 21–31.
4. Глазырина И.П., Агафонов Г.М. Сельская экономика далекого приграничья: природные активы и теневая занятость // ЭКО. 2017. № 9. С. 144–156.
5. Глушков В.М. Оценка величины зимней смертности лося // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства. Мат-лы Межд. научн.-практ. конф., посвящ. 90-летию ВНИИОЗ им. проф. Б. М. Житкова (22–25 мая 2012 г.) / ГНУ ВНИИОЗ им. проф. Б.М. Житкова Россельхозакадемии; под общ. ред. В.В. Ширяева. Киров, 2012. С. 83–84.
6. Гуня А.Н. Современные тенденции в институционализации природопользования горных регионов Кавказа и средней Азии // Известия РАН. Сер. геогр. 2010. № 6. С. 77–87.
7. Гребенников В.Г. Институционализм как методология экономической науки // Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 39–44.
8. Дамбиев А.Г. Камбалин В.С. Социально-экономическая оценка охотничьего хозяйства Байкальской Сибири // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов: Мат-лы Межд. научн.-практ. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения проф. В.Н. Скалона. (Иркутск, 23–26 мая 2013 г.). Иркутск: Изд-во ИрГСХА, 2013. С. 79–82.
9. Данилкин А.А. О возможной депрессии населения диких копытных в период экономического кризиса и необходимости упреждающих мер // Вестник охотоведения. 2015. Т. 12. № 2. С. 171–185.
10. Данилкин А.А. Управление ресурсами диких копытных: основные проблемы // Охота и охотничье хозяйство. 2006. № 2. С. 4–7.
11. Дицевич Б.Н., Дюба Г.П. Отчет по проведению авиаучета лося и других диких копытных в охотгодьях Читинской области в период февраль, март, 2004 г. Чита, 2004. 13 с.
12. Дицевич Б.Н., Иванов Н.К., Латынцев П.И., Болотов В.В. Перспективы долгосрочного планирования и результаты авиаучета диких копытных в Читинском Забайкалье // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов: Мат-лы Межд. научн.-практ. конф. (Иркутск, 26–30 мая 2005 г.) Иркутск: Изд-во ИрГСХА, 2005. С. 69–75.
13. Доманов Т.А. Изменение структуры местообитаний кабарги в Амурской области под влиянием лесных пожаров // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: Мат-лы VI Межд. научн.-практ. конф. и Первого межрегион. симпозиума работников охотничьего хозяйства России. Секция: Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов, Иркутск: Изд-во Иркут. ГАУ им. А.А. Ежовского, 2017. С. 183–188.

14. *Дубовик В.А., Макарова Е.А., Камалов Р.А., Лебенгарц Я.З., Сурьев В.И., Ларин В.А., Надежкина Е.В.* Изменения численности населения диких копытных и браконьерство // Вестник охотоведения. 2012. Т. 9. № 1. С. 55–61.
15. *Макарова Е.А.* Некоторые особенности системы дикие животные – браконьеры: Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 2014. 22 с.
16. *Матвейчук С.П.* Устойчивость использования охотничьих ресурсов: международные разработки и российская ситуация // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2008. № 3. С. 44–48 [нач.]. № 4. С. 33–39 [оконч.].
17. Методика стоимостной и ценностной оценки ресурсов наземных животных и расчёта ущерба, наносимого животному миру хозяйственной деятельностью и нерациональным использованием. Новосибирск, 1998. URL: <https://pandia.ru/text/77/457/19127.php>
18. *Наумов П.П.* Анализ методик зимнего маршрутного учета (ЗМУ) «Центроохотконтроля» учетов охотничьих животных 2001–2014 г. // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии. Мат-лы IV Межд. научн.-практ. конф. Секция: Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов (28–31 мая 2015 г). Иркутск, 2015. С. 134–139.
19. *Наумов П.П.* Транссектный метод учета ресурсов охотничьих животных // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии. Мат-лы IV Межд. научн.-практ. конф. Секция: Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов (28–31 мая 2015 г). Иркутск, 2015. С. 145–152.
20. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и научн. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 180 с.
21. *Орехова С.В.* Институциональные факторы выбора ресурсной стратегии предприятия // Journal of institutional studies (журнал институциональных исследований). 2016. Т. 8. № 4. С. 106–122.
22. Охота, которую мы потеряли // Сафари. 2006. № 2 (37). С. 51–56.
23. *Романова И.В., Булах Е.В., Васильева Т.А.* Институциональное развитие политической и экономической сфер в условиях процессов децентрализации государственного управления // Вестник ЗабГУ. 2017. Т. 23. № 2. С. 76–85.
24. *Садченко Е.В.* Эколого-экономические аспекты сохранения биоразнообразия в современных условиях развития традиционных форм природопользования // Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету. 2014. № 6. С. 50–55.
25. *Сухенко С.А., Кравчук Е.А.* К вопросам правоприменительной практики при возмещении вреда как эффективной меры сохранения охотничьих ресурсов и профилактики незаконной охоты // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: Мат-лы VI Межд. научн.-практ. конф. и Первого межрегион. симпозиума работников охотничьего хозяйства России. Секция: Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов. Иркутск: Изд-во Иркут. ГАУ им. А.А. Ежовского, 2017. С. 146–153.
26. *Сухомиров Г.И.* О проблемах охотничьего хозяйства России // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: Мат-лы VI Межд. научн.-практ. конф. и Первого межрегион. симпозиума работников охотничьего хозяйства России. Секция: Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов. Иркутск: Изд-во Иркут. ГАУ им. А.А. Ежовского, 2017. С. 153–160.
27. *Черкасов А.А.* Записки охотника Восточной Сибири (1856–1863). Чита: Экспресс-издательство, 2006. 560 с.
28. Приказ Минсельхозпрода РФ от 25.05.1999 № 399 «Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный юридическими и физическими лицами незаконным добыванием или уничтожением объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты». [Электр. ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

Об авторе

Гурова Ольга Николаевна – кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории географии и регионального природопользования Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, г. Чита.

Для цитирования:

Гурова О.Н. Проблемы снижения экологических рисков в сфере использования охотничье-промысловых ресурсов в Забайкальском крае (институциональный подход) // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 92–101.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-9

Challenges of reducing ecological risks for hunting resources use in Zabaykalsky krai (an institutional approach)

O. N. Gurova

*Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chita, Russia
e-mail: lesg@bk.ru*

The resource potential of the hunting economy of the Trans-Baikal Territory is characterized by great diversity and richness of the animal world. Wild ungulate animals live in the region, which are of great commercial importance: elk, red deer, wild boar, wild reindeer, musk deer and Siberian roe deer. The regulation of the wild animals hunting is an essential condition for sustainable wildlife utilization and its preservation. Data of state monitoring of hunting resources is its basis. Therefore, the censuring is vitally important for hunting industry. One of the problems that have a negative impact on the development of the hunting economy is poaching, an increase in the volume of which, combined with other factors (loss and degradation of animal habitats), leads to a decrease in the number of commercial species. In this article an attempt to analyze the potential losses (damage) of wild ungulate animals in the territory was made on the basis of available methods, literature sources, and Hunting Service official data. The interconnection between the institutional system formed in hunting environmental management and ecological risks in hunting resource usage is analyzed. The aspects of poor efficiency of the institutional system are determined.

Keywords: Trans-Baikal territory, poaching, damage, unsustainable utilization, wildlife objects, institutional approach.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

УДК 911.3:338.48

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ТУРИСТСКИХ КЛАСТЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2019 г. Е. С. Голомидова

*Псковский государственный университет, Псков, Россия
e-mail: Golomidova_lena@mail.ru*

В статье рассмотрен ряд вопросов, связанных с выделением нового критерия для оценки степени сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов разного уровня. В качестве предложенного критерия выступает трансграничный туристский кластер, который может рассматриваться как ядро трансграничного туристско-рекреационного региона. Исследование опирается на научные разработки в рамках двух концепций в географии туризма и рекреации, а именно, на концепции туристских кластеров и трансграничных туристско-рекреационных регионов. В первой части статьи представлен опыт разработки классификации туристских кластеров на основе имеющихся научных исследований в рамках этого подхода. Предложенная классификация опирается на такие признаки туристских кластеров, как их стадия развития, туристские доминанты, виды развиваемого туризма, административно-политический статус и размер охваченной территории, расположение относительно государственной границы и др. Наличие трансграничного туристского кластера может свидетельствовать о достаточно высокой степени сформированности конкретного трансграничного туристско-рекреационного региона. Во второй части работы представлены результаты апробации данной классификации туристских кластеров на территории Псковской области, а также на прилегающих к ней землях соседнего государства, которые являются частью трансграничных российско-эстонских туристско-рекреационных регионов разного иерархического уровня.

Ключевые слова: классификация, туристский кластер, туристские ресурсы, трансграничный регион, Сетомая, Псковская область, Россия, Эстония.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-10

Введение и постановка проблемы. В настоящее время туризм играет важную роль в социально-экономической жизни регионов. При этом в научной литературе и научно-прикладной деятельности все чаще используются сочетания «кластерный подход» и «кластерная политика» в туризме. Основной целью создания туристских кластеров является увеличение конкурентоспособности дестинации на туристском рынке за счет синергетического эффекта. Благодаря этому повышается эффективность работы туристских организаций и предприятий, входящих в данный кластер, что стимулирует внедрение инновационных подходов и новых перспективных направлений. В качестве основных результатов реализации кла-

стерных проектов рассматриваются: освоение территорий, повышение их социально-экономического уровня развития, создание полноценной инфраструктуры туризма (системы общественных пространств, включая парковые зоны и улицы, развитую гостиничную и выставочную инфраструктуру, современные объекты общественного питания, торговли и индустрии развлечений). Они могут выступать инструментом налаживания и расширения приграничного сотрудничества.

Актуальность обозначенного подхода связана с тем, что туристские кластеры являются объектами поддержки в рамках стратегий регионального развития. Согласно Ю.П. Ковалеву [7], туристский кластер – это сконцентрированная на определенной тер-

ритории группа взаимосвязанных предприятий туристской сферы, взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга при создании комплексного туристского продукта территории. Благодаря существованию кластеров повышается конкурентоспособность существующих туристско-рекреационных центров и формируются новые туристские маршруты, направления и продукты. Появление туристского кластера обычно происходит под воздействием определенных условий и факторов, к их числу относятся ресурсные (культурно-исторические, природные, трудовые, финансовые и др.) и деятельностные, которые создаются в результате деятельности человека (это могут быть инновации, неординарные знания, умения, навыки и другие) [17].

Обзор ранее выполненных исследований по теме. Теория кластеров была разработана в зарубежной науке М. Портером [25]. В 90-е гг. XX в. велись работы по адаптации кластерной концепции к сфере туризма. М. Монфорт в 2000 г. впервые ввел в научный оборот понятие «туристский кластер» [29]. Значительные исследования в этой области провели А.Б. Родригес, М. Бени, С. Нордин [21, 23].

На первом этапе становления данной категории «туристский кластер» представлял собой интерпретацию понятия «экономический кластер», введенное М. Портером в 1998 г. Такой подход к изучению туристского кластера доминировал в 2003–2004 гг. и впоследствии был назван классическим. Он продолжает существовать также и в наше время, но с небольшими коррективами. Данный подход в своих исследованиях использовали А.Ю. Александрова [1], Ф. Капоун и др.

На втором этапе (2006–2008 гг.) категория «туристский кластер» стала рассматриваться как официальная парадигма. В рамках этой парадигмы был разработан административно-региональный подход (исследования О.Н. Петровой, М.Г. Клевченкова, М. Новелли и др.) [19, 22].

Третий этап характеризуется частичным возвратом к портеровской интерпретации кластера. Формируется системный подход, в центре внимания которого находится группа взаимосвязанных отраслевых компаний, формирующих необходимый комплекс услуг. При этом туристская инфраструктура и туристско-рекреационный потенциал реги-

она уходят на второй план. На этом этапе исследования проводились Ю.Ю. Морозовой, И.Н. Фернандо, В. Лонга и др. [10].

На четвертом этапе (2015–2017 гг.) туристский кластер стал рассматриваться как локализованная система туристских аттракций, компаний туристской и смежной отраслей, объединенных системой инфраструктуры, цепочкой создания стоимости и специфической тематикой, позволяющей наиболее выгодно подчеркнуть сильные стороны территориально-экономического объединения. Роль власти имеет двойную природу: институт, определяющий правила игры и отдельный элемент власти. Формируется новый подход к изучению – подход бренда территорий. Основные результаты исследования на этом этапе отражены в работах Т.Х. Тринх, И.Н. Корабейниковой, Ю.Е. Холодилиной [8, 24] и др. Кроме четырех основных этапов становления концепции туристских кластеров выделяют также и три переходных этапа [10].

Кроме обозначенных исследований, вопросы формирования туристских кластеров были рассмотрены в работах Т.Р. Гареева [2], А.И. Зырянова [5, 6], Ю.П. Ковалева [7], О.Н. Кострюковой и Е.Г. Карповой [9], Е.Г. Кропиновой [11, 13], А.В. Митрофановой [17] и других авторов. Согласно А.И. Зырянову [6], туристские кластеры территориально могут быть представлены в виде групп муниципальных образований. При этом их можно разделить на три зоны. Первой является *центральная зона*, которая инициирует туристские инновации, выступает в качестве распределителя туристских потоков. Вторая зона – *базовая*, где сосредоточены центральные туристские объекты и созданные на их основе маршруты. Третья зона объединяет *ареалы, перспективные для развития туристского бизнеса*. Все три зоны могут охватывать определенный регион (область), или даже выходить за его пределы, формируя межрегиональное туристское сотрудничество. Таким образом, туристские кластеры стимулируют туристскую динамику достаточно обширных территорий.

Для каждого кластера должна существовать возможность создания особенных туристских брендов. Он выполняет свои специфические функции в туристско-рекреационном регионе и выделяется своими видами рекреации и туризма. Все это наце-

лено на получение синергетического эффекта при условии взаимосвязанного развития всех кластеров.

Так как «туристский кластер» является достаточно молодым понятием в современной науке, признанной классификации туристских кластеров пока не разработано. В данной работе представлен опыт разработки классификаций туристских кластеров на основе имеющихся научных исследований в рамках этого подхода.

Целью исследования является разработка классификаций туристских кластеров с последующей их апробацией применительно к Псковской области и соседних с нею приграничных территорий.

Классификации туристских кластеров. Опираясь на исследования по географии туризма и рекреации, выполненные в рамках кластерного подхода, туристские кластеры можно классифицировать по следующим семи признакам.

1. Классификация туристских кластеров по количеству видов туризма. На основе данного признака можно выделить:

– *комплексные туристские кластеры*, которые предполагают развитие нескольких видов туризма;

– *отраслевые туристские кластеры*, которые создаются для функционирования и совершенствования одного вида туризма.

2. Классификация по числу ядер внутри туристского кластера. В пределах каждого туристско-рекреационного района может быть один или несколько туристских кластеров, которые являются центрами (ядрами) развития конкретного туристско-рекреационного района [3]. Данные кластеры выступают как наиболее развитые туристские фокусы в пределах определенного региона. Они в полной мере используют имеющиеся туристско-рекреационные ресурсы и способны предоставить разнообразный комплекс туристского сервиса. При этом сами туристские кластеры также могут делиться на одно- или многоядерные.

3. Классификация туристских кластеров в зависимости от видов туризма. В настоящее время существуют разные классификации туризма, которые зависят от выбранного критерия дифференциации. Турист может выступать в качестве как активного, так и пассивного субъекта туристской индустрии. При этом туристская деятельность трансфор-

мируется со временем. На данный момент среди туристов популярны как традиционные виды, связанные с культурой, спортом, так и новейшие (событийный туризм, сельский туризм и т.д.). С каждым годом выбор туров становится все более разнообразным. Наибольшее распространение получили классификации туризма *по территориальному аспекту* (внутренний, выездной и въездной), *по продолжительности тура* (краткосрочный, среднесрочный, долгосрочный), *в зависимости от участия посредника в организации туристской поездки между туристом и предпринимателем* (организованный и неорганизованный), *в зависимости от степени организации туризма* (массовый и индивидуальный), *в зависимости от возраста туриста* (детский, молодежный и т.д.), *в зависимости от средства передвижения* (авиатуризм, железнодорожный, речной и т.д.). В данной работе будет использована *классификация туризма*, а соответственно и *туристских кластеров*, *в зависимости от целей совершения поездки*. Единого подхода к данному делению не существует, так как туристские цели очень разнообразны и иногда пересекаются между собой. Перечислим некоторые из них:

– *познавательный* (осмотр географических, исторических, культурных достопримечательностей для изучения культуры, природы, религии данной страны или местности);

– *религиозный или паломнический*, который предполагает поездки по святым местам;

– *экологический* (путешествия в места, незатронутые антропогенным воздействием);

– *спортивный туризм* (туры, связанные с спортом);

– *лечебный или оздоровительный* (поездки, которые подразумевают потребность человека в диагностике заболевания, профилактических и лечебных услугах);

– *деловой* (временные путешествия со служебными целями);

– *образовательный* (поездки с целью стажировки, обучения);

– *этнографический* (такие поездки подразумевают изучение определенной этнической группы населения, образа жизни, особенностей культуры);

– *рекреационный* (туры с целью отдыха и восстановления сил).

Соответственно, и туристские кластеры могут быть рассмотрены как образователь-

ные, познавательные, рекреационные, деловые и т.д.

4. По масштабу территории и политико-административной привязке туристские кластеры могут быть разделены на *международные, национальные, региональные, районные, городские и внутригородские*.

Международный кластер предполагает международное сотрудничество двух и более соседних стран, а национальный кластер является важным компонентом развития туризма в пределах страны. Региональный кластер предполагает территориальный охват целого субъекта Федерации (края, области, республики и т.д.). Районный кластер примерно может соответствовать территории административного района, т.е. административно-территориальной единицы низового уровня. Городской туристский кластер имеет важное, основополагающее значение для развития туризма в конкретном городе. Внутригородской кластер базируется на отдельной части города, причем он может быть представлен как в центральном, так и в периферийном районе (микрорайоне).

5. Важным признаком классификации туристских кластеров является их расположение относительно государственной границы. В связи с этим можно выделить:

– *внутренние туристские кластеры*, расположенные на значительном удалении от государственной границы;

– *приграничные кластеры*, расположенные в непосредственной близости от государственной границы (к ним относятся территории, включающие административные районы и города, особо охраняемые природные объекты, санаторно-курортные зоны и другие территории);

– *трансграничные кластеры*, которые охватывают территории по обе стороны от государственной границы. Такие туристские кластеры стимулируют социально-экономическое развитие и повышают туристский поток прилегающих к границе территорий.

6. Классификация туристских кластеров по генетическим признакам. Согласно исследованиям А.Н. Митрофановой [17], можно выделить пять уровней развития туристских кластеров. На первом этапе развития (или уровне *пре-кластера*) формируется региональный туристский рынок, появляются туристские фирмы и другие предприятия, предоставляющие услуги питания,

проживания и развлечений. На втором уровне (*зарождающийся кластер*) образуются кооперативные связи между участниками туристского процесса, так как происходит осознание роли партнерских связей для усиления своей конкурентоспособности. Далее наступает стадия *развивающегося кластера*. В этот момент возникают внутренние и внешние связи, происходит формирование успешной совместной деятельности предприятий сферы туризма, усиливающей данную сферу в региональной экономике. *Зрелый кластер* характеризуется максимальной сопряженностью внутренних связей в кластере. В *угасающем кластере* происходит ослабление внутренних связей и их распад.

7. Классификация кластеров в зависимости от туристской доминанты.

В качестве доминанты могут выступать объекты инфраструктуры (средства размещения), объекты туристского интереса (музейные, горнолыжные комплексы и т.п.) [6].

Туристский кластер, имеющий трансграничный характер, может быть рассмотрен также в качестве одного из основных признаков, используемых для выделения трансграничных туристско-рекреационных регионов. В 2017 г. Е.Г. Кропиновой была защищена докторская диссертация [12], посвященная теории и практике формирования трансграничных туристско-рекреационных регионов в пределах Балтийского макрорегиона. Автор данной работы предложила понятийный аппарат, раскрыла содержание этого процесса, выявила закономерности, факторы формирования, а также выдвинула 10 признаков (6 основных и 4 дополнительных) для определения наличия трансграничных туристско-рекреационных регионов на конкретной территории [13]. Таким образом, наличие трансграничных туристских кластеров может рассматриваться в качестве 11-го признака (или 7-го основного признака) при выделении и оценки степени сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов.

8. Классификация кластеров по типу географического каркаса [20]:

– *«ленточный»*, который обычно формируется на побережье моря или океана (подобные кластеры получили распространение в Турции, Крыму и т.д.);

– *«звездочный»*, который функционирует по системе «центр – периферия», т.е. имеет

ярко выраженный центр прибытия туристов в кластер (примерами являются Санкт-Петербург с прилегающими территориями Северо-Запада России, Москва с Подмосковьем и т.д.;

– «*рассредоточенный*», в который входят равнозначные города и курорты, имеющие развитую транспортную инфраструктуру и представляющие интерес для туристов (характерен для туристских кластеров США, Германии, Китая и т.д.).

9. Классификация кластеров в зависимости от роли власти: 1) институциональные органы являются частью кластера; 2) институциональные органы контролируют развитие кластера.

Результаты исследования. Опыт классификации туристских кластеров на территории Псковской области. Псковская область, благодаря своему географическому положению, является территорией, где возможно формирование трансграничных туристско-рекреационных регионов (ТТРР). Ранее нами была рассмотрена иерархия и степень сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов на приграничных землях Псковской области, Эстонии и Латвии [15, 16]. Предложенные классификации туристских кластеров рассмотрим, в первую очередь, на примере выделенных ТТРР.

1. Так, например, *комплексный туристский кластер* развивается в пределах трансграничного туристско-рекреационного микрорегиона первого уровня «Псков – Печоры – Тарту», который характеризуется средним уровнем сформированности. Он предполагает развитие, в первую очередь, следующих видов туризма: *культурно-познавательного* (благодаря богатству объектов природного и культурно-исторического наследия России и Эстонии) и *событийного*. Последний включает проведение совместных мероприятий, основной целью которых является создание интереса к историко-культурному наследию региона и его сохранения для будущих поколений. К примеру, это фестивали «Исаборг» (в июне) и «Железный град» (в августе), международный фестиваль «Сетомаа. Семейные встречи» (в конце августа), а в эстонской части Сетомаа ежегодно, в первую субботу августа, происходит избрание «Короля сету (сето)». Также особо можно отметить *религиозный, экологический, спор-*

тивный виды туризма, причем этот перечень можно продолжать и далее [14].

Микрорегион третьего уровня «Сетомаа», обладающий уровнем сформированности «выше среднего», может опираться на *отраслевой туристский кластер*, который предполагает развитие *этнографического* туризма, связанного с проживанием по обе стороны российско-эстонской границы финно-угорского народа сету (самоназвание – «сето»). Этот народ заметно отличается от родственников по языку эстонцев, обладая при этом оригинальной духовной и материальной культурой благодаря принятию православной религии, но при сохранении некоторых языческих обычаев. Постановлением Правительства РФ от 17 июня 2010 г. сету (сето) были внесены в Единый перечень малочисленных народов страны [18]. В настоящее время уже в Сетомаа создаются интересные туристские маршруты, соединяющие Россию и Эстонию.

2. Вторая классификация позволяет нам выделить в рамках одного трансграничного туристско-рекреационного региона *несколько ядер*. В качестве примера можно разобрать ТТРР «Псков – Печоры – Тарту», рассмотренный нами как микрорегион первого уровня, т.к. он включает несколько муниципальных образований высшего порядка. В его состав входят г. Псков, Псковский и Печорский районы (с российской стороны), уезды Вырумаа, Пылвамаа и Тартумаа (с эстонской стороны) [16]. Его территория со стороны России включает наиболее развитый туристско-рекреационный район Псковской области – Псково-Печорский [28]. Данный туристско-рекреационный район включает два мощных ядра – «Изборско-Печорский» и «Псковский», которые можно рассматривать как два туристских кластера трансграничного микрорегиона «Псков – Печоры – Тарту». С эстонской стороны таким звеном является туристский кластер г. Тарту. Соответственно, трансграничный туристско-рекреационный регион «Псков – Печоры – Тарту» является трехядерным, т.е. располагает тремя достаточно развитыми туристскими кластерами.

3. Рассматривая классификацию туристских кластеров *по видам туризма*, можно вновь обратиться к туристскому кластеру «Сетомаа», где культура сету (сето) представляет собой дополнительный туристский

ресурс. Этот кластер является частью Изборско-Печорского туристско-рекреационного кластера. Его же можно рассматривать как одно из ядер развития этнографического и событийного туризма в Псковской области. Как было отмечено выше, формирование этого туристского кластера обусловлено проживанием на пограничных территориях России и Эстонии православного народа сету (сето). Согласно А.И. Зырянову [6], кластер образуется благодаря туристскому потоку, который соответствует определенному туристскому маршруту. В настоящее время существует этнографический туристский маршрут, который соединяет музеи и достопримечательности, посвященные народу сету (сето). С российской стороны маршрут включает музей-усадьбу народа сето (филиал Изборского музея-заповедника), авторский музей народа сето Т.Н. Огаревой. С эстонской стороны – это Саатский музей (уезд Пылвамаа), хутор-музей близ с. Вярска (уезд Пылвамаа), изба-музей в с. Обинитса (уезд Вырумаа), туристский хутор в с. Калатсово (уезд Вырумаа). Более того, на территории эстонской части Сетомаа разработан обширный экскурсионный маршрут «Сетуский сельский кушак», который включает 37 объектов [30].

Трансграничный туристско-рекреационный микрорегион третьего уровня «Чудской» (или «Причудский»), который находится в начальной стадии формирования, предполагает в перспективе развитие *экологического кластера* благодаря своему расположению (на побережье Псковско-Чудского озера), а также видам туризма, получившим развитие на его территории.

На территории Псковской области и соседних государств могут развиваться как внутренние, так и трансграничные культурно-познавательные, религиозные кластеры, как результат использования в туризме богатого культурно-исторического и природного наследия.

4. Опираясь на четвертую классификацию, туристский кластер «Сетомаа» можно отнести к *межнациональному*. Также нужно отметить, что в Псковской области, в рамках федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ на 2019–2025 гг.», планируется создание туристско-рекреационного кластера «Духовные истоки» [26]. Предполагается

несколько ступеней его развития. Первый этап должен охватить г. Псков и Печорский район, а далее развитие кластера продолжится в Островском, Псковском и Пушкиногорском районах (рис. 1). Таким образом, данный туристский кластер можно будет отнести к *региональному*.

В качестве перспективного *районного туристского кластера* можно рассматривать Изборско-Печорский кластер, который охватывает значительную часть территории Печорского района, обладающего большим разнообразием исторических, природных и культурных объектов, которые популярны среди российских и иностранных туристов.

Примером *внутригородского кластера* является туристско-рекреационный кластер (ТРК) «Псковский», проект создания которого был включен в Федеральную целевую программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)». Работы по созданию кластера охватили центральную часть г. Пскова. В число основных задач проекта входили: диверсификация туристского продукта (развитие инфраструктуры для разных видов туризма, в т.ч. делового и оздоровительного), расширение гостиничной инфраструктуры, реконструкция общественных пространств, транспортной инфраструктуры (рис. 2). Национальный и городской кластер в Псковской области на данный момент выделить сложно.

5. Благодаря географическому положению Псковской области, граничащей с Эстонией, Латвией и Республикой Беларусь, многие формирующиеся туристские кластеры можно отнести к *приграничным*. Примером *внутреннего* туристского кластера является ТРК «Псковский».

Отдельно нужно отметить туристский кластер «Сетомаа», который относится к *трансграничному типу*. Начиная с XIII в. и вплоть до 20-х гг. XX в. территория трансграничного туристско-рекреационного микрорегиона «Сетомаа» входила последовательно в состав Новгородской земли, Псковской земли, Псковского наместничества, Псковской губернии. С 1920 по 1944 г. вся территория Сетомаа была частью Эстонии, а с 1944 г. эти земли были разделены между Эстонией и Россией, войдя в состав Печорского района Псковской области, а также эстонских районов (в последую-

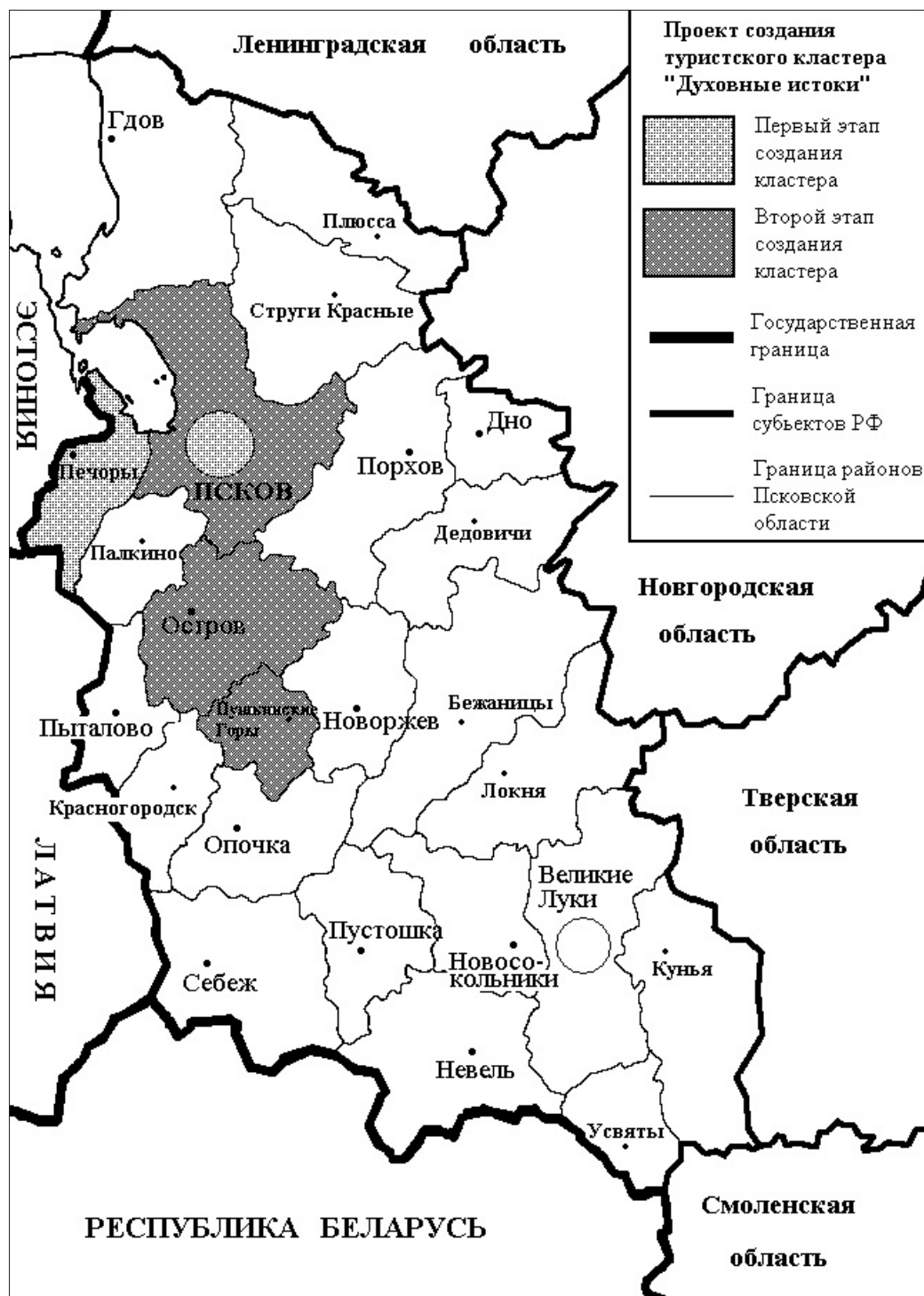

Рис. 1. Территория распространения проекта туристского кластера «Духовные истоки»
Составлено автором по: [26].

шем уездов) Пылвамаа и Вырумаа. С 1991 г. территория Сетомаа оказалась разделенной государственной границей [14]. Прак-

тические шаги по поддержке этнической идентичности сету (сето) в Псковской области выражаются в принятии в 2011 г. реги-

Рис. 2. Структура туристско-рекреационного кластера «Псковский»
Источник: [26].

ональной программы развития. В Эстонии на данный момент действует проект по созданию рекреационной зоны и туристского кластера в Сетомаа, а в рамках работы парламента Эстонии существует «Ассоциация поддержки Сетомаа» [4, 30].

6. Согласно *генетической классификации* [17] большинство туристских кластеров Псковской области можно отнести к уровню развития *«пре-кластеров»* или *«зарождающихся»*. Данная классификация кластеров схожа с классификацией по уровню сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов, которая была предложена Е.Г. Кропиновой [11], где «пре-кластер» соответствует *потенциальному* типу, «зарождающейся» – *низкому* уровню сформированности, «развивающийся» – *среднему*, «зрелый» – *высокому*. В Псковской области только один трансграничный туристский кластер, а именно «Сетомаа», можно отнести к категории *«развивающихся»* (в соответствии с уровнем сформированности ТТРР «Сетомаа», оцененной нами как «выше среднего»). Его дальнейшее развитие сдерживает государственная грани-

ца барьерного типа, а также слабая инфраструктура (малое количество отелей, сети кафе и ресторанов, в особенности на российской стороне). С другой стороны, внимание, которое в последнее время уделяется культуре народа сету (сету), уже в ближайшем будущем должно привести к созданию достойной туристской инфраструктуры и увеличению трансграничного туристского потока. Этому же должен способствовать этнографический турмаршрут, который связывает две страны и уже пользуется большим спросом среди туристов.

7. Обращаясь к туристскому кластеру «Сетомаа» можно также выделить *туристскую доминанту*, которая в данном случае выражается в объекте туристского интереса, а именно в музейных предприятиях на территории Сетомаа. Во-первых, это единственный в России Музей-усадьба народа сету, расположенный в д. Сигово Печорского района Псковской области. Здесь сохраняется уникальная материальная и духовная культура этого малого народа. Музей размещается в подлинной усадьбе семьи Кюлаотс, построенной в конце XIX – начале XX вв.

С 1999 г. музей стал филиалом историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Изборск». Во-вторых, в той же деревне расположен народный музей сето, созданный Т.Н. Огаревой. Вместе они дают уникальную информацию о культуре сету (сето) и создают благоприятные перспективы для развития этнографического туризма [27]. На эстонской стороне также существуют музеи, посвященные народу сету (сето). Это музеи в с. Обиница (уезд Вырумаа), Сетоский хутор-музей в с. Вярска (уезд Пылвамаа), туристский хутор Сетомаа в с. Калатсово (уезд Вырумаа) [30]. Таким образом, по обе стороны от российско-эстонской границы уже имеются туристские доминанты, которые должны послужить основой для последующего развития трансграничного этнографического кластера [3].

8. Для Псковской области характерен *звездочный тип каркаса*, т.к. имеется ярко выраженный центр (Псков) и вспомогательные опорные центры (Изборск, Печоры, Пушкинские горы и т.д.). В свою очередь, через центральный город туристы могут попасть в другие кластеры – Санкт-Петербург, Великий Новгород, Смоленск и т.д.

9. В Псковской области органы власти осуществляют *организацию и контроль* функционирования туристских кластеров.

Выводы. Псковская область обладает значительным туристско-рекреационным потенциалом, ориентированным как на внутренних потребителей, так и на туристские

потоки из других регионов России и зарубежных стран. К тому же, географическое положение Псковской области благоприятствует развитию на ее территории, а также на смежных землях соседних стран (Эстонии, Латвии и Республики Беларусь), трансграничных туристско-рекреационных регионов. В качестве одного из основных признаков данных трансграничных регионов и для оценки степени их сформированности может выступать наличие и уровень развития трансграничных туристских кластеров. Процесс кластеризации в сфере туризма позволит повысить степень сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов и в целом будет способствовать социально-экономическому развитию Псковской области.

Результатом проведенного исследования являются предложенные в статье классификации туристских кластеров, основанные на работах, имеющихся в настоящее время по данной проблематике. В частности, это классификации туристских кластеров по количеству образующих их ядер, по видам туризма и их общему количеству, по политико-административной привязке территории кластеров, по типу географического каркаса, расположению относительно государственной границы, по генезису (стадиям развития) и туристским доминантам. Все предложенные классификации апробированы на примере туристских кластеров на территории Псковской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова А.Ю.* Туристские кластеры: содержание, границы, механизм функционирования // Современные проблемы сервиса и туризма. 2007. № 1. С. 51–61.
2. *Гареев Т.Р.* Кластеры в институциональной проекции: к теории и методологии локального социально-экономического развития // Балтийский регион. 2012. № 3 (13). С. 7–33.
3. *Голомидова Е.С.* Оценка возможностей создания трансграничного туристского кластера на псковском участке российско-эстонского порубежья // Туризм и региональное развитие: сборник научных статей. Вып. 11 / Под ред. А.П. Катровского, С.А. Щербаковой. Смоленск: Универсум, 2019. С. 11–16.
4. *Задорин М.Ю., Храмцова А.А., Соловьева А.Н.* Сету: история и современное состояние этнического и культурного сообщества на территории России // International Scientific Review of the Problems And Prospects of Modern Science And Education. Collection of scientific articles XLVII International correspondence scientific and practical conference. 2018. С. 43–52.
5. *Зырянов А.И.* Географическое поле туристского кластера // Географический вестник. 2012. № 1 (20). С. 96–98.
6. *Зырянов А.И.* Теоретические аспекты географии туризма. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2013. 158 с.
7. *Ковалев Ю.П.* Туристские кластеры: теоретические и методологические вопросы формирования. Смоленск: Универсум, 2009. 192 с.
8. *Корабейников И.Н., Холодилина Ю.Е.* Развитие регионального туризма на основе кластерного подхода // Известия Оренбургского гос. аграрного университета. 2015. № 2. С. 49–58.
9. *Кострюкова О.Н., Карпова Е.Г.* Методы идентификации туристских кластеров в системе регионального туризма // Проблемы современной экономики. 2011. № 4. С. 374–378.

10. Кошчев Д.А., Исопескуль О.Ю. «Проблемы реализации кластерной политики в туристической сфере Пермского края» // Региональные исследования. 2017. № 3. С. 91–99.
11. Кропинова Е.Г. Комплексный подход при планировании и управлении трансграничными туристскими кластерами (на примере российско-литовско-польского трансграничного туристско-рекреационного региона, прилегающего к оз. Виштынецкое) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 1. С. 117–128.
12. Кропинова Е.Г. Теория и практика формирования и развития трансграничных туристско-рекреационных регионов: дисс. ... докт. геогр. наук: 25.00.24 / БФУ им. И. Канта. Калининград, 2017. 324 с.
13. Кропинова Е.Г. Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. 272 с.
14. Манаков А.Г., Голомидова Е.С., Крыстев В.К., Янчева К.Д. Потенциал развития трансграничного туристско-рекреационного микрорегиона «Сетомаа» // Псковский регионологический журнал. 2018. № 2 (34). С. 02–116.
15. Манаков А.Г. Предпосылки формирования трансграничного латвийско-эстонско-российского туристско-рекреационного региона // Псковский регионологический журнал. 2017. № 3 (31). С. 104–118.
16. Манаков А.Г., Турченко Е.С. Особенности формирования трансграничного туристско-рекреационного региона «Псков – Печоры – Тарту» // Псковский регионологический журнал. 2017. № 4 (32). С. 31–39.
17. Митрофанова А.В. Региональный туристский кластер как форма пространственной организации туризма (на примере Калининградской области): автореф. дисс. ... канд. геогр. наук / КГУ им. Канта. Калининград, 2010. 20 с.
18. Суворков П.Э. Этносоциальный портрет сету Печорского района Псковской области (по материалам экспедиции 2016 г.) // Псковский регионологический журнал. 2017. № 3 (31). С. 55–79.
19. Петрова О.Н., Клевченков М.Г. Кластер как инструмент обеспечения конкурентоспособности туристского комплекса региона // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 13. С. 45–51.
20. Пидгурская Н.Н. Кластерный подход к регулированию туризма в регионе: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Иркутск, 2006. 163 с.
21. Beni M. Globalizaao do Turismo: Megatendencias do Sector e a Realidade Brasileira. Sao Paulo, 2003. 138 p.
22. Novelli M., Schmitz B., Spencer T. Networks, clusters and innovation in tourism: A UK experience // Tourism management. 2006. Vol. 27 (6). P. 1140–1152.
23. Rodrigues A.B. Turismo rural: praticas e perspectivas. Sao Paulo, 2003. 185 p.
24. Trinh T.H. The Industry Cluster Approach for Tourism Development of Central Vietnam // International Journal of Business and Management. 2016. Vol. 11. № 5. P. 167–178.
25. Porter M. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. N.Y.: Free Press, 1985. 557 p.
26. Сайт Администрации Псковской области. URL: <http://www.pskov.ru/novosti/23.08.18/98909> (дата обращения: 17.02.2019).
27. Сайт Государственного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Изборск». URL: <http://www.museum-izborsk.ru/ru/page/Isborsk> (дата обращения: 10.02.2019).
28. Стратегия социально-экономического развития Псковской области до 2020 года. Псков – С.-Петербург, 2009. 85 с. URL: http://www.pskov.ru/sites/default/files/documents/2010/soc_econ_strategy_pskov_2020.pdf (дата обращения: 10.02.2019).
29. Monfort M. Competitividad y factores críticos de éxito en la «hotelería de litoral»: experiencia de los destinos turísticos Benidorm y Peñíscola, Doctoral Dissertation, Universidad de València, Espanha, Valencia, 2000 // Biblioteca Virtual Miguel de cervantes. 2000. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/competitividad-y-factores-criticos-de-exito-en-los-destinos-turisticos-mediterraneosbenidorm-y-peniscola-0/> (дата обращения: 30.03.2019).
30. Visit Setomaa. URL: <http://www.visitsetomaa.ee/setumaa-i-setu> (дата обращения: 10.02.2019).

Об авторе

Голомидова Елена Сергеевна – консультант отдела по реализации программ приграничного сотрудничества Администрации г. Пскова, старший преподаватель кафедры географии Псковского государственного университета, г. Псков.

Для цитирования:

Голомидова Е.С. Опыт классификации туристских кластеров (на примере Псковской области) // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 102–112.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-10

Practice of classifying tourist clusters (case of Pskov oblast)**E. S. Golomidova***Pskov State University, Pskov, Russia**e-mail: Golomidova_lena@mail.ru*

The series of questions regarding selection a new criterion for assessing the degree of formation of transboundary tourist- recreational regions of different level is considered in the article. The proposed criterion is transboundary tourist cluster which can be regarded as a core of the transboundary tourist-recreational region. The research relies on the scientific developments in the framework of two concepts in geography of tourism and recreation and exactly, the concept of the tourist clusters and the cross-border tourist-recreational regions. The developments experience of classification of tourist clusters based on the available scientific research within this approach is represented in the first part of the research article. The proposed classification relies on such tourist clusters features as their stage of development, tourist dominants, types of developed tourism, administrative and political status and the size of the covered area, location relative to the state border, etc. The existence of the transboundary cluster can show a fairly high degree of formation of specific transboundary tourist-recreational region. The second part of the research represents the results of testing this classification of tourist clusters in Pskov region and also in the adjacent areas of neighboring countries that are the parts of the transboundary Russian-Estonian tourist-recreational regions of different hierarchical level.

Keywords: classification, tourism cluster, tourist resources, transboundary region, Setomaa, Pskov region, Russia, Estonia.